

От редакции	2
Юрий Поляков	
Керамика гляденовской культуры	3
Ольга Малышева	
Женский костюм населения Среднего Прикамья в эпоху Великого переселения народов	10
Александр Супруненко, Ирина Кулатова, Владимир Приймак	
Венгерское погребение с юга Полтавщины	23
Евгений Беговатов	
Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура	28
Леонид Арсланов	
Гидронимия Тукаевского района Республики Татарстан ...	37
Фанис Исламов, Наиля Башарова	
Татаро-марийские культурные и педагогические связи	46
Аида Петренко	
Костные остатки животных в погребальном обряде финно-угорских могильников 1 тыс. н.э. в Прикамье как исторический источник	69
Петр Старостин	
Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении	78
Владимир Рыбалка	
Габор Берецки (к 70-летию со дня рождения)	83
Козьма Куликов	
Иван Васильевич Тараканов — человек и ученый	86
Список сокращений	94
Сведения об авторах	94

От редакции

Предлагаемый читателю очередной номер журнала включает статьи по истории и культуре финно-угорских народов и их соседей. Открывается он работой покойного пермского археолога Ю.Полякова, посвященной анализу глиняной посуды гляденовской культуры. Статья подготовлена давно, однако, она и сейчас актуальна и дает представление о локализации групп населения Верхнего и Среднего Прикамья в предгуннскую эпоху. Хронологически последовательно далее следует труд О.Малышевой, в котором предложена реконструкция женского костюма населения Среднего Прикамья в эпоху Великого переселения народов. Несомненный интерес вызывает заметка А.Супруненко, И.Кулатовой и В.Приймака, посвященной анализу материала очередного открытого на Украине погребения второй половины IX в., оставленного мадьярами при их переселении в Паннонию. Достаточно познавательной для читателя явится и статья Е.Беговатова, в которой рассмотрены сведения гениального ученого Востока XI в. Абу Райхана Бируни о стране волжских болгар и их далеких торговых партнерах. Анализ гидронимов Тукаевского района Татарстана проведен в работе Л.Арсланова. Наиболее объемный и насыщенный фактическим материалом является труд Ф.Исламова и Н.Башаровой, посвященный рассмотрению татарско-марийских культурных и педагогических связей. Остеолог А.Петренко наглядно иллюстрирует в своем разделе, что остатки костей животных в финно-угорских некрополях Прикамья эпохи средневековья являются важным источником исторического познания.

Три последние статьи журнала: П.Старостина, В.Рыбалка и К.Куликова посвящены юбилейным датам людей, много сделавших для изучения финно-угорских народов. В них отмечены заслуги известного татарского археолога и историка А.Х.Халикова, венгерского языковеда Габора Берецки, удмуртского ученого И.В.Тараканова.

Юрий Поляков

Керамика гляденовской культуры

Длительные и интенсивные археологические исследования проводившиеся в различных районах Среднего и Верхнего Прикамья позволяют к настоящему времени значительно расширить наши представления о памятниках гляденовской культуры раннего железного века: выявить их локальные группы, установить общие черты и особенности материальной культуры отдельных гляденовских племен и на этой основе рассмотреть вопрос об их культурном и этническом единстве, а также уточнить хронологию и периодизацию памятников гляденовской культуры.

В настоящее время в Верхнем и Среднем Прикамье известно 252 памятника гляденовской культуры. Они занимают берега Камы и ее притоков от устья реки Пьянка — на юге до устья реки Косьвы — на севере (рис. 1). Почти все памятники гляденовской культуры расположены группами в нескольких обособленных районах, разделенных незаселенными территориями с интервалом в 15—20 км. Определенная обособленность групп, ряд специфических черт в материальной культуре и наличие в их составе культовых центров позволяют рассматривать каждый район как территорию расселения отдельных племен (племенные территории). Таких территорий выделяется шесть: Частинская, Тулвинская, Очерская, Юговская, Мулянская, Чусовская. Три первые из них образуют осинский локальный вариант гляденовской культуры, остальные — пермский. Расположенные к северу от устья р. Чусовой памятники относятся преимущественно к позднему этапу гляденовской культуры и образуют ее верхнекамский вариант.

Материал из раскопок гляденовских поселений представлен преимущественно керамикой. Для нее характерны как черты, свойственные всей культуре в целом, так и выражающие особенности отдельных племен.

Сосуды по форме подразделяются на 3 типа, а каждый из них — на 2 разновидности. К I типу относятся невысокие сосуды с четко выраженными шейками; у разновидности «А» они отогнуты наружу, «Б» — прямые или слегка наклоненные вовнутрь (рис. 2, 1-4). Тип II включает более высокие сосуды, с более узкой горловиной. Разновидность «А» имеет слабо выраженный переход от шейки к тулову (рис. 2, 5); к разновидности «Б» относятся сосуды с очень короткой шейкой и раздутым туловом (рис. 2, 6, 7). III тип составляют низкие открытые чаши без шеек; у разновидности «А» стенки отогнуты наружу, у разновидности «Б» они прямые или слегка загнутые вовнутрь (рис. 2, 8-11). Для всей керамики типично округлое дно.

Сопоставление материала памятников разных племенных территорий показало, что преобладания сосудов какой-то определенной формы отметить нельзя; в целом 70—80% сосудов относятся к I и II типам (за исключением костыщ, где преобладают небольшие сосуды III типа, имевшие ритуальное назначение (рис. 3).

В тесте большинства сосудов содержится примесь толченой раковины; из других примесей встречаются песок, шамот, растительные примеси. Встреча-

ются крупные сосуды, имеющие диаметр по венчику до 50 см, но преобладают средние, с диаметром 18—30 см (кроме костяк, где 65% составляют ритуальные сосуды с диаметром венчика 3—16 см).

Поверхность части сосудов лишь выровнена щепкой или пучком травы, но у большинства после этого она разглаживалась довольно тщательно.

По форме сосудов, технике их приготовления, составу теста, размерам керамики всех гляденовских памятников очень близка. В то же время в орнаментации керамики памятников разных племенных территорий существуют особенности.

В орнаментации керамики Турбинского костяка (Чусовская племенная территория) преобладали резные узоры (77% всех орнаментированных по шейке сосудов); среди сложных узоров, состоящих из разных элементов орнамента, чаще всего встречаются шнурово-резные (рис.4, 14-16). В орнаментации по венчику чаще всего встречается резной орнамент — 78%.

Орнаментация керамики Култаевского 1 селища (Мулянская племенная территория) близка турбинской. По шейке здесь орнаментировано 41% сосудов, по венчику — 47%. Преобладает в орнаментации по шейке резной орнамент, но доля его значительно меньше, чем на Турбинском селище — 37%. Широко представлен здесь шнуровой орнамент (25%); сложные узоры преимущественно шнурово-резные (рис.4, 1-10). В орнаментации по венчику резные узоры составляют 90,5%, зубчатые 9,5%.

На Юго-Камском костяке (Юговская племенная территория) по шейке орнаментировано 16%, по венчику — 17% сосудов. 52% орнаментированных по шейке сосудов имеют ямочный орнамент, 12% — шнуровой, 9% — орнаментированы сложными узорами (рис.4, 11-13). В орнаменте по венчику преобладает резной элемент.

На Горюхалинском городище (Очерская территория) по шейке орнаментировано 16% сосудов, 43% из них имеют зубчатые узоры (рис.5, 1-13). Сложные узоры, обычно включающие зубчатый элемент, составляют всего 3% (рис.5, 10). По венчику орнаментировано 43% сосудов, преобладает орнаментация зубчатым штампом — 72%.

Среди сосудов Пещерского городища (Тулвинская территория) 12 % орнаментировано по шейке, из них 44% — зубчатым штампом (рис.5, 14, 15,17), 26% имеют резные узоры (рис.5, 16). Орнамент по венчику имеют 34% сосудов, из них 79,5% — резной.

Керамика Калиновского городища (Частинская территория) отличается высокой долей орнаментации по шейке — 46% и полным отсутствием ее на венчике. 95% орнаментированных сосудов имеют ямочные узоры (рис.5, 18-20).

Керамика Опутятского городища (верхнекамский вариант) характеризуется преобладанием зубчатого элемента в орнаментации по шейке (43%) и зашипно-го в орнаменте по венчику (60%), незначительной долей сосудов, орнаментированных по шейке — 11% — и очень высокой по венчику — 84%. В орнаменте по шейке шнуровые узоры составляют 25% (рис.4, 17-20; 5, 21-23).

Из этого краткого обзора видно, что для каждого племени характерен свой характер орнаментации керамики, то есть преимущественное использование в орнаментации по шейке и венчику определенных элементов орнамента — резного, зубчатого, ямочного. Характер орнаментации керамики является устойчивым показателем, в чем убеждает сравнение материалов памятников одной племенной территории. На трех памятниках тулвинской территории — Пещерском и Осинском городищах и Гремячанском святилище — зубчатый орнамент по шейке имеют 44%, 45% и 40% орнаментированных сосудов; резной орнамент по венчику — 79,5%, 82,7%, 67%.

Эта устойчивость характера орнаментации дает возможность определить происхождение населения памятников, отличающихся по орнаментации керамики от других памятников той территории, где они находятся. Так, для мулянской территории характерно преобладание резной орнаментации по шейке и венчику, но на входящем в нее Федотовском городище 57% сосудов имеют по шейке зубчатый орнамент, 73% — резной по венчику, то есть характер орнаментации керамики здесь такой же, какой характерен для тулвинской территории, откуда и происходит население Федотовского городища. Еще одним примером в этом отношении могут быть Горюхалихинское и Бутырское городища, принадлежащие к разным племенным территориям, отстоящие друг от друга более чем на 100 км, но имеющие одинаковый характер орнаментации керамики. На Бутырском городище доля зубчатого орнамента по шейке составляет 58%, по венчику — 65,5%; на Горюхалихинском соответственно 43% (а в позднем слое, синхронном Бутырскому городищу, 68%) и 72%. Ясно, что Бутырское городище принадлежало населению, мигрировавшему на Верхнюю Каму из бассейна р.Очер. Это подтверждается и тем, что на обоих памятниках обнаружены одинаковые святилища.

В то же время в орнаментации керамики всех гляденовских племен есть и общие черты. Мы видим их в том, что независимо от преобладания того или иного элемента его узоры одинаковы (рис.4-5). Основные узоры немногочисленны: ряд (вертикально или наклонно расположенные отпечатки резного или зубчатого штампа), зигзаг, елочка, линия, группа (повторяющиеся обособленные несколько отпечатков штампа или ямок). Гораздо реже встречаются композиции — сочетания разных основных ударов одного элемента и сложные узоры, состоящие из разных элементов. Основные зоны и их композиции преобладают в орнаментации, составляя на разных памятниках до 90%.

Таким образом, каждая из выделяемых гляденовских групп населения отличается особым характером орнаментации керамики. Именно в керамике выражается их этническое своеобразие. В то же время в гляденовской керамике есть и общие для всех племен устойчивые стороны: форма сосудов, состав глиняного теста и орнаментация, служащие доказательством культурной общности всех гляденовских племен.

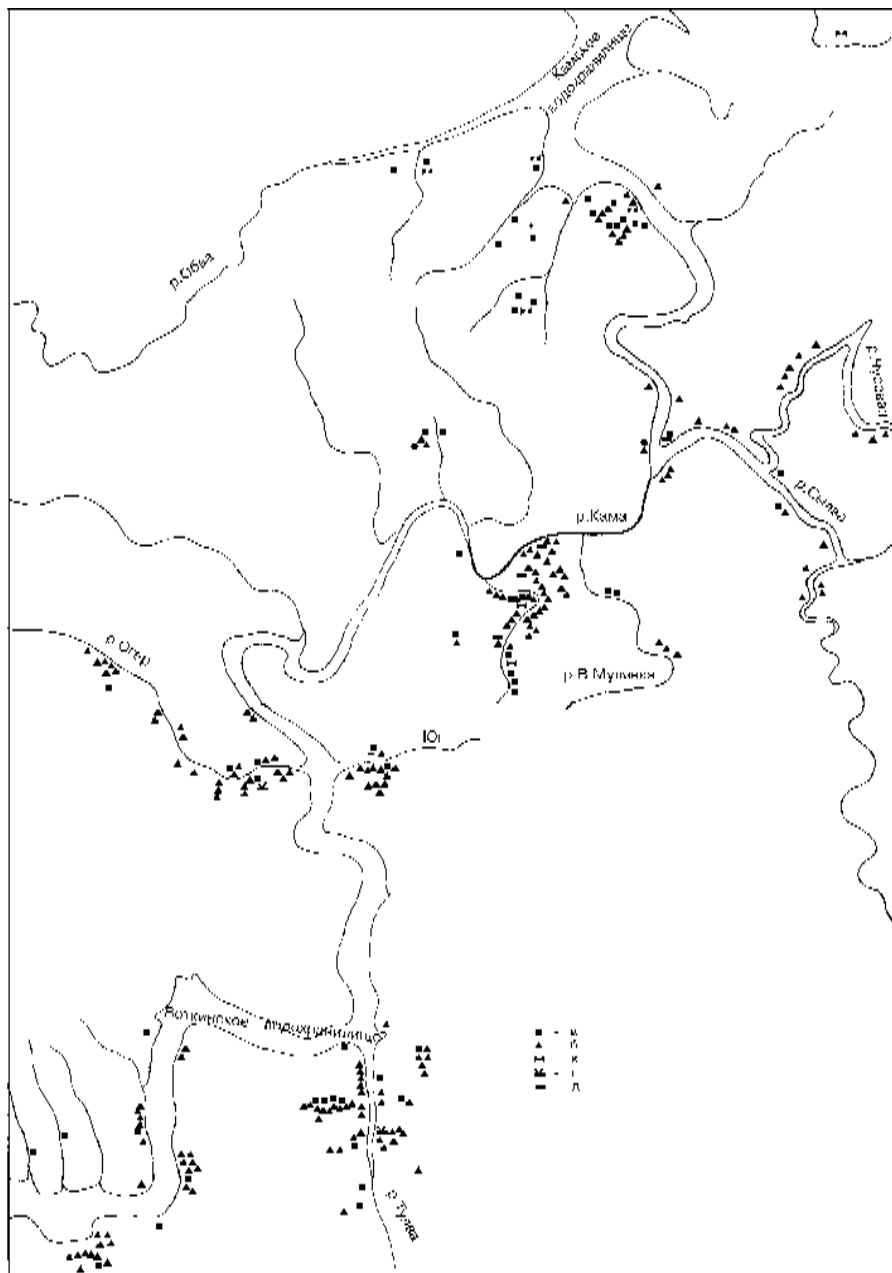

Рис. 1. Расположение памятников гляненовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье. а — городище, б — селище, в — костяше, г — святилище, д — могильник.

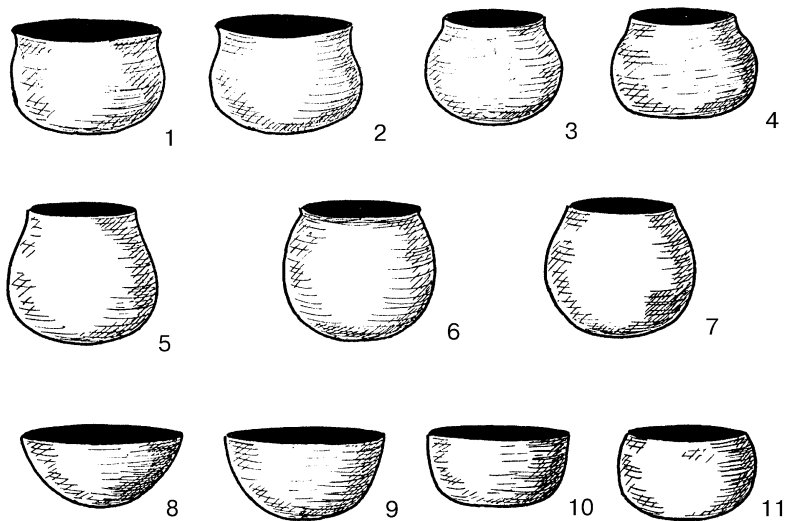

Рис.2. Типология керамики гляденовской культуры.

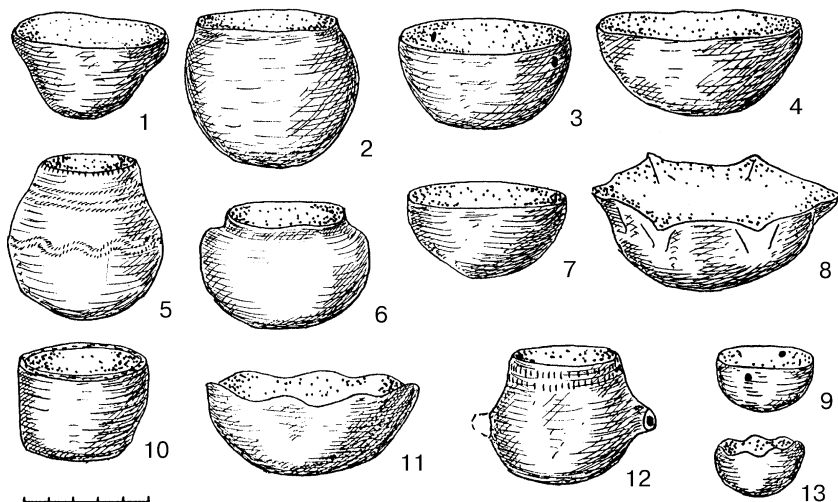

Рис.3. Типология керамики гляденовской культуры.

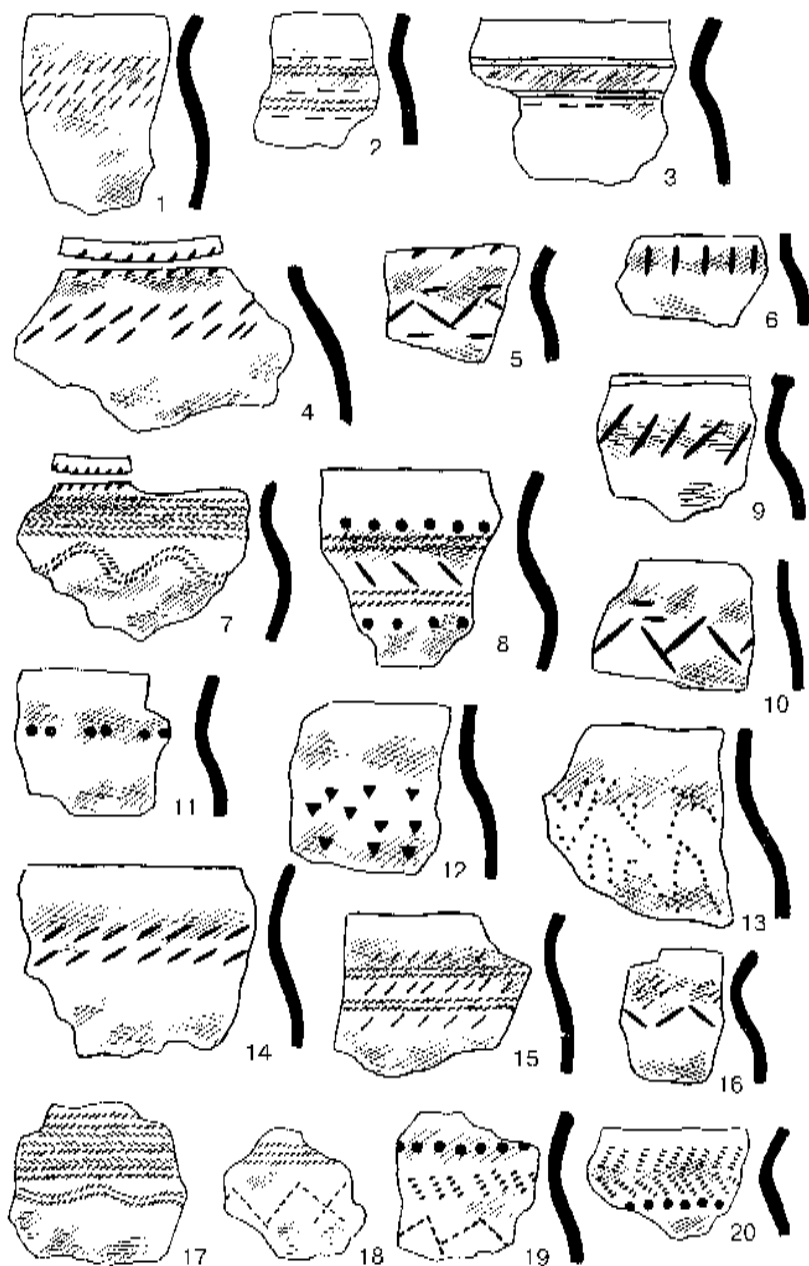

Рис.4. Керамика гляденовской культуры. 1—10 — Кулгаевское 1 селище, 11—13 — Юго-Камское костыще, 14—16 — Турбинское селище, 17—20 — Опутятское городище.

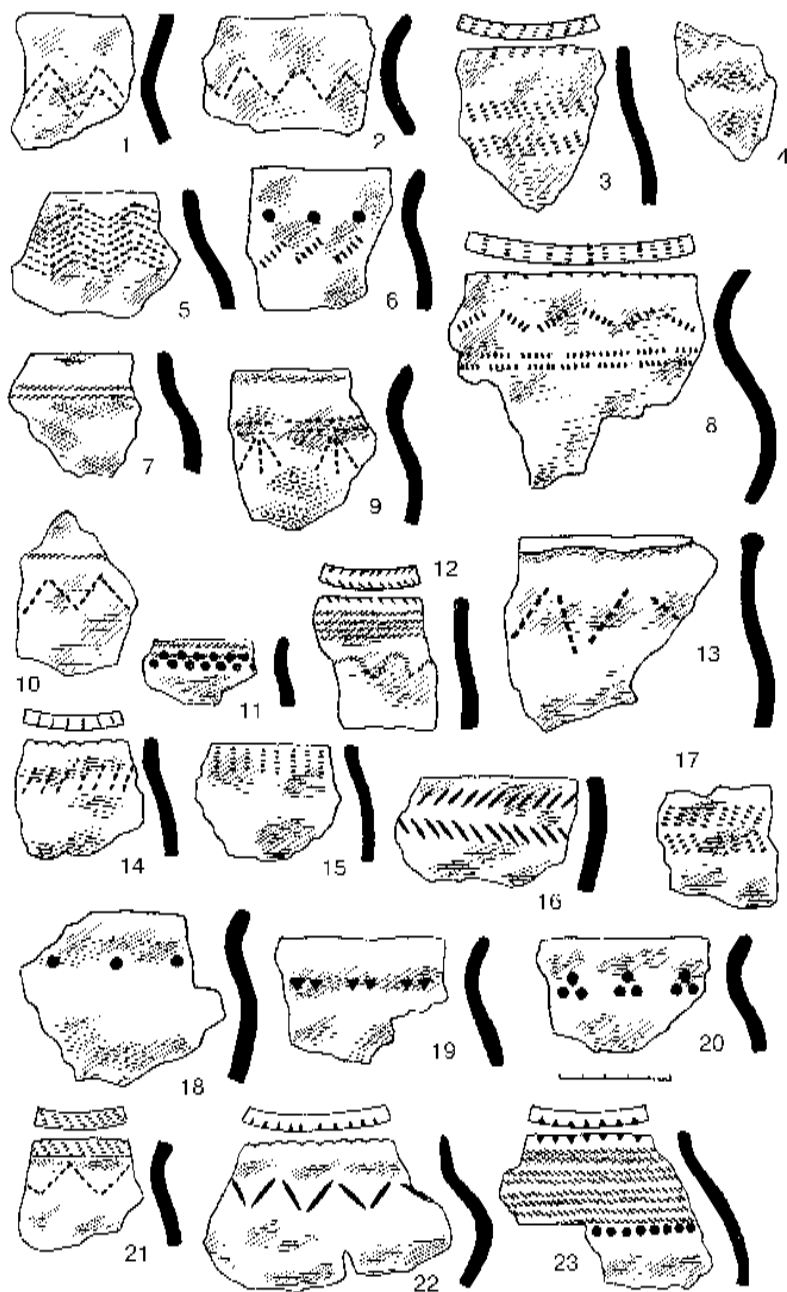

Рис.5. Керамика гляденовской культуры. 1—13 — Горюхалинское городище, 14—17 — Пещерское городище, 18—20 — Калиновское городище, 21—23 — Опутятское городище.

Оксана Малышева

Женский костюм населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов.

Женские украшения являются одним из наиболее значимых элементов народной культуры, наиболее ярким этническим показателем и в течение длительного времени сохраняют традиционные признаки. Костюм характеризует не только принадлежность к определенной этнической общности, но и показывает территориальные, родоплеменные, социальные, половозрастные различия его владельца.

В настоящее время мы имеем хорошее представление о костюме только XVIII—XX вв., а о костюме III—V вв. представление весьма смутное. Реконструкция убранства женщины того времени очень трудна, так как ткань в погребениях могильников сохраняется очень плохо, а комплекс украшений иногда не полный.

Наиболее полную реконструкцию женского костюма можно произвести на материалах мазунинских могильников: Покровский, Ижевский, Усть-Сарапульский, Мазунинский, Бирский, Ангасякский, Чепанихинский, Нивский.

Вещевой комплекс украшений мазунинской культуры довольно своеобразен.

Основная масса украшений в этих могильниках происходит из жертвенных комплексов. Состав жертвенных комплексов достаточно постоянен: чаще всего это бусы и височные подвески в количестве от 2—3 до 8 экземпляров. Реже встречаются браслеты, обычно по одному, иногда гривны, шилья и проколки, накладки и пронизки, бабочковидные фибулы (очень редко в 2 экз.), сьюльгамы, подвески. Категории вещей жертвенного комплекса не дублируют уже находящиеся в могиле, исключение составляют только бусы и пряжки. В основном все украшения в погребениях могильников мазунинского времени располагались так, как их носили при жизни в составе костюма, но иногда они лежат и в беспорядке.

Весь вещевой материал можно классифицировать как:

I. Украшения головы, шеи, рук — височные подвески и кольца, наконечники, подвески, бляшки, фибулы, сьюльгамы, ожерелья, бусы.

II. Украшения одежды — пронизки, подвески, бляшки, фибулы, сьюльгамы, бляхи.

III. Поясная гарнитура — поясные накладки, наконечники ремней, пряжки, бляхи-раковины.

I. **Височные подвески** «мазунинского типа» (найдено всего 546 экземпляров) представляют собой стержень с кольцом и крючком на концах. Иногда стержень украшала крупная бусина обычно светло-зеленого цвета. Выполнены подвески в одной технике: навивка тонкой бронзовой пластины на бронзовую основу-проволоку. Диаметр кольца 3,5—4,7 см, длина стержня достигает 8,5 см. Обычно в погребении лежало по 3—4 экземпляра. Очень часто височные подвески входят в состав жертвенного комплекса. На территории Башкортостана существовало четыре типа подвесок:

1. витые;
2. крученые;
3. с основой из бронзовой проволоки, на которую намотана другая проволока;
4. с основой из железной проволоки, на которую намотана бронзовая проволока.

Носили височные подвески женщины подвесив к головной повязке или к прическе.

Височные кольца (108 экз.) выполнены из бронзовой круглой проволоки зауженной на концах. Кольца встречаются по два экземпляра в погребениях.

Головные украшения делятся на несколько видов. Только в Покровском могильнике Т.И.Останина выделила пять видов головных украшений с металлической основой кольчужного плетения (накосники) по сложности и числу дополнительных элементов (пронизки, подвески).

I вид: Сетка из железных, реже бронзовых колец, которые располагаются в нижней части железной сетки. Сетка нашивалась на ткань (платок). В погребении 317 Покровского могильника были обнаружены отпечатки ткани из толстых ниток, что подтверждает предположение о том, что сетка нашивалась на платок.

II вид: Сетка из железных, реже бронзовых колец, соединенная с налобной повязкой. Повязка — кожаный ремешок, обязательно украшенный бронзовыми сферическими бляшками (2—31 экз.), кроме этого иногда бронзовыми бляхами, подвесками, пронизками-обоймами.

III вид: Сетка из железных колец и восьми-видных бронзовых подвесок, крепившихся в нижней части накосника. Этот вид головного убора очень близок первому, здесь роль бронзовых колечек выполняли подвески, соединенные между собой.

IV вид: Сетка из железных колец и подвесок (каплеобразная, якорьковидная, подвеска-уточка, трапециевидная).

V вид: Сетка из железных, реже бронзовых колец с цепочками по бокам. В состав накосника данного вида могла быть включена налобная повязка, застегивающаяся сьюлгамой.¹

В Ангасяжском могильнике, в погребении 93 найдена налобная повязка с рядом бронзовых бляшек на кожаной основе. Бляшки круглые, выпуклые с петель на обратной стороне.

Головной убор — символ этнической принадлежности женщины, своеобразный оберег, который свидетельствует о возрасте, социальном положении женщины в обществе.

К шейным украшениям относятся **гривны** — выполненные из бронзовой (в одном случае — железной) круглой проволоки, загнутой в кольцо. Концы завершаются крючками-петлями, которые зацепляются друг за друга. Иногда гривны имеют имитацию витья. Иногда на гривну нанизывались кольцеобразные бусины обычно бесцветные или светло-зеленого цвета. Есть ещё один тип гривен, выполненный из железного дрота с навивкой узкой бронзовой пластины,

иногда украшенные крупными бусинами. Всего гривен в мазунинских могильниках — 137 экз.

Ещё один вид шейных украшений — ожерелья, которые состояли из бус, спиралек, подвесок, обоймиц. Их часто клали в жертвенный комплекс. Они представляют собой тонкую кожаную полоску (реже тонкую проволоку, толстую нить), на которую были нанизаны только спиралевитые пронизки или железные цилиндрические трубочки-пронизки. В других случаях — сочетание аналогичных пронизок и бус.

В состав ожерелий чаще всего брали крупные бусы шарообразной или кольцеобразной формы (3—8 экз.), хотя в ряде погребений есть ожерелья в состав которых включены зонные, биконические бусы и бисер. Иногда в могильниках на территории Удмуртии кроме обычных элементов в ожерелье были нанизаны фрагменты других предметов: цепочки, поясные накладки и подвески (восьми-видные и каплеобразные).²

Среди бус найденных в Ангасякском могильнике преобладают мелкие, плоские, цилиндрические, круглые из стекла синего, голубого, зеленого цвета. Встречаются стеклянные с позолотой, одинарные и двойные, а также пастовые бусины тех же цветов и ещё желтого цвета. Редко попадаются более крупные бусины: желтые пастовые в виде усеченного конуса, бочковидные, круглые глазчатые, стеклянные с позолотой круглые и бочковидные. Иногда на ожерелье нанизываются подвески из бронзы. В Ангасякском могильнике были найдены остатки оригинального ожерелья. Оно представляло собой плоскую изогнутую железную пластину шириной в сохранившейся части 1,7 см с отверстиями внизу, в которые вдеты маленькие железные кольца, с висящими в них плоскими железными подвесками в виде ракеток.³

К украшениям рук относятся **браслеты** (128 экз., из них; железные — 67, бронзовые — 61), которые обычно сделаны из железа или бронзы. Железные браслеты выполнены из круглого дрота, концы находятся друг против друга, едва заходят друг за друга или соединены. Бронзовые браслеты в большинстве своем круглопроволочные, реже — пластинчатые. Также встречаются браслеты орнаментированные насечками в виде ёлочки или украшенные едва заметным геометрическим узором. В Усть-Сарапульском могильнике браслеты встречаются в жертвенных комплексах. Обнаружены два наборных браслета из железных скобообразных и спиральных пронизок. Два браслета из бронзы. Концы одного из них украшены парными завитками, другой перевит тонкой бронзовой проволокой.⁴

Перстни, найденные в Нивском могильнике представляют собой тонкую медную прямоугольную пластину с раширяющимся овальным щитком, на который нанесен сетчатый орнамент. Находки перстней малочисленны.

II. Этот ряд категорий предметов вошел в данную группу условно, как наиболее встречающиеся на одежде. Хотя многие из них могли стать и частью головного и шейного украшения.

Из этих украшений найдены **пронизки** трех типов:

1. Кольцеобразные, выполненные из бронзовой подтреугольного сечения проволоки, в редких случаях из круглой проволоки или тонкой пластины, и литые. Использовались они чаще всего для украшения плеча и рукава верхнего платья. Число пронизок на кожаной тесьме, которую пришивали к платью, достигало 266 экземпляров. Всего учтено 5208 экз.

2. Спиралевитые пронизки выполненные из тонкой, иногда с подгранением, бронзовой пластины, навитой в плотную спираль. В погребениях обычно встречается 1—6 экземпляров таких пронизок.

3. Пронизки-обоймы в виде прямоугольной, с едва выпуклой центральной частью пластины с загнутыми концами. Они нанизывались на узкую кожаную полоску, которая могла пришиваться на налобную повязку, на рукав платья.

Пронизки, изготовленные из железной и бронзовой проволоки, свитой в спираль Усть-Сарапульского могильника, встречаются в нагрудных украшениях, пронизки в форме бронзовых бусин нашивались на одежду, предварительно нанизанные на кожаный ремешок. Единична находка бронзовой сильно стилизованной пронизки-медведя.⁵

Подвески. Каплеобразные, трапециевидные, восьми-видные, подвески-цепочки, зооморфные подвески из бронзы и железа. К зооморфным относятся находки подвесок-уточек и шумящая подвеска-конек. Подобного типа украшения имеют ближайшие аналогии на могильниках азелинской культуры (всего 424 экз.).

Количество колечек в цепочках-подвесках достигает около 30 экземпляров, иногда на конце они были снабжены трапециевидной и восьми-видной подвесками.

Бляшки (674 экз.). Сделаны из тонкой бронзовой пластины и крепились чаще всего с помощью толстой нити, продетой через два противоположных отверстия. Они входили скорее всего в состав головной налобной повязки или нарукавного украшения. Круглые бляшки крепились через отверстие в центре и украшали головную повязку или же являлись частью ножен или рукояти ножа.

Незначительным числом представлены умбонovidные (с шишечкой-умбон в центре) и плоские круглые бляшки. Они использовались в нарукавных украшениях наряду с кольцеобразными пронизками. Плоские бляшки относятся к вещам пьяноборской культуры.

Бляхи круглые из медной пластины с узором из концентрических окружностей с рассеченной стороной. Этот тип хорошо известен по многочисленным находкам в азелинских погребениях могильника Тюм-Тюм.

Существуют также эполетообразные застежки, аналогичные азелинским и пьяноборским.

Большая часть **фибул** относится к типу бабочковидных, получивших свое название за оформление щитка под узор крыльев бабочки. Встречаются фибулы сайгатского типа: ажурный щиток, плетенный из проволоки, и в нижней части украшен подвесками лапчатыми, трубчатыми или бусами. Единичная находка ба-

бочковидной фибулы встречена в Ангасякском могильнике (раскопки Ф.М.Тагирова, 1990).

Есть ещё фибула с Т-образной передней частью корпуса с кольцом для пружины, две пары симметричных выступов на корпусе.

Значительный интерес представляет бабочковидная фибула. Устойчивость формы и находки их в массе почти во всех мазунинских могильниках, придает этим вещам особое значение. Бабочковидная фибула, по мнению В.Ф.Генинга является тотемным знаком какой-то большой родоплеменной группы мазунинской культуры. В женских погребениях они обнаруживаются в жертвенных комплексах (всего их в мазунинской культуре 180 экз.).⁶

Мазунинские фибулы употреблялись в качестве нагрудных застежек, что можно заключить по довольно частым находкам их в могилах на грудных костях. Однако, нередко фибулы находились и в жертвенных комплексах.

Употреблялись аналогично фибулам и **сюльгамы**-застежки. Это разомкнутые кольца с завернутыми в трубицу концами из медных пластин прямоугольного сечения. Игла сюльгамы также обычно из граненной пластинки. Сюльгамы уже известны с пьяноборского времени, а в начале раннего средневековья широко бытуют у племен азелинской культуры. Известны они и в окских могильниках.

III. Поясная гарнитура. Поясной ремень — самая частая находка в мазунинских погребениях. Размещение пояса в погребениях характеризуется многообразием: вдоль тела (60,6%); на теле (12,1%); в жертвенных комплексах (4,5%); поперек ног и между ними (2%); на животе (20,8%). Но в основном пояса в женских погребениях входили в состав жертвенных комплексов.

Поясные ремни можно разделить на три типа:

1. Пояс с медной, чаще, с железной пряжкой на конце.
2. Пояс с пряжкой на одном конце и медным или железным наконечником — на другом.
3. Поясной набор с пряжками (застежками), наконечниками, накладками и бляхами на ремне.

Пояса с набором представляют собой довольно роскошную вещь.

В состав пояса входили — пряжки, крючки-застежки, бляшки, наконечники, подвески. Пряжки довольно однотипны — в виде простого кольца с иглой или такого же кольца с обоймой для прикрепления к ремню.

Все пряжки крепились к ремню при помощи одного-двух шпеньков. Большинство пряжек железные или с железным кольцом и медными язычками.

В районах Прикамья в это время господствуют ещё медные пряжки. Они очень редко употреблялись в женских поясах.

Большинство женских поясных ремней имеют железные крючки-застежки. Простейший тип этих застежек представляет собой узкую пластинку, один конец которой несколько сужен и загнут в крючок, а другой или расширен или имеет петлю. Крючки этого типа по способу употребления совершенно сходны с пьяноборскими эполетообразными застежками, с той лишь разницей, что пос-

ледние имели для прикрепления к ремню на обороте задних блях костыльки, а мазунинские крючки или приклепывались к ремню или закреплялись петлей.⁷

Наконечники ремней — сравнительно редкая вещь в мазунинских поясах. В Мазунинском могильнике они вообще не встречены (169 экз.).

Поясные ремни обычно украшались медными накладками (4235 экз.) — прямоугольные пластинки шириной 6—9 мм и длиной 2,5—4 см, украшенные по краям насечками, треугольными и продольными выемками, иногда вырезами. Крепились накладки к ремню при помощи двух шпеньков-заклепок. Часто снизу к накладкам приклепывались небольшие колечки, продетые в сгиб конца накладки.

Весьма разнообразны также **бляхи-накладки** из крупных раковин, украшавших поясной ремень спереди около застежки. Раковины, безусловно привозные. Бляхи круглые, диаметром до 8 см, сверху иногда покрыты циркульным орнаментом и в свое время были окрашены в ярко-красный цвет.

К ремню они крепились при помощи небольших умбоновидных бляшек, которые притягивались ремешком, пропущенным через отверстие в центре раковины. На одном поясе крепилось от одной до четырех таких блях.

Находки створок крупных раковин в мазунинских памятниках представляют собой исключительный интерес. Совершенно аналогичные раковины известны на Памире. Б.А.Литвинский пишет, что сходные экземпляры встречаются в Южной Индии. Мазунинские раковины совершенно аналогичны памирским и индийским экземплярам не только по форме и размерам, но и наличием на некоторых по поверхности гравированного орнамента. Многочисленные находки раковин в мазунинских могильниках скорее всего свидетельствуют о том, что они привезены из Индии,⁸ и говорит о широких культурно-торговых связях мазунинских племен.

В Ангасякском и Усть-Сарапульском могильниках найдено несколько экземпляров обувных пряжек. По принципу действия они делятся на два типа:

1. С неподвижными крючками;
2. С подвижными язычками.⁹

Как видно из всего выше написанного многие украшения находятся в составе жертвенного комплекса. Традиция сопровождать погребенного жертвенным комплексом сосуществует с другим интересным ритуалом — обычаем снимать с умершего пояс и укладывать его вдоль тела погребенного. Возможно смысловая связь этих действий — освобождать умершего от всех вещей и украшений, укладывая их рядом в особом порядке. Вытянутые на дне могилы пояса и украшения из жертвенного комплекса составляют большую часть инвентаря погребений мазунинского времени.¹⁰

Исходя из набора украшений женского костюма можно заметить, что некоторые виды украшений имеют аналоги в азелинской и пьяноборской культурах. Это не удивительно потому, что процент сходства пьяноборской и мазунинской культурой составляет 0,79, между кара-абызом и мазунино — 0,76. В основном это: сюльгамы-застежки, круглые бляхи из медной пластины, эполетообразные застежки, плоские бляшки.

Но все же многие украшения, несмотря на аналогии — безусловно чисто мазунинский элемент, и в других культурах они не встречаются. Бабчовидные фибулы, височные подвески с напускной бусиной, браслеты из железных пластин, бляшки с умбоном, экземпляры пронизок и подвесок, поясные наборы с бляхами-раковинами и петлевидными застежками — все эти вещи, не имеющие своих прототипов ни в пьяноборской, ни в азелинской, ни в какой-либо иной культуре.

Проанализировав весь комплекс женских украшений, на основе коррелирования набора украшений в погребениях можно выделить такие возрастные группы:

I. Девочки и подростки до четырнадцати лет. Для них было характерно носить ожерелья из бус и пронизок, бусы из бисера, гривны. Плечо и рукав верхнего платья украшались пронизками-кольцами. Из украшений костюма были каплеобразные подвески и сюльгамы (рис. 1).

II. Девушки и женщины в возрасте от 14 до 35 лет: на голове носили налобные повязки (рис. 2), головные украшения из сетки железных колец кольчужного плетения с накосником (рис. 3) к которым крепились височные подвески с напускными бусинами, бронзовые подвески, бляшки. На шее они носили гривны, ожерелья из бус и спиралевитых пронизок, подвески-цепочки. Плечо и рукав верхнего платья также украшались пронизками-кольцами. Поясная гарнитура с бляхами-раковинами, к поясу ещё крепились ножны с ножом и шилом. Ещё характерны сюльгамы, бисер, восьми-видные и каплеобразные подвески, фибулы в качестве украшений одежды.

III. Женщины 35—50 летнего возраста (рис. 4) носили головной убор с накосником из железных колец и бронзовых бляшек, к нему также крепились височные подвески с напускной бусиной. Гривны, ожерелья из крупных бус, сюльгамы, фибулы, браслеты как украшения шеи и рук. Плечевые и нарукавные украшения верхнего платья из пронизок-колец. Поясная гарнитура, ножны с ножом и шилом.

IV. Женщины старше пятидесяти лет (рис. 5). Здесь нужно отметить, что в погребениях этот возраст встречается очень редко. Но можно сказать, что они носили головной убор из железных колец с височными подвесками. На шее гривны и бусы из бисера. Поясная гарнитура, ножны с ножом, шилом и щипчиками.

Проанализировав таким образом все украшения, можно сказать, что самый богатый костюм был у девушек и женщин в возрасте от 14 до 35 лет.

Многие украшения были одинаковыми для всех четырех возрастных групп: ожерелья, бусы, гривны. Многие украшения характерны только для той или иной группы, а именно — головной убор с накосником носили только замужние женщины, а налобные повязки с бляшками — незамужние. Этому можно найти подтверждение в этнографической литературе. Состав украшений, их количество зависело от возраста, семейного положения женщины. И именно женские украшения с их традиционными признаками являются этноопределяющими элементами той или иной культуры. Многие украшения были заимство-

ваны одним народом у другого, но и многие не имеют своих прототипов в других культурах. На примере мазунинской культуры это хорошо видно.

Примечания:

- ¹ *Останина Т.И.* Покровский могильник IV—V вв. — Ижевск, 1992. — С.7.
- ² Там же. — С.7.
- ³ *Васюткин С.М.* Ангасякский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. — Ижевск, 1980. — С.81.
- ⁴ *Арматынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. — Устинов, 1986. — С.44—45.
- ⁵ Там же. — С.45.
- ⁶ *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, вып.7. — Ижевск, 1967. — С.51.
- ⁷ Там же. — С.29.
- ⁸ *Литвинский Б.А.* 1964. Таджикистан и Индия // Индия в древности. — М., 1964. — С.155.
- ⁹ *Васюкин С.М.* Указ.соч. — С.83.
- ¹⁰ *Арматынская О.В.* Жертвенные комплексы в погребальных памятниках удмуртского Прикамья II—IV вв. н.э. // Новые археологические исследования на территории Урала. — Ижевск, 1987. — С.74.

Рис.1. Комплекс костюма девочек и подростков в возрасте до 14 лет.

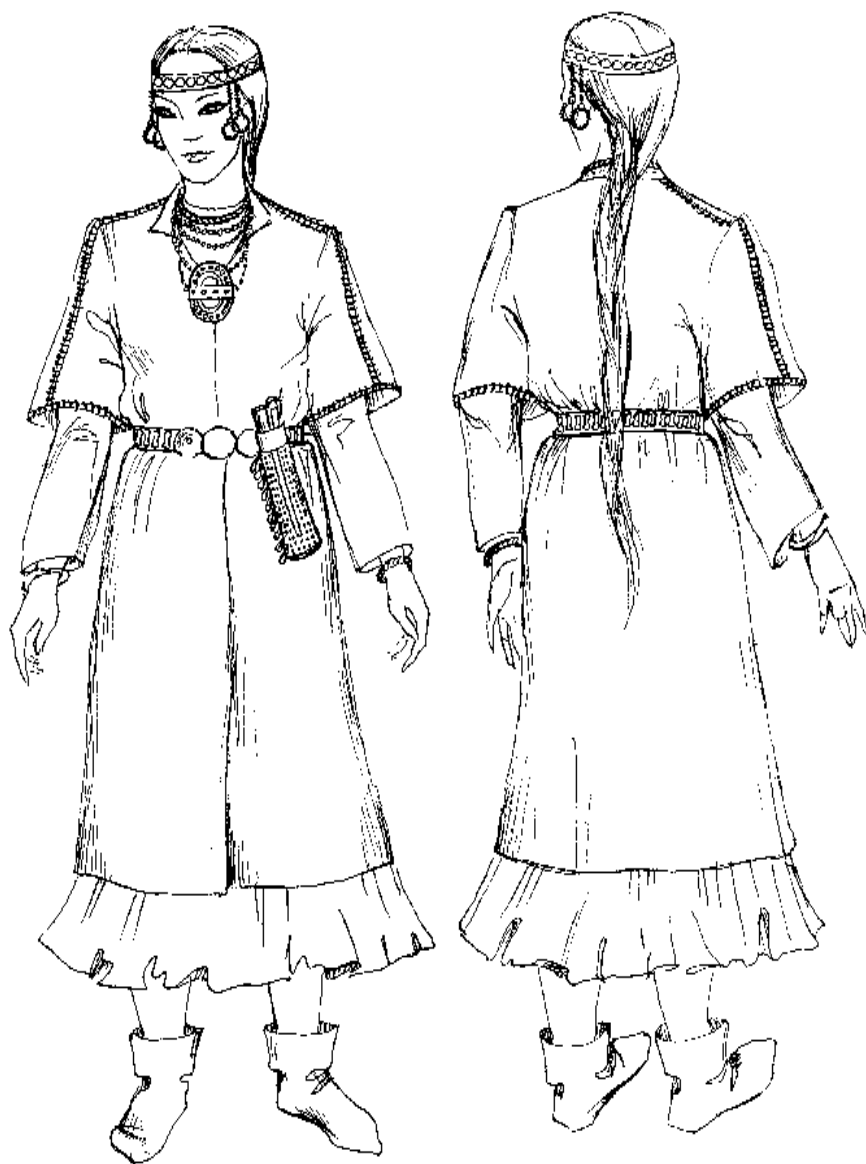

Рис.2. Костюм молодых женщин (возраст от 14 до 35 лет).

Рис.3. Костюм женщин в возрасте 35—50 лет.

Рис.4. Женский костюм (возраст 35—50 лет).

Рис.5. Костюм пожилых женщин.

Александр Супруненко, Ирина Кулатова, Владимир Приймак Венгерское погребение с юга полтавщины

В 1985 г. вблизи с.Твердохлебы Дашковского сельсовета Кобеляцкого р-на Полтавской обл. при проведении мелиоративных работ было случайно обнаружено кочевническое погребение, впущенное в курган ямной культуры.¹ Курган находился в 1,5 км к северо-востоку от села, он распахивался. Размеры кургана следующие: высота 0,4 м, диаметр около 20 м. Он был прорезан траншеей экскаватора по центру, при этом было задето, а затем и расчищено погребение рабочими, обнаружившими его. На основании позднейшего обследования места находки и опроса рабочих, расчистивших погребение, удалось установить некоторые детали данного погребения. Захоронение было совершено вблизи центра кургана, на глубине около 1,2 м. Погребенный лежал в расплавленном положении на спине, головой на запад, руки располагались вдоль туловища. У ног погребенного находились череп и кости конечностей коня. Следы гроба или перекрытия не отмечены. Погребение сопровождалось в области пояса и ног серебряными позолоченными бляшками от поясного набора и украшениями обувных ремней, а также железными деталями конской сбруи, наконечниками стрел, фрагментами меча или палаша (?) и другими не сохранившимися предметами. У рабочих и при обследовании места находки были собраны украшения поясного набора (10 шт.), а также разбитые кости и зубы коня.

Приводим описание находок (рис.1).

1. Неорнаментированные бляшки сердцевидной формы (2 экз.). Размеры бляшек 2 на 2,45 см (рис.1,2).

2. Бляшки сердцевидно-округленной формы с небольшой петлей-прорезью в верхней части, украшенные стилизованным трилистником с остатками позолоченности (4 экз.). Размеры 2,3 на 1,7 см (рис. 1,1).

3. Позолоченные бляшки с треугольной петлей-прорезью в верхней части, орнаментированы рельефным стилизованным изображением трилистника (2 экз.). Высота 2,7 см, ширина 2,65 см (рис. 1,4).

4. Наконечник ремня в виде геральдического щита, украшенный по краям бортиком и маленькими «жемчужинами»; в центре стилизованная пальметта, лепестки переданы тонкими линиями, которые завершаются волютами (1 экз.). Размеры 2,1 на 1,4 см (рис.1,3).

5. Наконечник ремня с профильным рельефным изображением фигурок горного козла (?) и крадущегося за ним хищника из семейства кошачьих в окружении слегка волнистого бортика — на лицевой стороне, и с гладкой неорнаментированной внутренней стороной (1 экз.). Наконечник крепился к ремню двумя сквозными отверстиями диаметром 0,17 см. Под фигуркой козла — сквозная пробоина. Размеры 3,85 на 2,1 см (рис.1,5).

Все бляшки крепились к поясу при помощи трех штифтов (наконечник — двух), имевших в разрезе круглую форму, диаметром 0,2—0,27 см, длина штифтов 0,2—0,9 см. На ремне штифты фиксировались шайбочками квадратной фор-

мы, джина стерся 0,4 см (сохранилась до реставрации в одном случае). Все найденные украшения литые, с дальнейшей доработкой деталей изображений острым инструментом. Материал изготовления украшений — серебро 500—875 пробы.

Неполный состав инвентаря погребения и обстоятельства находки сужают информационные возможности данного комплекса. Однако характерные детали обряда погребения и довольно выразительные предметы, сопровождающие захоронение позволяют определить его как принадлежащее воину-венгру эпохи обретения родины.

Прежде всего, это сердцевидные бляшки с петлей-прорезью и орнаментом в виде трилистника со строенными ягодами. Аналогичная бляшка происходит из погребения 2 кургана №1 Хусаиновских курганов в Башкирии.² Подобные бляшки, но с другим оформлением петель и орнаментацией, известны по материалам Больше-Тиганского могильника,³ среди украшений из комплексов этого памятника нередки орнаментальные мотивы, подобные орнаментам рассматриваемых бляшек. Подобные бляшкам рассматриваемого погребения с гладкой поверхностью известны из детского погребения № 3 Субботицкого могильника бассейна р.Ингул.⁴ Последние, однако, вырезаны из тонкого листового серебра,⁵ тогда как твердохлебовские литые.

Поясные наконечники из погребения по форме близки распространенным в древностях степной зоны Восточной Европы, однако не имеют точных аналогов в орнаментации. Пальметтовый узор на поясных украшениях, по мнению И.А.Баранова, стилизуясь и усложняясь, характерен в основном для поволжско-приуральского региона, а этапы проникновения поясного набора с такой орнаментацией хронологически совпадают с миграцией древне-венгерских племен из Южного Приуралья и Средней Волги в Центральную Европу.⁶ Имеются все основания для отнесения наконечника с таким узором (рис.1,3) к упомянутым изделиям. Другой наконечник с изображением животных, близок по сюжету аналогичному по назначению предмету из Железницкого (Зарайского) клада.⁷ Сюжетные сцены с изображением животных встречаются на венгерских памятниках, хотя Е.А.Халикова и отмечала, что для Больше-Тиганского могильника характерны изображения фантастических животных.⁸ Однако следует обратить внимание на то, что выпуклый бордюр по краю наконечника, состоящий из овальных и круглых звеньев, на данном изделии, как и на железницком, уже утрачен, хотя на высокохудожественных вещах из комплексов даже X в. он прослеживается.⁹

Перейдем теперь к вопросу о датировке погребения. Поволжские и приуральские памятники, с которых происходят аналогии вещам погребения из Твердохлебов, относятся к караякуповской культуре VIII—IX вв.¹⁰ Железницкий клад датируется рубежом IX—X вв.¹¹ Для более точного датирования погребения следует привлечь и другие комплексы, содержащие венгерские вещи с территории Днепровского Левобережья. Помимо уже упоминаемых Субботицкого могильника и Железницкого клада, следует принять во внимание вещи клада с городи-

ща Новотроицкого (квадрат Ш₂).¹² Помимо арабских монет, салтовских и славянских вещей, в кладе найдена уздечная накладка-тройник, а также две бляшки-тройчатки из полых полушариков. Последние напоминают бляшку из кургана № 1 Ямаши-Тауских курганов,¹³ хотя имеют и другие аналогии, в том числе в Пересопницком могильнике,¹⁴ датируемом А.П.Моцей X—XII вв.¹⁵ Накладка-тройник имеет достаточно аналогий в венгерских древностях Приуралья,¹⁶ где считается этнографическим признаком материальной культуры населения Южного Урала и Приуралья VIII—IX вв.¹⁷ Все перечисленные комплексы взаимосвязаны между собой: Железницкий и Новотроицкий клады имеют в своем составе аналогичные салтовские серьги с привеской грушевидной формы,¹⁸ Новотроицкий клад и погребение № 1 Субботицкого могильника также имеют сходные салтовские серьги (хотя последняя явно более поздняя по сравнению с первой¹⁹), о сходстве субботицких и твердохлебовских бляшек и железнцкого и твердохлебовского наконечников шла речь выше. Анализируя взаимосвязи вещей данных комплексов и принимая во внимание их датировку (более ранним временем, чем Железницкий клад и Субботицкий могильник, но не ранее 819 года — наиболее поздней монеты клада с городища Новотроицкого), комплекс из Твердохлебов следует датировать между второй четвертью—концом IX в. Скорее всего, его можно отнести ко второй половине IX в., когда, согласно сведений письменных источников, венгры пребывали в Леведии и Ателькузу.²⁰ Картографирование всех ставшими известными в последнее время венгерских погребений Поднепровья,²¹ показывает, что они тяготеют к нижнему течению Днепра, находясь на обоих его берегах. Твердохлебовское погребение является наиболее ранним из всех ставших известными в последнее время. Оно расположено вблизи Переволочинской переправы через Днепр, на расстоянии до 200 км к югу от памятников роменской культуры. Венгерские погребения, как и находки на славянских памятниках Подонья и Днепровского Левобережья, позволяют конкретизировать сведения письменных источников о пребывании в Леведии и Ателькузу, а также о конкретных путях продвижения венгров на запад.

Примечания:

¹ Супруненко А.Б. Работы в бассейне Ворсклы //АО 1985 г. — М.: Наука, 1987. — С.418. Находки хранятся в Полтавском краеведческом музее, инв. № А 9151-9160.

² Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. — М., 1981. — С.41, рис.20, 3.

³ Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА, 1976, № 2. — С.162, рис.3, 2, 22.

⁴ Там же. — С.163, рис.4, 7, 21; 5, 5.

⁵ Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА, 1968. № 2. — С.109, рис.7, 4.

⁶ Баранов И.А. Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII—X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С.80.

⁷ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С.104, рис.14.

⁸ Халикова Е.А. Указ.соч. — С.171, рис.12.

⁹ Бокий Н.М., Плетнева С.А. Указ.соч. — С.107, рис.5, 1-6.

- ¹⁰ *Иванов В.А.* О характере этнокультурного воздействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С.114—115.
- ¹¹ *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА, 1980. № 3. — С.116.
- ¹² *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА, № 74. — М.-Л., 1958. — С.27—29, рис.15, табл.ХСII, 1-14.
- ¹³ *Мажитов Н.А.* Указ.соч. — С.32, рис.13, 1.
- ¹⁴ *Ляпушкин И.И.* Указ.соч. — С.28, 29.
- ¹⁵ *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв. — Киев, 1990. — С.114, сводная табл.1, 51.
- ¹⁶ *Мажитов Н.А.* Указ.соч. — Рис. 13; 15; 17; 20; 29; 31; 34.
- ¹⁷ *Иванов В.А.* Указ.соч. — С.112.
- ¹⁸ *Рыбаков Б.А.* Там же.
- ¹⁹ *Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Указ.соч. — С.100, рис.1, 3; С.112.
- ²⁰ *Москаленко А.Н.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древне-русское население Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С.192—193. *Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Указ.соч. — С.114. *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. — М., 1984. — С.22—24.
- ²¹ *Чурилова Л.Н.* Погребение с серебряной маской у села Манвеловка на Днепропетровщине // СА, 1986, № 4. — С.261—266. *Чурилова Л.М.* Комплекс предметів з середньовічного поховануя поблизу с.Коробчино Криничанського р-ну Дніпропетровської обл. // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології на Україні. Тези доповідей та повідомлень на науково-практичному семінарі. — Вінниця, 1990. — С.84—85.

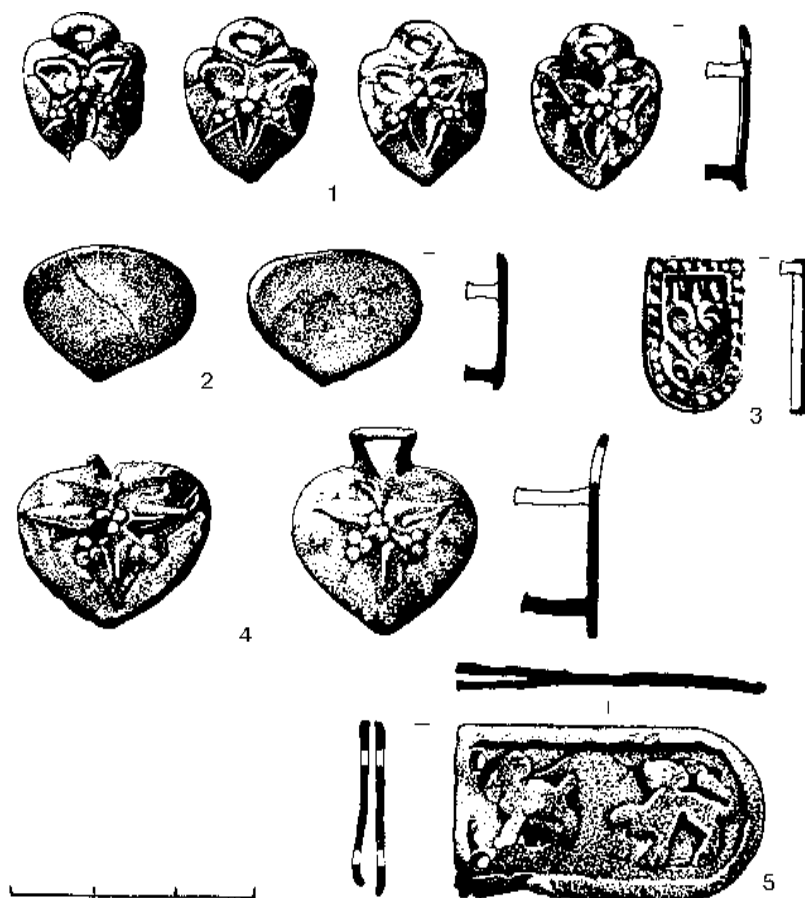

Рис. 1. Вещи из погребения у с. Твердохлебы.

Евгений Беговатов.

Абу Райхан ал-Бируни

о Волжской Булгарии, стране ису и йура

Десятый век занимает в истории Волжской Булгарии особое место. Именно в это время создаются благоприятные условия для развития сложившегося государства на Волге. В связи с нашествием печенегов на Хазарский каганат из степей Донского бассейна приходит большая группа болгарских и родственных им этносов, которая принесла с собой производственные и сельскохозяйственные навыки¹; контроль на верхней части волжского торгового пути в страны Средней и Передней Азии и торговля мехами предопределили относительно быстрое развитие Булгарского государства,² в частности, образованию и расцвету городов Сувары и Булгар. Ослабевает, а затем прекращается зависимость от Хазарии. Свидетельством этих важных перемен являются археологические материалы, а также немногочисленные краткие письменные источники, среди которых и сочинения ал-Бируни.

В связи с тысячелетием со дня рождения выдающегося учёного и энциклопедиста Востока XI в. Абу Райхана Мухаммада ибн Ахмада ал-Бируни (973—1048 гг.) с учётом анализа всех предыдущих публикаций и вновь найденных списков были изданы основные труды этого выдающегося человека. Жизнь и творчество ал-Бируни освещали в своих произведениях крупнейшие востоковеды, в том числе и авторы переводов и исследований этих изданий. Сведения о северных народах (сакалибы, русы), содержащиеся в работах ал-Бируни в соколовых годах были изучены Заки Валиди.³

Создавая космологическую картину мира ал-Бируни, при описании стран и областей, не раз касался Волжской Булгарии и связанных с ней народов.⁴ В одном из важных и последнем своём произведении «Каноне Мас'уде» он приводит (наряду с другими сведениями) и географические координаты интересующих нас областей, которые будут проанализированы ниже.

Уже в одном из первых сочинений⁵ в 1000 г. «Хронология» ал-Бируни пишет: «Но нам неизвестны какие-либо мусульманские народы, оторванные от [коренных] стран ислама, кроме булгар Сувары, а они живут вблизи границ культурных областей, в конце седьмого климата. Далее [булгары]... читают хутбу...; они говорят не по арабски, а на своём языке, смешанном из тюркского и хазарского». Интересным в этом месте является то, что Бируни говорит о булгарах Сувары и не упоминает города Булгар. Племенная группа савир-сувар⁶ (SVR) пришла из Центральной Азии на Северный Кавказ в результате цепи миграции народов во второй половине V в. Северный Кавказ контролировался тогда главным образом алтайскими народами: саварами-савирами и хазарами.⁷ В VI—VII вв. основными этническими группировками прикаспийских степей и Предкавказья в источниках постоянно упоминаются барсила, савиры и хазары.⁸ С.А. Плетнёва⁹ предполагает возможным переселение (вторая волна) савир на Среднюю Волгу в VII в. (первая — булгар). Ибн Хурдадбех в «Книге путей государств»¹⁰

(конец IX в) при описании дороги между Джуржаном и городом Хамлиджем (восточная часть столицы хазар) упоминает в первую очередь имя одного хазарского племени SWR — «За пределами ал-Баба [идут земли] владык сувар, лапсов, аланов, ...». Поэтому, возможно, сувары на Волге появились раньше булгар.

Из сочинения Ибн Фадлана хорошо известно соперничество между этими племенами в начале X в. И это понятно, поскольку сувары, по-видимому, могли помнить о том, что в VII в. они возглавляли «Царство гуннов», в которое входили и болгары.¹¹ Неизвестна и религия, которой придерживались волжские сувары. Ислам получил распространение задолго до прихода Ибн Фадлана на Волгу.¹² Большинство ученых считают,¹³ что в этом распространении сыграли основную роль Средняя Азия (хорезмийцы) и Хорасан (саманиды), в которых наиболее распространённым был ислам ханифитского толка.¹⁴ У хафинитов икама в азане повторяется два раза.¹⁵ Произнесение икамы один раз рекомендовали шафииты, но возможны и исключения. Об этом говорит Ибн Хаукаль, давая характеристику Хорасана.¹⁶ Шафинитский толк был в употреблении в Ираке, при дворе халифа.¹⁷ До приезда багдатской экспедиции на Волгу булгары были последователи школы Абу Канифы (две икамы). Ни о подчинении булгарам, ни о религии сувар Ибн Фадлан не говорит. Скорее всего сувары также как и волжские болгары исповедывали ислам — Ибн Фадлан говорит только о том, что племя эскел ещё официально не приняло ислам. Если же сувары были ханифитами, по понятно почему они не последовали с булгарами к реке Джавшир. Хотя различие между ханифитами и шафиитами незначительно, однако между правоверными этих толков в Хоросане порой случались кровавые столкновения. Несмотря на возникшие разногласия между этими племенами о каком либо уходе сувар из Закамья ибн Фадлан в своём сочинении не говорит.¹⁸ Насколько долго булгары придерживались ислама шанифитского толка не известно. Ал-Гарнати (1155 г.), сообщает следующее «А в середине города [Саджсин] живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть ... и вокруг неё живут булгарцы. И есть ещё соборная мечеть, другая, в которой молятся народность, которую называют «жители Суvara», она тоже многочисленна».¹⁹ О том, что жители Булгары — мусульмане ханифитского толка, говорит арабский географ начала XIV в. Абу-л-Фида.²⁰

Интересен и нумизматический материал, касающийся вопросу времени начала чекана монет в Суваре и Булгаре. Понятно, что города Сувар и Булгар не могли возникнуть одновременно. В 310 г.х. (922 г.) в момент приезда в Волжскую Булгарию ибн-Фадлана городов не было.²¹ Известны первые монеты Суvara чеканенные в 337 г.х. (937 г.) Эта дата и город у исследователей никогда не вызывал сомнения. Другое дело с ранними монетами, отнесенными к чекану Булгар. Р.Р. Фасмер²² и С.А. Янина²³ опубликовали монеты Микаила ибн Джафара с надписью в круговой легенде «медина́т булгар». С.А. Янина на основании этой монеты считала, что город Булгар возник не позднее 320 г.х. (932—933 гг. н.э.). Однако как пишет П.Г. Булгаков в предисловии к «Геодезии»²⁴ слово «медина́т» в работах Бируни постоянно сочетается с названием страны и имеет значение главный го-

род — «главный город Хорезма», «главный город Сиджистана», «главный город хазар». А.П.Ковалевский при переводе «Книги ... Ибн-Фадлана» придавал этому слову значение «страна»²⁵ — «страна хазар» (лучше в этом месте «главный город хазар»). Этот вопрос был рассмотрен и И.Ю. Крачковским.²⁶

На ранних куфических монетах встречаются сочетания городов или областей с приставкой «медина́т». В завалишинском кладе была найдена монета 194 г.х. из Мединат-Бухары. В эрмитажной коллекции имеются монеты 194 и 195 г.х. из Мединат-Балх.²⁷ На Измерском селище при разведках Е.П.Казакова была найдена серебряная монета из Мединат Герата 199 г.х. (814 г.) (определение Г.А. Федорова-Давыдова). На саманидских монетах приставка «медина́т» не известна.²⁸ С самого начала монеты Волжской Булгарии изготавливались по образцу саманидских первоначально с указанием их областей. Название главного города могло совпадать с названием области, но иногда и не совпадало — область Фергана — с главным городом Ахсикеть, область аш-Шаш с главным городом Бинкеть.²⁹ Следовательно, надписи на монетах этого типа могут говорить и о том, что они чеканены в главном городе булгар, который мог и не быть Булгаром. На других монетах Волжской Булгарии этого периода и отнесённая С.А. Яниной к чекану Булгара либо дата («336 или 346») сохранилась не полностью,³⁰ либо повреждена круговая легенда («кажется возможным чтение название места чекана как Болгар»³¹). Поэтому вопрос о приоритете возникновения и начала чекана в Суваре или Булгаре остаётся открытым. Исходя из этого высказывание ал-Бируни о «булгарах Сувара» не исключает возможности того, что в каком-то промежуток времени главным городом Волжской Булгарии мог быть и Сувар.

В 1025 г. появляется новое сочинение Бируни «Геодезия», в котором на основе математической географии получило дальнейшее развитие теория климатов, основанная на греческой идее разделения Земли на климаты (части) в зависимости от продолжительности дня. Он пишет³²: «И разделили они обитаемую [часть Земли] на семь климатов в соответствии с наиболее ясным различием [между ними], — а именно [соотношением] дня и ночи, — параллельными [к экватору] линиями, начинающимися от крайних пределов обитаемой [Земли] на Востоке и [доходящими] до её окончания на Западе. Они начали с середины первого климата и сделали ею [те места], где самый долгий день [длится] тринадцать часов; ... вплоть до середины седьмого [климата], где самый долгий день — шестнадцать часов, [на чём и остановились], поскольку жители, находящиеся за [серединой седьмого климата], немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообщаются [живут] страна Йура. К ней идут из [страны] Ису в течение двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течении двадцати дней. [Они передвигаются] на деревянных санях, в которых погружают припасы и которые тащат либо сами, либо их собаки, а также на других [скользящих приспособлениях], сделанных из кости, которые они привязывают к ногам и с их помощью покрывают большие расстояния в короткие сроки. Жители Ййры из-за дикости и пугливости торгуют так: они оставляют товары в каком либо месте и удаляются от него ...». П.Г.Булгаков считает, что сведения о стране народа

югра и народе ису ал Бируни заимствовал у ал-Джейхани, арабского географа классической школы, сведения которого использовали многие географы Востока вплоть до XII в.³³

В дальнейшем, отмечая высокие человеческие качества болгар и суровые климатические условия их проживания ал-Бируни будет постоянно причислять их к жителям седьмого климата. Более сдержанно относится он и к жителям за седьмым климатом. В сочинении 1022—30 гг. «Обособлении речи о проблемах теней» ал-Бируни пишет³⁴: «Однако мы утверждаем, что народы у которых мы находим достаточно человеческих качеств, которые обусловили бы для них добродетели благих законов [жизни] или рвения к науке, таковы, что их селения не превосходят сорока восьми частей по широте... Это не касается народа, известного как болгары, являющегося мусульманами и обитающего так далеко на севере, что широта там не меньше сорока пяти [частей]».

В сочинении 1029 г. «Тафхин» ал-Бируни приводит данные и о других народах³⁵: «Что касается седьмого климата, то в нём мало обрабатываемых земель. В его восточной части находятся только лесные чащи и горы башкир, печенегов, через города Сувар и Булгар, и земли русов, славян, болгар [и мадьяр] и заканчивается в Окружающем море. За этим климатом обитают немногие народы — ису, варяги, юра и подобные им».

В момент написания (1037 г.) одного из важнейших сочинений ал-Бируни «Канона Мас'уда», ставшего энциклопедией астрономической географией XI в. ему уже известно о том, что жители Булгарии совершают хаджж в Мекку, уточнены сведения и о продолжительности дня на их родине: «Рассмотрим это на примере Булгара, находящегося на далёком Севере, и города Адена находящегося [далеко] к югу от него. Дело в том, что до сих пор Мекка сводит вместе людей из числа жителей этих двух городов во время хаджжа, и услышанное из их рассказов колеблющееся между достоверным и тем, что лишь похоже [на наблюдаемое] воочию. Этот [самый длинный] день у границ Адена лишь незначительно превосходит двенадцать часов, а у границ Булгара лишь незначительно меньше семнадцати часов».³⁶

В таблицах этого сочинения собраны географические координаты более 600 пунктов различных городов и областей, собранные Бируни не только из астрономической и географической литературы двух предыдущих столетий, но и дополненные новыми данными. Содержатся там сведения и о пунктах седьмого климата и о тех, которые за ним. З. Валиди Таганом провёл анализ терминов «ас-саккалиб» и «рус», а также «Окружающего моря» в картине мира по Бируни. К приведенным данным, учитывая удалённость этих территории, конечно, нужно относиться осторожно. Однако при критическом анализе можно получить важные сведения. Необходимо отметить, что ал-Бируни за ноль при отсчете долготы в таблице принимал острова ас-Са'ада — «острова Счастья» — Канарские острова, долгота которых отличается от Гринвича на 24гр.30'. Это учтено в приведенных ниже данных «Из того, что в седьмом климате: Унгра? — долгота 33гр.30', широта 48гр.20'; Города Сувар и Булгар на Великой реке русов

и славян, а между ними — один день пути — долгота 45гр.30', долгота 49гр. 30'. Из того, что за седьмым климатом: Страна [народа] ису, с которой торгуют булгары — долгота 32 гр.30', широта 55гр.; Чашобы [народа] йуры, а они — дикие, торгуют не показываясь — долгота 38гр.30', широта 67гр.30'

Современные географические данные трёх центральных городов Волжской Булгарии: для Суvara долгота 49гр.37', широта 54гр.44', максимальная продолжительность дня 17 час 15 мин; соответственно для Булгара — 49гр22', 55гр.03', 17 час 20мин; для Биляра — 50гр.23', 54гр.58', 17 час 20 мин. Ниже примем для Суvara-Биляра следующие округлённые данные: долгота 49гр.30', широта 55гр., продолжительность дня 21 июня 17 час 15 мин.

Следует отметить, что сведения о продолжительности пути между Булгаром и Суваром в один день и о максимальной продолжительности дня у волжских булгар в 17 часов приведены только у ал-Бируни.

Из сравнения современных географических координат Суvara и Булгара с данными ал-Бируни видна существенная разница. И если неточность в определении долготы можно понять, поскольку эти города были расположены от Бируни на несколько тысяч километров, то большая ошибка в определении широты непонятна. Ведь ал-Бируни было известно, что максимальная продолжительность дня у булгар «чуть меньше семнадцати часов». По видимому Бируни не мог поверить, что цивилизованная мусульманская страна расположена за седьмым климатом, где жители живут «подобно дикарям». Верхняя граница широты седьмого климата 50гр. 25', где продолжительность дня 21 июня 16 час 15 мин [БЭС, т.8, с. 285].

Интересно сведение ал-Бируни и о продолжительности пути между Суваром и Булгаром в один день. В «Книге путей государств» ал Джайхани (первая половина X в.), в пересказе ал-Марвази (начало XII в.), сведения которого использовал неоднократно Бируни, эта продолжительность определена в два дня. Расстояние (по прямой) между Суваром и Булгаром 40 км (один день пути), а между Суваром и Биляром (Булгаром?) 55 км (два дня пути). Может быть правы оба автора (Бируни в начале XI в. и Марвази в начале XII в.)?

Расположение страны ису или вису неоднократно обсуждалось в научной литературе. Х. Френ на основании сведений ибн-Фадлана (у него до страны ису три месяца пути), В.Н.Татитцев, Щ.Г.Большаков и А.Л.Монгайт,³⁷ скандинавские историки,³⁸ наконец, авторы перевода и примечаний Канона³⁹ помещают страну ису вокруг озера Белого. Эти же вопросы обсуждались Б.Н. Заходером.⁴⁰ Рихард Хенинг Г. относит⁴¹ страну ису к бассейну Колвы и Печеры. Вопрос о связи «жителей страны Вису» с народами Верхней Камы, в частности, с населением ломоватовско-поломского круга был рассмотрен М.В. Талицким,⁴² А.Х.Халиковым,⁴³ Е.А.Казаковым, М.Г.Ивановой и др.⁴⁴ По археологическим материалам известно, что все мечи найденные в бассейне Камы — южного, не степного происхождения, а найденные в Приладожье — каролинские.⁴⁵

Некоторые сведения можно извлечь и из сочинений ал-Бируни. Из таблицы видно, что широта и долгота страны ису у ал-Бируни указана неправильно.

Однако можно использовать относительное расположение (из этого и исходил Бируни) страны ису и страны болгар (аналогичное предположение делал и А.М. Мандельштам⁴⁶). Исходя из этого можно найти следующие координаты страны ису: географическая долгота равна $49\text{гр}.30' - (45\text{гр}.30' - 44\text{гр}.30') = 48\text{гр}.30'$, а широта $55\text{гр}.+ (55\text{гр}. - 49\text{гр}. 30') = 60\text{гр}.30'$ (широта Чердыни). Для этой широты продолжительность дня в день летнего солнцестояния (21 июня) 19 часов. У ал-Гаркати продолжительность дня летом у болгар 20 часов, а у ису 22 часов. Допуская одинаковую погрешность болгар и ису и учитывая продолжительность дня у болгар в 17 часов 20 мин, получим для ису 19 час 20 мин, что достаточно хорошо согласуется с ранее полученной в 19 часов. Территорией выше вычисленной долготой и широтой является верховья междуречья Лузы (притока Западной Двины), Камы и Вятки. Расстояние от неё до болгар порядка семьсот км. (в «Геодезии» длина пути от ису до болгар 20 дней).

Подобный анализ можно было бы проделать и для страны йуры (югры). Однако, результаты подобного анализа были бы ошибочны. Действительно, разность широт у Бируни между болгарами и ийры 18 градусов. Поэтому, если эту величину прибавить к современной широте Булгар, то получим широту страны йуры $72\text{гр}.30'$. На этой широте в Восточной Европе находится Новая Земля (полярный день на ней 100 суток), проживание на которой в то время было едва ли возможным. Можно вспомнить о костях, которые йуры используют в качестве лыж. По видимому, это китовый ус. Об охоте йуры на китов подробно написано у ал-Гаркати.⁴⁷ В сочинении этого автора говорится о том, что мясом одного кита можно накормить несколько сот домов и продолжительность полярного дня в стране йуры 40 дней. Эта продолжительность определяет достаточно точно широту йуры — 68 градусов [БСЭ, т.20, с. 337]. Широта страны югра у ал-Бируни $67\text{гр}.30'$, что довольно близко к вычисленной. Если принять верной у ал-Бируни и долготу страны югра равной $38\text{гр}.30'$, то у него она расположена у Белого моря. Это кажется возможным, если использовать и сведения о мясе кита, которым можно накормить целое селение. По данным ихтиологов⁴⁸ на всём побережье Северного Ледовитого океана самой многочисленной фауной из китообразных является белуха. На неё можно вести промысел круглый год: зимой в полыньях между трещинами, а летом во время отлива на мелководье, когда увлечённой охотой за лохом (самец сёмги в брачный период) белуха заходит в устья рек. Это небольшой кит с массой до 2 тонн и длиной до 6 м. Вблизи побережье Белого моря проводится промысел и на более крупных китов — например, на гренландского кита, длина которого до 21 м, пластины уса до 4 м. высотой. А. Миддендорф во время путешествия на север в середине 19 столетия получил сведения о том, что некоторые киты проникает в Белое море и выбрасывается на мелководье в «китовых ловушках» на берег (ежегодно). Ему говорили, что в 1799 г. был выброшен кит даже у Соловецких островов. Он достигал⁴⁹ длины более 24 м. Щ.Г.Большаков и Б.А.Мангейм сообщают,⁵⁰ что на карте Московии (Париж 1706) народ югра показан на верхнем течении Мезени до Цельмы (долгота $44\text{гр}.$, широта $66\text{гр}.30'$). Известны сведения об югре

и в Новгороде. Н.Голб пишет,⁵¹ что в Новгороде международный торговец, занимающегося экспортом драгоценных мехов и шкур из северной страны Югра (части Биармии) был наиболее уважаемый из купцов. М.В. Талицкий приводит рассказ Гюряты Рогови (по сообщению Нестера Киевского XII в.): «И послал я своего отрока в Печёру, ... от них он пошёл в землю Югорскую».

Таким образом, авторы располагают югру по 68 широте от полуострова Канина до Югорского полуострова по побережью Белого и Печёрского морей.

Примечания:

- ¹ Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. — Казань, 1997. — С.49; Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Восточной Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. № 1. — Казань, 1997. — С.65.
- ² Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994. — С.66.
- ³ A.Zeki Validi. Die Schwerter der Germanen, nach arabischen Berichten des 9. — 11. Jahrhunderts. Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, 90, 1936, 20. A.Zeki Validi. Die Nordvolker dei Biruni. Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, 90. — 1936, 38-51.
- ⁴ Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.I. [Памятники минувших поколений]. Перевод и примечание М.А.Салье. — Ташкент, 1957. Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.III. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [«Геодезия»]. Исследование и перевод П.Г.Булгакова. — Ташкент, 1966. Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.IV. Фармакогнозия в медицине. — Ташкент, 1973. Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.V. Канон Мас'уда. Перевод и примечания П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда. — Ташкент, 1973. Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.VI. Книга вразумения начаткам науки о звездах. Перевод Розенфельда Б.А. и Ахмедова А.А. — Ташкент, 1975. Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.VII. Математические и астрономические трактаты. Перевод Розенфельда Б.А. и Ахмедова А.А. — Ташкент, 1987.
- ⁵ Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т.I. [Памятники минувших поколений]. Перевод и примечание М.А.Салье. — Ташкент, 1957. — С.55.
- ⁶ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994. — С.66.
- ⁷ Голб Н., Прицек О. Хазаро-еврейские документы X века. — М.-Иерусалим, 1997. — С.54.
- ⁸ Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. — Казань, 1997. — С.33.
- ⁹ Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. — Казань, 1997. — С.44.
- ¹⁰ Ибн Хардадбех. Книга путей и стран. Пер. Н.Велихановой. — Баку, 1986.
- ¹¹ Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. — Казань, 1997. — С.34.
- ¹² Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань, 1986. — С.140.
- ¹³ Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань, 1986. — С.138.
- ¹⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Т.II, ч.1. — М., 1963. — С.238.

- ¹⁵ *Леопольдов А.* Опыт изложения мухаммеданства по учению ханефидов. — Казань, 1887. — С.210.
- ¹⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении. — М.-Л., 1939. — С.202.
- ¹⁷ *Ковалевский А.Г.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. — Харьков, 1956. — Прим. 415.
- ¹⁸ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань, 1986. — С.145.
- ¹⁹ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация Щ.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. — М., 1971.
- ²⁰ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань, 1986. — С.155.
- ²¹ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. № 111. — М., 1962. — С.155.
- ²² *Фасмер Р.Р.* О монетах Волжских Болгар X в. // ИОАИЭ. т.XXXIII, в.4. — Казань, 1927. — С.29.
- ²³ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. № 111. — М., 1962. — С.191.
- ²⁴ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.III. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [«Геодезия»]. Исследование и перевод П.Г.Булгакова. — Ташкент, 1966. — С.76.
- ²⁵ *Ковалевский А.Г.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. — Харьков, 1956. — С.272.
- ²⁶ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. Избранные произведения, т.IV. — М.-Л., 1967.
- ²⁷ *Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII—IX в. // Известия государственной академии истории материальной культуры. Т.VII, в.2. — Л., 1931. — С.7.
- ²⁸ *Тизенгаузен В.А.* О саманидских монетах // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Ч.I. СПб., 1855.
- ²⁹ *Тизенгаузен В.А.* О саманидских монетах // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Ч.I. — СПб., 1855. — С.34, 36, 39.
- ³⁰ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. № 111. — М., 1962. — С.189.
- ³¹ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.III. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [«Геодезия»]. Исследование и перевод П.Г.Булгакова. — Ташкент, 1966. — С.156.
- ³² *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.III. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [«Геодезия»]. Исследование и перевод П.Г.Булгакова. — Ташкент, 1966. — С.29.
- ³³ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.VII. Математические и астрономические трактаты. Перевод Розенфельда Б.А. и Ахмедова А.А. — Ташкент, 1987. — С.195.
- ³⁴ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.VI. Книга вразумения начаткам науки о звездах. Перевод Розенфельда Б.А. и Ахмедова А.А. — Ташкент, 1975. — С.116.
- ³⁵ *Абу Райхан Бируни.* Избранные произведения, т.V. Канон Мас'уда. Перевод и примечания П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда. — Ташкент, 1973. — С.70.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация Щ.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. — М., 1971.

- ³⁸ Славяне и скандинавы. — М., 1986. — С.9.
- ³⁹ *Абу Райхан Бируни*. Избранные произведения, т.V. Канон Мас'уда. Перевод и примечания П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда. — Ташкент, 1973. — С.603.
- ⁴⁰ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т.II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. — М., 1967. — С.59—69.
- ⁴¹ *Хенинг Рихард*. Неведомые земли. — М., 1961. — С.104.
- ⁴² *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв. // МИА, № 22. — М., 1951.
- ⁴³ *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. — Казань, 1991.
- ⁴⁴ Новые исследования по этногенезу удмуртов. — Ижевск, 1989.
- ⁴⁵ *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв. // МИА, № 22. — М., 1951.
- ⁴⁶ *Мандельштам А.М.* К данным ал-Бируни о Закаспии // Страны и народы Востока. Вып.10. — М., 1971.
- ⁴⁷ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация Щ.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. — М., 1971.
- ⁴⁸ *Томилин А.Г.* Китообразные фауны морей СССР. — М., 1962.
- ⁴⁹ *Миддендорф А.* Путешествия на север и восток Сибири. Ч.II. — СПб., 1869.
- ⁵⁰ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация Щ.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. — М., 1971.
- ⁵¹ *Голб Н., Прицек О.* Хазаро-еврейские документы X века. — М.-Иерусалим, 1997. — С.54.

Леонид Арсланов

Гидронимия Тукаевского района Республики Татарстан

Гидронимия Тукаевского района Республики Татарстан остается недостаточно исследованной с точки зрения ее происхождения. Особенно слабо изучены мелкие гидрографические объекты (речки, ручейки, ключи, родники и др.). Однако следует отметить, что за последние годы наметился определенный прогресс в описании и частичном изучении гидронимов Тукаевского района, о чем свидетельствует создание «Топонимического словаря г.Набережные Челны и Тукаевского района» под руководством председателя Регионального краеведческого общества «Нижняя Кама» А.Г.Дубровского. В «Словаре ...» зафиксированы 35 гидрообъекта, среди них, по нашим подсчетам, 22 являются гидронимами финно-угро-самодийского происхождения, 11 названий тюркского (татаро-башкирского) и 2 названия русского происхождения. Это объясняется тем, что бассейны рек Белой и Ик издревне являлись контактной зоной финно-угро-самодийских племен с тюркскими народами, начиная с XII—XIV вв. с булгарами (татарами) и башкирами, и начиная с XVI века с русскими. Преобладание гидронимов финно-угро-самодийского происхождения над тюркскими свидетельствует о сложном пути формирования гидронимической системы Тукаевского района. Гидронимия финно-угро-самодийского происхождения оставлена, на наш взгляд, носителями пьяноборокой, мазунинской, чияликской и других археологических культур, т.е. древними пермянами и предками угров — ханты и манси, возможно и предками древних венгров, что подтверждается последними новейшими исследованиями археологов В.Ф.Генинга, В.П.Казакова, П.Н.Старостина, Р.С. Габяшева, Т.К.Ютиной и др.

Статья написана на основе материалов «Топонимического словаря г.Наб.Челны и Тукаевского района»¹ с привлечением данных Ф.Г.Гариповой,² Л.Ш.Арсланова.³ В ней подвергаются анализу названия рек и речек. Что касается названий озер и других водных объектов, то они в связи с отсутствием полного их списка, нами не рассматриваются. Большая часть из них находится под акваторией Нижнекамской ГЭС и они ждут своего исследователя и всестороннего изучения.

Авлаш (тат. Аулаш) — речка, правый приток р.Зича бассейна Зай и д.Авлаш. Живут крещеные татары. Этимология не выяснена. Гидроним, на наш взгляд, отантропонимического происхождения. Ср.: Абла авылы, Абла елгасы.⁴ Антропоним Аблай характерен для татарского и башкирского именников. Встречается и в удмуртском и в марийском именниках.⁵ Ф.И.Гордеев считает, что антропоним Аблай тюркского происхождения и образовался от апеллятива аба «отец (прародитель)» + суффикс существительного -лай «подобный, такой».⁶ М.Г. Атаманов возводит его к арабскому источнику аб + лай — аффикс. Антропоним Аблай принял малопродуктивный суффикс -ла (ш), подобно тюркским именам Ибраш, Битеш и др.

Возможна этимология, основанная на финно-угорском материале: коми **ывла** «двор, улица в противоположность дому, жилому помещению», «природа», «погода». ⁷ Слово аула (авла) в ногайском языке и в татарских говорах Астраханской области. ⁸

Алансу — речка на территории исчезнувшей деревни Алансу. Этимология прозрачна: тат. алан «поляна»+ су «вода», «речка».

Ашпалка (тат.Ашпала) — речка, правый приток реки Тиргауш бассейна Ик. Ср.: д.Старая Ашпала Мензелинского района. Ашпала — неофициальные названия д.д. Мелькен и Подгорный Такерман Мензелинского района Республики Татарстан. Название речки Ашпала и д.Ашпала происходит, по-видимому, от удмуртского аш-ош «бык» + удм. пала — пал «сторона», «край», «местность», т.е. «бычий край», «бычья сторона» или место жертвоприношения, исходя из того, что бык в религии и ритуалах удмуртов занимал особое место. ⁹

Биклянка (Биклен) — название речки и д.Биклян. Гидроним восходит, на наш взгляд, к татарскому слову бикла: «запертый, замкнутый, закрытый», т.е. гидроним отойконимического происхождения.

Буклы — речка бассейна Мензели. На первый взгляд, этимология вполне прозрачна: гидроним можно было бы связать со словом буклы «навозный». Более близкой к ястине мы считаем этимологию, связанную с пермским материалом: удм.пукль «лужа, низкое (топкое) место». ¹⁰ Ср. Пукле — деревня в Граховском районе Удмуртии, Пукле-Эгра от пукле: удм. 1. пукль-пукыл «низинное место с плодородной почвой, лужа» + е (о) — аффикс, буквально: деревня, основанная в низине, имеющая плодородную почву. ¹¹ В этом же ряду следует рассматривать название татарской деревни Пукэл Сабинского района Республики Татарстан. Ср. Также название ныне исчезнувшей д.Буклы Азнакаевского района.

Бурдинка (Борды) — речка: бассейна реки Зай. Этимология не выяснена. Возможна связь со словом бору борылу, борылыш «поворот, излучина реки, извилина, т.е. извилистая река».

Дрюш (Дереш) — речка, левый приток Тлянчинки, притока Игани бассейна Ик. Другое название Дрюшка, Дрюшевка. Последние появились, несомненно, под влиянием русского языка. Дрюш (Дереш) — названия татарских деревень: Таулы Дереш (Подгорный Дрюш), Иске Дереш (Старый Дрюш). Речка Малый Дрюч (Дрюш) отмечена в д. Тойгузино (Тугыжа) Менделеевского района. По данным источников д. Тойгузино раньше называлась Малый Дрюч. ¹² Деревня Дрюш (Дереш) зафиксирована в Казанском уезде Зюрейской дороги. ¹³ Деревня Дерюш-Омга имеется и в Удмуртии. ¹⁴ Деревня Дерюш представлена и в Малмыжском районе Кировской области. По мнению Д.Б.Рамазановой, деревню Старый Дрюш Тукаевского района основали выходцы из деревни Дреш Зюрейской дороги. ¹⁵ На материале татарского языка ойконим и гидроним не поддаются этимологизации. Возможно две этимологии. 1. Можно связать с удмуртским апеллятивом дурись «кузнец», т.е. река кузнеца, река, на берегу которой расположена кузница, имеющая важное, хозяйственное значение. ¹⁶ 2. Заманчиво сопоставить с венгерским гугс (дерш) — прилагательное быстрый,

река быстрая.¹⁷ Более ближе к истине, по нашему мнению, вторая этимология. Присутствие угро-самодийских элементов в топонимии удмуртской Республики и Восточного Закамья Республики Татарстан доказано исследованиями археологов (Казиков, Нигомаев, Корепанов, Ютина), топонимистов (Атаманов, Арсланов), этнографов (Исхаков, Ахметзянов) и др.

Дусай — речка, левый приток Игата. Этимология прозрачна. Состоит из татарского дус (персидское заимствование) «друг» + ай — суффикс. Гидроним отойконимического происхождения.

Иганя (Игэнэ) — название реки бассейна Мензеля. Гидронимическая параллель — река Игоня — представлена в Котельничском уезде Вятской губернии.¹⁸ Этимологизируется на удмуртском материале: игоня «дикая редька», «свербига восточная», т.е. река, берега которой изобиловали дикой редькой.¹⁹ Ср.: тат. Какылык елгасы в том же значении.²⁰

Игат (Игэт) — речка, левый приток Ика. Игат сухой — речка, название Игата до соединения с речкой Калмия. Восходит, по-видимому, к хантыйскому егат «течь», Огсем «ручеек, ключ, родник». Ср. Также манс ахт «протока», хант. ох/ы/т, охгыт «волок», вепс. joht «старика», ливв. jogut «речка»,²¹ эвенк.окаат «река». Гидроним йыгыт — урман арасыннан ага торган елга «река, протекающая через лесистую местность» отмечен в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар.²² Следовательно, гидроним очень древний и является наследием уральской эпохи.

Инеш — речка бассейна р.Мензеля. Восходит к тюркскому источнику инеш «низменность, долина».²³ Гидроним широко распространен в районах Республики Татарстан.

Кады — название речки при деревне Мелекес.²⁴ Топонимическая параллель представлена гидронимом Кады — речка бассейна Иж на территории Агрызского района. Гидроним, по-видимому, восходит к пермскому источнику: удм. куд/кут «болото», обл. «кочкарник»,²⁵ коми какд «топь, трясына», Кады — левый приток Яйвы.²⁶

Калмашинка (Калмаш елгасы) — речка бассейна Шильна/Шильва. Населенные пункты под названием Калмаш широко распространены на территории Удмуртии, Республики Татарстан и Башкортостана. Гидроним отэтнонимического происхождения и восходит к угро-тюркскому племенному названию калмаш. Состоит из ф/у кал/кол, хал «рыба» + мас (мош) «человек».²⁷

Калмия — речка, левый приток Игата бассейна Ик. Название же деревни Калмия происходит от названия реки Калмия. Топонимическая параллель имеется на территории Муслимовского района Республики Татарстан (речка Калмия и Калмия-Тамак — бывшее название д.Карамалы). Речка Калмия и д.Калмия представлены на территории Янаульского района Бакортостана. Этимология прозрачна и восходит к пермскому источнику: удм.калым «залив в реке или озере» + гидроформант — йа «река.»²⁸

Кипчак Илга (Кыпчак елгасы) — речка, левый приток Мензели бассейна Ик. Другое название ургуда (Оргыды). Название происходит от древнего

тюркского этнонима «кыпчак». Гидроним Кыпчак елгасы. Кыпчак болыны мы находим на территории Муслюмовского и Актанышского районов Республики Татарстан и в районах Башкортостана.

Кряш Кала — речка, приток речки Ашпалки, правого притока реки Тиргауш. Гидроним состоит их компонентов: тат. кряш (карэшен) кала «город», «городище». Деревня Старая Ашпала Мензелинского района расположена на берегу этой реки и раньше называлась «Крещенская» (в деревне вместе с татарами-мусульманами жили и крещенные татары).

Кувады (Кувады) — название речки, притока реки Мелекес, левого притока реки Кама. На берегу реки расположена д.Куады. Деревня известна с 1747 года.²⁹ Восходит, по всей вероятности, к пермскому источнику: коми куа «залив», «завод» + ты «озеро». Можно сопоставить с названием озера Куаты «озеро с заливом» Коми Республики.³⁰ В деревне в прошлом было 7 озер, соединенных между собой заливами, ныне высохшими.

Лузи — речка, правый приток Ика. Древнее название «Елга.» Топонимическая параллель представлена названием речки Лузинка и ойконимами — названиями татарских деревень Заинского района Верхние Лузи (Югары Ложы), Нижние Лузи (Тубэн ЛОЖы). Река Лузинка (Ылжы елгасы) отмечена в Арском районе, деревня Малые Лызи имеется в Балтасинском районе Республики Татарстан (живут удмурты). Гидроним Лузи (Ложы) Ф.Г.Гарипова возводит к удмуртскому воршудному имени лозяга «овод».³¹ Мы придерживаемся этой же точки зрения.

Мартышка (Мартыш) — речка, правый приток Авлашки бассейна Зай. Возможна связь с пермским апеллятивом мур «глубоко», «глубокий»+ удм. ты «озеро» + -ш- суффикс, т.е. место, где имеется глубокий водоем, речка. Не исключена возможность связи с марийским этнонимом мари. По данным П.П.Ерусланова в д.Мартыш (Битаева пустошь) проживало и марийское население. По свидетельству местного населения, часть крещеных татар деревни — бывшие черемисы-язычники, принявшие христианство и перешедшие в разряд крещеных татар.³²

Мелекес (Мэлэкэс суы) — приток речки Кады в д.Мелекес. Топонимические параллели имеются и в Башкортостане: Мелегес (Мэлэгэс) — название речки в Иглинском районе.³³ Деревня Мэлэкэс (Мелекас) в Мечетлинском районе.³⁴ Ср. также Мелекес — бывшее название города Дмитровград Ульяновской области. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» топоним Мелекес (Мэлэгэс) возводят к иранскому источнику мал «стоячая вода». Гидроним и ойконим Мелекес восходит, по всей вероятности, к угро-тюркским этнонимическим названиям мела и кесе.³⁵ Пламенное название **меле** сохранилось и сейчас бытует в марийском именнике.³⁶

Мушуга (Мешеге) — речка, левый приток реки Иганя бассейна Мензели. Другое название Бишиндинка от названия д.Бишинды Тукаевского района. Топонимическая параллель представлена названием реки Мушуга (Мешеге елгасы) — правый приток реки Ик — и деревень Русская Мушуга (Рус Мешеге),

Татарская Мушуга (Тат.Мешеге) Мензелинского района. Близкое в фонетическом отношении название Мушук имеется в Агрызском районе Республики Татарстан. Гидроним и ойконим Мушуга (Мэшеге) образованы, по-видимому, от зоонима муш «пчела».³⁷ Ф.Г. Гарипова допускает возможность отнесения его к башкирскому этнониму мэшеге.³⁸

Топоним Мушуга на территории восточного Закамья и Восточного Предкамья Республики Татарстан является, по всей вероятности, общепермским наследием, так как подобный топоним имеется и в Коми Республике. По мнению А.И.Туркина, гидроним Мошьюга состоит из мошью (муш) мош «пчела» + гидрофорант -юг.³⁹ Что касается ойконима Мушук Агрызского района, то его следует отнести к удмуртскому источнику — антропониму Мушек (Мушагов). Следовательно, антропоним Мушег является общепермским: удм., коми муш/мош «пчела» + удм. ег, коми -ог — суффиксы — +а- суффикс. Ср. удм. Щудет, коми Щудога, удм.Ожмег, Турег, Чужег и др.

Мы полагаем, что топоним Мушуга (Мушу) Мэшеге является древним и относится ко времени былых контактов древних пермлян с тюркскими племенами на территории Восточного Закамья и является общим финно-угро-тюркским наследием.

Прость — речка, левый приток Камы. Восходит к русскому источнику: прость «прямо, прямой путь». Название широко распространено на территории Кировской, Пермской областей, республики Татарстан. В Кировской области мы находим восемь названий с гидроосновой Прость: Просница, Сухая Прость, Большая Прость и др.⁴⁰

Ржавец — речка, левый приток реки Шильна бассейна Камы. Восходит к корню «ржавый», «болотный». Вариант Ржавка отмечен на Елабужских лугах г.Елабуги.

Самам — речка, левый приток реки Тиргауш. Гидроним Самам, на наш взгляд, угорского происхождения. Можно сопоставить с хантыйским сайым, суймым «лог, овраг, ложбина», сом «ручей», манс.союм «родник, ручей»;⁴¹ хант. сайам «ручей, байрак»; саймам «ручеек».⁴²

Сайыш — приток реки Шильна бассейна Камы.⁴³ По мнению Ф.Г.Гариповой элемент -ыш относится к гнезду устаревших аффиксов, обозначающих способ совершения действия или состояния.⁴⁴ Гидрооснову -сай автор не подвергает анализу. Возможна связь с хантыйским сайым «лог, овраг, ложбина».⁴⁵ Заманчиво сопоставить с удмуртским сайкос (существительное от глагола сайкыны «корчевать, очищать»).

Сэкам — речка, левый приток реки Тиргауш. Гидроним, возможно, связан с угорским материалом: ср.: ненец. се (си) «приток» + фин.куми (купи), кам, кем «река, течение».⁴⁶

Сусара — речка, правый приток речки Киклянь (Биклан). Этимология, по-видимому, связана с татарским зоонимом сусар «куница», т.е. речка, где обитают куньи. Конечный гласный -а появился в результате согласования со словом река, т.е. явление вторичное.

Тлянчинка (Телэнче) — речка, приток Игани бассейна Мензеля. Рески с подобным названием имеются в Арском (Телэнче елгасы), Чистопольском (Келэнче, Телэнче елагсы) бассейна Малого Черемшана.⁴⁷

Тиргауш/Терегауш — речка, левый приток реки Ик. На тюркском материале не поддается этимологизации. Гидроним связан, по-видимому, с угро-самодийским источником: селькуп.tera «гусь белый» + ф/у гидроформант — гуш/куш «поляна».⁴⁸ Не исключена связь с венгерским tarka «проток».

Тюрюш (Туреш) — название речки, правого притока реки Калмия, притока Игат бассейна Ик. Топоним Туреш — название татарской деревни — представлен в Муслимовском районе Республики Татарстан и в Буздякском районе Башкортостана. Гидроним Тюрюш (Туреш) состоит, по всей вероятности, из гидроосновы угорского происхождения: манс.тур, хант.тор «озеро»+ аффикс — аш(-еш) угорского (венгерского) происхождения, образующий от существительных прилагательные, обозначающие обладание чем-либо, т.е. озеро, озерное.^{49, 50}

Ургуда (Оргыды) — речка, левый приток реки Мензеля бассейна Ик. Деревня Ургуда (Оргыды) на р.Ургуда известна с 1747 года. Название деревни происходит, на наш взгляд, от названия речки Ургуда. Близкие в фонетическом отношении гидронимы — названия рек — имеются на территории Башкортостана: Ургаза — река, правый приток Урала в Баймакском и Хайбуллинском районах, а также названия деревень Оло Ургаза, Кесе Ургаза. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» полагают, что топоним Ургаза состоит из диал ур «ров», «канавка» + древнетюркское слово угуз «река».⁵¹ По мнению У.Ф.Надергулова, гидроним Оргызы тюркского происхождения, образован из элементов ор, оро «колодец, родник, ключ» + газ, гоз, гыз, гез. Элемент газ-гоз является фонетическим вариантом древнетюркского слова угуз «река».⁵²

Шанда — ручей, правый приток реки Чершилинка, приток Кугашевского, приток речки Букла бассейна Мензели. Название ручья связано, по всей вероятности, с селькупским шынт-шынт' «ручей болотный». Ср.: речка Шондошур бассейна Килмезь.⁵³ Можно сопоставить с топонимами Шентала, Шынтала, Шонтала (Шынтала елгасы) — названия реки и татарских деревень Служилая Шентала (Чируле Шонтала /Чистопольского, Подлесная Шентала (Урман асты Шоннталасы), Степная Шентала (Кыр Шонталасы) Алексеевского районов Республики Татарстан. Ср. также ст.Шентала и название районного центра Шентала (Шенталинский район) Самарской области. Гидроним и ойконим Шентала состоит из тополексемы шынт-шынт' «ручей болотный» + ла /лей/ — гидросуффикс финно-угорского происхождения.⁵⁴

Шильна /Шильва — речка бассейна Камы. Ср. названия русских деревень Большая Шильна, Малая Шильна, Шильнабаш. В документах встречается вариант Шильва, Шыльва, Шыльвенский медный завод.⁵⁵ Гидроним связан, по-видимому, с удм. шиле диал. «низкий лес, кустарник»⁵⁶+ гидроформант -ва /на/ «вода» «река», общепермского типа, т.е. речка, протекающая через мелколесье.

Шигат — речка (ручей), левый приток речки Калмия, притока Игат бассейна Ик. Гидроним восходит, по всей вероятности, к хантыйскому

гидрографическому термину сизыт (чередование с-ш обычное, явление в финно-угорских языках) «проток между озерами и рекой или между озерами».⁵⁷ Более близка к истине этимология от хантыйского сихат «исток озера».⁵⁸

Шиде — ручей (бывшая речка), левый приток реки Буклы бассейна Мензели — близкий в фонетическом отношении гидроним Шады/Шэде — речка бассейна Иж — представлен на территории Агрызского района Республики Татарстан.⁵⁹ Ср. также Шазы — речка, правый приток реки Бирь в Мишкинском районе Башкортостана, Дж.Г. Киекбаев гидроним Шазы, Шады, Шизе считает финно-угорским и связывает с этнонимом чудь.⁶⁰ Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» допускают возможную связь с индоиранским термином шизе «речка, ключ».⁶¹ В этом же ряду следует рассматривать название речки Мелекес Чады притока Мелекес.

Таким образом, лингвистический анализ с привлечением данных истории и археологии на территории Тукаевского района позволяет выделить гидронимы финно-угро-самодийского, тюркского(татарского, башкирского) и славянского(русского) происхождения. Более древним и преобладающим является финно-угро-самодийский пласт, оставленный древними пермскими и уграми — носителями пьяноборской, мазунинской, кушнаренковской, чияликской археологических культур. Среди финно-угро-самодийских гидронимов превалирует пермский пласт, принадлежащий древнепермскому (в основном удмуртскому) населению. Тюркский пласт можно условно разделить на древние (булгарские) и относительно новые названия, оставленные булгаро-татарским и частично башкирским населением. Русские элементы в гидронимии Тукаевского района, представлены несколькими названиями, что свидетельствует об относительно позднем появлении русского населения на территории Тукаевского района Республики Татарстан.

Примечания:

¹ Топонимический словарь г.Наб.Челны и Тукаевского района (рукопись).

² Гарипова Ф.Г. Татарстан гидронимнары сузлега. — Казань, 1984.

³ Там же, с.12.

⁴ Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т.1. А-Б. — Йошкар-Ола, 1979. — С.33.

⁵ Атаманов М.Г. Словарь личных имен удмуртов. — Ижевск, 1990. — С.23.

⁶ Гордеев Ф.И. Указ.соч. — С.33.

⁷ Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970. — С.328.

⁸ Арсланов Л.Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя. — Наб.Челны, 1995. — С.166.

⁹ Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье. Елабуга, 1993.

¹⁰ Удмуртско-русский словарь. — М.: «Русский язык», 1983. — С.363.

¹¹ Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997. — С.208.

¹² Материалы по статистике Вятской губернии. елабужский уезд. Т.6. — Вятка, 1890.

- ¹³ *Рамазанова Д.Б.* Формирование татарских говоров Юго-Западной Башкирии. — Казань, 1984. — С.59.
- ¹⁴ *Галкин С.И.* Тайны марийской топонимики. — Йошкар-Ола, 1985. — С.17.
- ¹⁵ *Рамазанова Д.Б.* К вопросу истории заселения Закамья татарами и формирования некоторых прикамских говоров татарского языка // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. — Казань, 1990. — С.25.
- ¹⁶ Удмуртско-русский словарь... — С.129.
- ¹⁷ Венгерско-русский словарь. — Москва-Будапешт, 1974.
- ¹⁸ *Смирнов И.Н.* Об историко-этнографическом изучении Вятского края // Календарь Вятской губернии. — Вятка, 1891. — С.159.
- ¹⁹ Удмуртско-русский словарь... — С.165.
- ²⁰ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.59.
- ²¹ *Шилов А.* К вопросу о дофинно-угорском субстрате в топонимии Карелии // Финно-угроведение. №2 — Йошкар-Ола, 1997. — С.23.
- ²² *Насибуллина А.Х.* Семантические разряды лексики и ее вариативность в говорах тоболо-иртышского диалекта сибирских татар // Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. — Омск, 1997. — С.198.
- ²³ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.49—50.
- ²⁴ Там же. — С.88.
- ²⁵ Удмуртско-русский словарь... — С.10.
- ²⁶ *Кривошекова-Гантман А.С.* Географические названия Верхнего Прикамья — Пермь, 1983. — С.44.
- ²⁷ *Асланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И.* Указ.соч. — С.68.
- ²⁸ *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. — Ижевск, 1988. — С.64. Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Валь. Ижевск, 1992. — С.252.
- ²⁹ Населенные пункты Республики Татарстан. Казань, 1997. — С.260.
- ³⁰ *Туркин А.И.* Топонимика и история языка // СФУ. № 3. — Таллин, 1983. — С.193.
- ³¹ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.16.
- ³² *Асланов Л.Ш.* Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье // Финно-угроведение. № 1. — Йошкар-Ола, 1997. — С.41.
- ³³ *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Справочная книга седьмая. — Уфа, 1997. — С.115.
- ³⁴ Словарь топонимов Башкирской АССР. — Уфа., 1980. — С.115.
- ³⁵ *Немет Ю.Д.* Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. Т.IV. — Уфа, 1971. — С.255.
- ³⁶ *Черных С.Я.* Древнейшие марийско-венгерские связи (по данным антропонимии) // Congressus septimus internationalis Fenno-ugristarum. — Debrecen. — 1990, 3 с. — С.117.
- ³⁷ *Атаманов М.Г.* Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ. №3. — Таллин, 1983. — С.115—123.
- ³⁸ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.90.
- ³⁹ *Туркин А.И.* Коми гидронимика и их участие в топонимобразовании // СФУ. № 1. — Таллин, 1988. — С.30.
- ⁴⁰ *Мокшина Е.Н.* Вятские гидрографические термины // Вятская земля в прошлом и настоящем. Тез. докладов и сообщений 11 научной конференции. Т.2. — Киров, 1992. — С.11.
- ⁴¹ *Галкин И.С.* Тайны... — С.9.

- ⁴² *Могутаев М.К.* Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). — Томск, 1996. — С.248.
- ⁴³ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.87.
- ⁴⁴ Там же. — С.87.
- ⁴⁵ *Галкин И.С.* Тайны... — С.9.
- ⁴⁶ Там же, с.9. *Галкин И.С.* Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. — Ижевск, 1989. — С.45.
- ⁴⁷ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч., С.115.
- ⁴⁸ *Малиновская С.М.* Традиционный селькупский именник и его историческая модификация // Вопросы финно-угорской ономастики. — Ижевск, 1989. — С.157.
- ⁴⁹ *Галкин И.С.* Тайны... — С.9.
- ⁵⁰ *Хисамитдинова Ф.Г.* Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988. — С.109.
- ⁵¹ Словарь топонимов... — С.154.
- ⁵² *Надергулов У.Ф.* О происхождении гидронима Иргиз // Шестая конференция по ономастике Поволжья. Тез.докладов и сообщений. — Волгоград, 1989. — С.109—110.
- ⁵³ *Атаманов М.Г.* Исторические пласты топонимии Удмуртии // Вопросы финно-угорской ономастики. — Ижевск, 1989. — С.23. *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика... — С.94—95.
- ⁵⁴ *Арсланов Л.Ш.* Топонимия... С.13.
- ⁵⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т.3. — М.-Л., 1949. — С.462.
- ⁵⁶ Удмуртско-русский словарь... — С.498.
- ⁵⁷ *Галкин И.С.* Тайны... — С.9.
- ⁵⁸ *Могутаев М.К.* Указ.соч. — С.252.
- ⁵⁹ *Гарипова Ф.Г.* Указ.соч. — С.140.
- ⁶⁰ Словарь топонимов... — С.168.
- ⁶¹ Там же. — С.168.

Фанис Исламов, Наиля Баширова Татарско-марийские культурные и педагогические связи

В истории народов Поволжья, Приуралья, Средней Азии и Казахстана прогрессивную роль сыграла Казань, город славных традиций и крупнейшего в стране университета. Еще великий русский революционер А.И. Герцен, предвидевший эту своеобразную миссию Казани, в своих «Письмах из провинции» (1836) писал: «Казань некоторым образом, главное место средоточия губерний, прилегающих к ней с юго-востока; они получают через нее просвещение, обычаи, моду. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке: здесь они от непрерывного действия друг на друга сжились, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Далее на восток слабеет начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начала, ежели России назначено, как провидел великий Петр, перенести Запад в Азию и ознакомить Европу с Востоком, то нет сомнения, что Казань главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу...»¹

Безусловно, в это время большую часть переводных и оригинальных книг, распространявшихся среди тюркских и других народов, составляла литература на татарском языке. Узбеки, казахи, каракалпаки, кумыки и другие народы на начальном этапе знакомились с русской культурой через посредство литературы татарского народа. Эта литература была им близка по языку, нраву и обычаям, условиям жизни и истории.

Казань была известным центром дореволюционной России. В школах братства святого Гурия, в Казанской «инородческой» учительской семинарии, в Казанских гимназиях, университете, в Казанском учительском и Восточно-педагогическом институтах и в других учебных заведениях города обучались представители многих народностей.

«Казань для инородцев такой же центр, каким является для русских Москва», — говорил видный лингвист профессор Н.Ф. Катанов.²

С этим городом связано создание в 1803—1902 годах первых азбук, букварей для луговских черемисов (марийцев), горных черемисов, чуваш, калмыков, башкир, северо-восточных и иньвенских пермяков, вотских (удмуртских), алтайских детей. Остановимся на освещении истории создания первых марийских букварей. В 1817 г. архиепископ Амвросий предписал Казанскому академическому правлению составить алфавит и грамматику марийского языка. За это дело взялся священник А.Альбинский. Он сделал попытку совершенствования алфавита и систематизированного изложения грамматики марийского языка. Его сочинение под названием «Черемисская грамматика» вышла в 1837 году. Заслугой А.Альбинского является то, что здесь он впервые в истории марийской письменности привел алфавит в полном виде, чего не было в грамматике 1775 года.

Вся книгоиздательская деятельность во второй половине XIX в. находилась во введении образованного в 1867 г. братства святителя Гурия в Казани и со-

зданной при нем переводческой комиссии. Первым изданием братства был букварь, составленный И.Кедровым и изданный в Казани в 1867 г. Это первый букварь на марийском языке. Он предназначался в качестве учебника для народных училищ. В 1970 г. вывел букварь на луговском наречии, составленный Г.Яковлевым. Он переиздавался в 1873, 1892 годах. В 1892 г. в Казани появился «Букварь для горных черемис» И.Удюрминского; С.Нурманского «Букварь для начального обучения черемисских детей русской грамоте». Казань, 1873 и т.д.

Вторая половина XIX века явилась временем бурного развития письменности на марийском языке. По данным И.Г. Иванова в период с 1867 по 1905 год было издано более 80 книг (И.Г.Иванов. 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола, 1975, с.9.).

Казань была центром книгопечатания на восточных языках, в ней имелись крупнейшая полиграфическая база. Она снабжала арабскими шрифтами как до, так и после революции типографии Поволжья, Приуралья, Средней Азии и Казахстана, да и самой Москвы. Имелись в ней и кадры квалифицированных полиграфистов. Вспомним, что именно в Казани комплектовались штаты военных типографий на восточных языках для частей Красной Армии.

В Казани издавались первые произведения, научные труды писателей, ученых марийского, удмуртского, чувашского, башкирского, мордовского, киргизского и других народов. Первые книги на казахском, узбекском, азербайджанском, таджикском, туркменском, кумыкском и других языках появились благодаря активной деятельности татарских издателей. В начале XIII в. в Казани была открыта Казанская архиерейская (епархиальная) школа. В ней обучались 14 мальчиков разных народностей Поволжья, в том числе и марийцы. Епархиальная школа готовила преимущественно духовенство. В 1732 г. архиерейская школа была преобразована в духовную семинарию. В 1906 г. эту духовную семинарию окончил первый ученый-мари, известный лингвист, фольклорист и этнограф В.М.Васильев.

Учителей для марийских школ готовила Казанская центральная крещено-татарская школа, основанная Н.И.Ильминским в 1864 г. Марийцы обучались опыту перевода на родной язык.

В деле развития просвещения нерусских народов Поволжского края, в подготовке учителей для начальных классов сельских школ Поволжья и Приуралья огромную роль сыграла открытая в 1872 г Казанская «инородческая» учительская семинария. Она внесла большой вклад не только в аспекте подготовки учительских кадров из национальных меньшинств, но и в разработку методики образования и воспитания в самом широком смысле. В свое время это учебное заведение являлось видным центром передовой педагогической мысли и интернационального содружества. Здесь обучались представители более 20 национальностей. В течение 47 лет (с 1872 по 1919 год ее окончило более 1500 выпускников, русских — 686, татар — 243, чувашей — 179, марийцев — 128, мордвы — 110, удмуртов — 70, казахов — 20, пермяков — 20, калмыков — 12, корейцев — 12, коми — 10, якутов — 7, арабов — 6, башкир — 6, зырян — 6, алтайцев — 4, абхазцев — 1, эстонцев — 1.

В стенах Казанской «инородческой» учительской семинарии и в других учебных заведениях г.Казани получили образование такие видные деятели марийского народа, как П.Григорьев (П.Эмяш), С.Григорьев (Чавайн), А.Кидалашев, А.Афанасьев, М.Васильев, И.Ласточкин, В.Захаров, П.Ерусланов, Т.Семенов, М.Герасимов (Г.Микай), И.Токмурзин (И.Ломбирский), В.Мухин (В.Сави), А.Эшкинин, М.Веткин, С.Черняков, С.Гаврилов (Эпин), Е.Ермаков, В.Ипатов, Г.Кармазин (Эвайн), Н.Коведяев, П.Глезденев, Н.Бутенин, А.Романов и др. В Казани формируется и развивается их мировоззрение, политическое и национальное самосознание.

В автобиографической повести «Дети большого века» удмуртский писатель Недра Митрей вспоминал: «Различен был состав по национальностям: были русские, крещенные татары, чуваша, черемисы, вотяки, мордва, пермяк, киргиз и калмык, в других классах были еще башкиры, корейцы, зыряне и др. Здесь сходились различные физиономии, сближались племена и народности без разбора, братались киргиз с черемысином, кореец с вотяком и т.д., таким образом, развивалось среди учащихся уважение ко всякой нации.³ В этой же повести писатель тепло отзывался и о своих сокурсниках: марийцах, чувашах, татарах и других.

С.Григорьев, обучавшийся в то время в этой семинарии, писал в своих воспоминаниях: «Революция 1905 года подняла у марийской интеллигенции самосознание. Если многие до сих пор стыдились, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете.»⁴

Преподавателем русского языка в Казанской «инородной» учительской семинарии работал крещенный татарин Роман Давлей, который был в близких отношениях с учащимися марийцами. При его конкретной помощи в 1909 г. поступил в семинарию А. Романов (Марданов), в годы гражданской войны ставшим революционером-большевиком. В знак благодарности к учителю он взял фамилию Романов, возникшую от личного имени Давлея-Роман.

Казанский университет был центром культурной и общественной жизни края. Русские, татары, марийцы, удмурты, башкиры, чуваша и другие народы видели в нем источник света, считали его своим. В результате кадровой политики Н.И.-Лобачевского в университете работали татары Ибрагим и Сагит Хальфины, М.Махмудов, А.Даминов, С.Муртазин, араб Ахмед-Бен Хусейн, персы Ходжамир Абуталибмир-Моминов, Саид Алиев, Александр и Абдюсеттар Кзем-Бек, Ибрагим Багиров (Н.Сонин), буряты Голсан Никитуев и Доржи Банзаров, турок Хаджи Осман Кутлуш, китайский мусульманин Абу Каримов, армянин С.И.-Назарьянц, хакас Н.Ф.Катанов и многие другие.

Большой заслугой Казанского университета в развитии просвещения и образования народов России являются организации (часть по инициативе казанских ученых) национальных школ, издание школьных учебников на национальных языках в университетской типографии. Здесь появились в свет почти все буквари и азбуки для национальных школ вплоть до Октябрьской революции.

Общество археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете внесло большой вклад в изучении истории, духовной и мате-

риальной жизни, культуры и марийского народа. В «Известиях» ОАИЭ при Казанском университете (за 1879—1930 годы они вышли 34 томах) были опубликованы ряд ценных материалов и о марийцах. Например, такие содержательные труды члена общества с 19 декабря 1906 года В.В.Васильева, как «О характере и строе черемисских песен» (Известия ОАИЭ, Казань, 1909, т. XXIV, вып. VI, с.585—587), «Заметки по поводу этнографических очерков» С.К.Кузнецова под названием «Из воспоминаний этнографа» и «Черемисская секта «Кугу сорта» Известия ОАИЭ, Казань, 1910, т. XXVI, вып. 1-2, с.160—166); «Отношение черемис к половой распущенности» («Известия» ОАИЭ, Казань, 1915, т. XXIX, вып. 1-3, с.92—115); «Верования и обряды мари» («Известия» ОАИЭ, Казань, 1920, т. XXXI, вып. 1, с.49—70).

В это же время и русские ученые и литераторы, историки, этнографы и фольклористы продолжали изучение прошлого и настоящего народа мари. В печатных изданиях Казани, Вятки, Перми и Нижнем Новгороде с трудами, посвященными народу мари, выступали русские литераторы-краеведы: А. Спицын, С. Кузнецов, И. Смирнов, Н. Золотницкий, В. Магницкий, В. Мошков, О. Дерюжев, А. Верещагин, Г. Городской, П. Знаменский, П. Луппов, А. Риттих, Н. Троицкая, М. Кандаратский и др. Деятельность русских краеведов, изучавших жизнь народов Поволжья, нашла живой отклик в среде первых марийских литераторов-этнографов. В 1889 г. в Казани выходит книга И.Н.Смирнова «Черемисы». В 1908 г. здесь же появляется отдельной книгой «Сборник черемисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905—1907 годах,» составителем которого был А. Аптриев.

Типография Казанского университета — одна из лучших в России — сыграла свою роль и в развитии национального книгопечатания. Но не будем забывать и того, что все эти факты в дореволюционный период носили ограниченный, единичный характер. Благородный просветительский труд совершился вопреки преследованиям властей. После Октября 1917 г. Казанский университет стал подлинной кузницей национальных кадров.

Воспользуясь моментом необходимо сказать и о том, что в Казанском университете до Октября и в послеоктябрьский период обучались, получили глубокие знания и становились высококвалифицированными специалистами, такие известные представители народов Поволжья Приуралья, как И. Яковлев (чуваши), Ашальчи Оки (Векшина Л.Г) (удмурт), В. Васильев, Г. Эвайн (мари), М. Евсеев, В. Хохряков (мордва) и др.

В период назревания первой русской революции в стенах Казанской «инородческой» учительской семинарии появилась чувашская газета «Хыпар» («Известие») и календари для удмуртов и марийцев.

До открытия Казанского университета в 1733 г. была открыта школа для новокрещенных детей в Казанском Зилантовом монастыре, а в 1745 г. открывается школа для детей новокрещенных в Царевококшайске. «Но за все столетие из марийцев, учившихся в новокрещенских школах, ни один так и не смог одолеть полного курса учебы».⁵

Открытие первых училищ марийского народа, национальных школ прямо связано с деятельностью Казанского университета и его профессоров. Первые школы марийского народа появились в начале XIX века. Во главе этого движения стояли известные ученые Казанского университета: Н.И.Лобачевский, П.С.Кондырев, О.М.Ковалевский, Г.И.Солнцев. Они пропагандировали идею обучения всех народов, входящих в состав Казанского учебного округа. В частности, Н.И.-Лобачевский приложил большое старание на открытие училищ для нерусских народов, проживающих в Среднем Поволжье. Он действовал осознав то, что не расширяя сеть школ, нельзя развивать народного образования этих народов.

В 1816 г. поручается П.С.Кондыреву открытие уездных и приходских училищ, входивших в состав Казанской губернии. Этот ученый был человеком передовых взглядов своего времени.

Он внес большую лепту в открытие первого марийского приходского училища в деревне Морки. Главным образом, он считал как важное дело открытие училища в регионе, где преимущественно проживают марийцы, даже план строившегося здания был выполнен им самим. Он проявлял большой интерес в народе, который до сих пор не знал что такое школа, добивался народной защиты, организовал среди населения сбор денег для этих целей. В 1820 г. это училище приняло своих первых учеников.

П.С.Кондырев руководит подготовкой для открытия уездного училища в Царевококшайске (г.Йошкар-Ола до 1919 г. носил такое название). Он, как и другие передовые ученые Казанского университета, старался, чтобы народные училища отвечали требованиям жизни, для этого в первую очередь ставил задачу преподавать в них предметы естественного цикла. С этой целью он дает направление для укомплектования библиотеки училища с книгами светского содержания и сам несколько раз отправлял туда свои личные книги. Только с помощью директора училищ Казанской губернии известного русского писателя И.И.Ложечникова училище было открыто в 1825 г.

В тридцатых годах XIX в. марийские училища переносили большие трудности. Не хватало учебников, определенная часть учителей в профессиональном отношении были подготовлены не на должном уровне, учеба велась не по классам с правильными методами обучения, дети посещали урок тогда, когда они захотели. Обучение было основано на механическую зубрежку.

В сороковых годах условия меняются в лучшую сторону: возникает новый взгляд в учебной системе. Профессор Казанского университета О.М. Ковалевский после назначения директором народных училищ Казанской губернии, встал против методов механической зубрежки. Он составил программы по всем предметам, ввел в практику проведение педагогических совещаний, которые до сих пор были не проведены, хотя в уставе училища они были указаны. Несмотря на стремления передовых общественных деятелей, в первой половине XIX века слабо повышается уровень грамотности марийского народа. Отсутствие обучения на родном языке помешало достижению больших успехов в повышении культуры, просвещения местного населения.

Проникновение капиталистических отношений и в территории, где проживают многочисленные нерусские народы, усиление народно-освободительного движения принудили царское правительство позаботиться о расширении сети просвещения среди народов Поволжья.

Начиная с шестидесятых годов XIX века благодаря активной деятельности инспекторов народных училищ Н.И.Золтницкого, И.А.Износкова, С.А.Нурминского, передовых учителей Е.Н.Сельверстова, И.О.Дерюжева, Г.Я.Визгина, К.С.Рябинского к марийскому народу проникают прогрессивные мысли русской педагогики. В этот период возникают первые марийские школы. В них начинают работать учителями представители местного народа.

В борьбе за народное образование Казанский университет проявил настойчивость, решительно преодолевая косность бюрократической машины царизма, обскурантизм и воинствующий клерикализм как православного, так и мусульманского духовенства. Его преподаватели готовили для школ программы, хрестоматии, учебники, методические пособия, разрабатывали систему контроля знаний учащихся. Например, в разработку грамматики и словарей марийского языка большой вклад внесли такие деятели марийского просвещения, как С.Нурминский, И.Маляров, П.Ерусланов, Г.Яковлев, Т.Семенов, Ф.Васильев, В.Васильев и др.

Первая русская революция 1905—1907 гг. содействовала побуждению самосознания и марийского народа. В 1906—1907 гг. вышли первые художественные издания на марийском языке (ежегодники «Марла календарь», рассказы В.Васильева, С.Чавайна, хрестоматия П.Глезденова, букварь Г.Кармазина и т.д.). За 1907—1913 гг. в ежегоднике «Марла календарь» опубликованы около 20 художественных произведений. Следуя примеру русской и татарской печати, марийские издания (например, ежегодник «Марла календарь») большое внимание уделяли проблемам национально-освободительного движения, всесторонней демократизации народной жизни.

В дореволюционный период в Вятке начала выходить газета на марийском, удмуртском и татарском языках «Война увер» («Военные вести») (1915—1917). Ее редактором являлся один из образованнейших марийцев того времени П.П.Глезденов. С точки зрения языка газету можно охарактеризовать как вполне сложившуюся. Она выходила на нормальном языке. Его стиль отличается простым синтаксисом, лаконичностью изложения, точностью и однозначностью употребления слоя и выражений.

Приближались дни революционных преобразований в стране. В мае 1917 г. в Казани состоялся съезд представителей народностей Поволжья, где было принято решение начать выпуск газеты под названием «Ужара» («Заря») с начала 1913 г. В дни работы I Всероссийского съезда мари в г.Бирске Уфимской губернии (15—25 июля) Казанское земское собрание согласилось ассигновать издание марийской газеты. Делегаты этого съезда настаивали немедленно приступить к ее изданию. Первый номер еженедельной газеты, органа Казанского губернского земства, вышел 25 августа 1917 г в Казани (редакторы Д.Адаев, В.Васильев, С.Гаврилов).

С первых дней Советской власти Казань еще больше стала оказывать конкретную помощь в культурном подъеме, в подготовке специалистов высшей квалификации в развитии научных исследований народов Поволжья и Приуралья. В конце 1917 г. и в первой половине 1918 г. в Казани, Елабуге и в некоторых других городах Татарии состоялись многочисленные национальные съезды народов Поволжья. Они стали подлинной, убедительной школой политического просвещения и интернационального воспитания народных масс Поволжья, Приуралья и Прикамья.

Национальный съезд мари, состоявшейся в Казани 12—24 февраля 1918 г. постановил: «Признавая, что интересы трудящихся классов всех национальностей одинаковы, что национальная нетерпимость вредит делу объединения народностей, необходимо развивать классовое сознание трудящихся масс и всемерно бороться с национальным шовинизмом».⁶

В революционные годы возникла советская многонациональная и многоязычная печать Татарии. К моменту образования Татарской АССР издавалось в ней 50 названий газет и журналов, в том числе 14 названий на татарском, 27 — русском, 4 — марийском, 4 — чувашском, 1 — удмуртском и 1 — на венгерском языках. В те годы в Казани выходили на марийском языке следующие газеты: (включая первую марийскую газету) «Война увер» (1915—1917), «Ужара» («Заря») (Казань, 1917—1918), «Йошкар кече» («Красное солнце») (Казань, Краснококшайск, 1918—1931), «Йошкар салтак» («Красный воин») (Казань, апрель—июнь 1919); журналы «Куралше» («Пахарь») (Казань, 1918, вышло 4 номера), «У илыш» («Новая жизнь») (Казань, Москва, 1922—1927). На горном наречии: газеты «Незерын шамакшы» («Слово бедняка») (Казань, 1919), «Тор» (Казань, 1919—1922), журнал «Юк» (Казань, 1920—1922, выпустило 3 номера). В этих газетах и журналах печатались заметки, статьи и очерки не только о жизни народа мари, но и татарах, чувашах, информации об участии трудящихся в борьбе за новый общественный строй, о советском строительстве в различных городах и населенных пунктах Поволжья и Приуралья. В 1919—1921 годах в г.Елабуге на марийском языке выходили газеты «Марий коммунист», «Тул» («Огонь»), в редакциях которых работали такие писатели, как И.Ижболдин, Г.Микай и др.

Победа октябрьской революции способствовала развитию татарско-марийских педагогических связей в аспекте школьного обучения и вузовского преподавания. Весной 1918 г. важные шаги, направленные на налаживание дела школьного образования, были предприняты в уездах и волостях. При этом особое внимание обращалось на организацию школ с обучением на родном языке местных народов: татар, мари, чуваш, удмуртов, башкир и др. В этих целях в состав уездных отделов народного образования создавались специальные национальные подотделы.

В 20-х гг. Казанский университет, Казанский Северо-восточный археологический и этнографический институт и Казанский восточный педагогический институт были центром научно-технических и гуманитарных исследований и кузницей кадров высокой квалификации для многонационального Волго-Камья.

В 1918—1919 гг. вышла в нормальную колею учебно-педагогическая работа Северо-восточного и этнографического института в Казани (СВАЗИ). В институте были открыты три отделения: археологическое, археографическое и этнографическое, 26 мая 1919 года было открыто восточное отделение. В 1919 году на всех четырех отделениях наряду с другими лекциями читались лекции по марийскому языку известным педагогом А.И.Емельяновым.

В 1920 г. в Казани работал съезд работников просвещения мари. В Татарии в 1922 г. был открыт Татарский коммунистический университет и Высшая областная партийная школа народов Востока с отделениями: татарским, марийским, чувашским. В помощь путей приближения рабочей молодежи и высшей школе с начала 1919 г. решением коллегии Наркомпроса РСФСР организуются подготовительные курсы для поступления в вуз. 8 июля 1919 г. такие курсы открываются и в Казани. На 1 сентября их посещало около 120 человек.

День открытия первого в Казани рабочего факультета 1 ноября 1919 года вошел знаменательной страницей в истории Казанского университета. Открытый в центре многонационального края казанский рабфак с первых лет стал кузницей подготовки кадров для национальных республики Среднего Поволжья и Приуралья. Уже в октябре 1920 года из 474 студентов рабфака татар было 117, чувашей 74, марийцев — 14, удмуртов — 7, то есть 44,7 % от общего числа обучающихся. В 1924 г. на рабфаке открылись марийские и удмуртские отделения, а в 1925—1926 учебном году чувашские и мордовские группы.

На марийском отделении Казанского рабфака в 1924 г. обучались 30 человек. Среди них были будущий марийский писатель А.И.Крылов (А.Ток), первый архитектор из мари А.Суриков, киноактер и поэт Кирилл Иванов (Иван Кырля), инженеры И.Смирнов, А.Бурков, В.Смирнов, Т.Лебедев, П.Павловский, архитектор и педагог К.Семенов и др. В годы учебы рабфаковцы и на марийском языке ставили свои спектакли. Очень характерным является состав депутатов в горсовет от рабфака университета. Зайцев — мариец, член партии, рабочий шахтер стал первым депутатом из коллектива рабфаковцев.

О рабфаковских годах очень тепло вспоминал А.Ток в статье «Мы из первой тридцатки...» (В сб.: «Из истории рабфака Казанского университета», Изд-во Казан.ун-та, 1976, с.102—103). Рабфаковцы кроме других предметов увлекались и литературой. Устраивались литературные конкурсы. Однажды рабфаковцам дали задание — написать рассказ из жизни трудового народа. Первую премию за рассказ получил А.Ток, вторую (двухнедельный бесплатный обед в столовой) получил будущий татарский писатель Афзал Шамов. А.Ток, хорошо владел, кроме родного, татарским, башкирским, русским языками в последствии составил сборники «Татарское народное творчество» и «Народные песни».

Преподавание в старших курсах в основном велось на русском языке, он открывал народам дверь в широкий мир познания. Поэтому его изучению уделялось особое внимание и разрабатывалась методика преподавания. Занятия шли в основном по наглядно-переводному методу, разработанному И.Михеевым.

Татарский обком РКП(б) делал все, чтобы обеспечить рабфак квалифицированными национальными кадрами. Для преподавания татарского языка были пригла-

шены Г.Ибрагимов, М.Курбангалиев, марийского и удмуртского — профессор Н.Никольский, Е.Емельянов, И.Михеев, И.Яковлев и др. Учитывая особенность рабфака, в учебный план вводились вопросы национальной политики партий, краеведческий материал. В то время большое воздействие оказывала рабфаковская печать. С организацией на рабфаке марийского отделения силами студентов стала выпускаться газета на марийском языке «Волгыдо корно» («Светлый путь»).

В результате мер, принятых татарской партийной организацией для реализации постановлений XII и XIII съездов партии удельный вес национальных студентов на рабфаке начинает неуклонно расти. Казанский госрабфак дал крылья многим представителям братских народов. Будучи уже известным артистом Й.Кырля написал стихотворение «Вывел меня на дорогу госрабфак». Близкими друзьями Й.Кырля были татарские поэты М.Джалиль, А.Ерикеев, композитор Д.Файзи. Позже Й.Кырля поступил в Московский кинотехникум и замечательно сыграл роль Мустафы в первом советском звуковом кинофильме «Путевка в жизнь». Имя для своего героя Й.Кырля выбрал сам, — рассказывает режиссер фильма Н.Экк, — это татарское имя артистом взято было, очевидно, по воспоминаниям о своем пребывании в Казани».

22 августа 1922 г. Казанский высший институт народного образования был переобразован в Восточный педагогический институт. В 1925—1927 гг. здесь кроме пяти отделений (общественно-экономического, русского языка и литературы, физико-математического, естественного, татарского языка и культуры) были созданы еще три отделения: чувашского языка и культуры, удмуртского (вотского) языка и культуры, марийского языка и культуры. Известные деятели марийской культуры и народного образования В.Мухин, М.Шабдар, О.Тыныш, О.Г.Сурикова, А.Эльчибаев, К.Четкарев, К.Валитбаев и др. в свое время успешно окончили марийское отделение и культуры Казанского восточного педагогического института. В двадцатых годах Восточный педагогический институт становится центром гуманитарных исследований. Среди них выделяется работа профессора Н.В.Никольского по изучению этнографии чуваш и марийцев. В 1927 г. в Восточном педагогическом институте учились 26 марийцев.

В соответствии со спецификой каждого отделения на них изучали сверх обязательных для всех национальных отделений дисциплин, специальные отрасли знаний. Например, для марийского отделения: 1. География и современное хозяйство марийской области. 2. Марийский язык. 3. Финский язык. 4. Марийская народная словесность. 5. История марийского народа. 6. Краеведение в связи с проработкой программы ГУСа. 7. Методика преподавания марийского языка. 8. Диалектика марийского языка. 9. История марийской литературы. 10. Сравнительная грамматика финно-угорских языков. 11. Этнография угро-финских народов. 12. Специальный семинар по марийскому языку, литературе или истории (по выбору студентов).

В 1930—1931 гг. на базе национальных отделений были созданы самостоятельные педагогические институты в Йошкар-Оле, Чебоксарах и Ижевске. Таким образом, Восточный педагогический институт в Казани стал основой для

развития высшего педагогического образования в национальных республиках Поволжья. С 1931 г. институт стал называться Татарским педагогическим. Часть профессоров и доцентов Татарского педагогического института выехала для работы во вновь созданные национальные педагогические институты; некоторые преподаватели работали по совместительству в Марийском и в Оренбургском татаро-башкирских педагогических институтах, выезжая туда на целые семестры и оказывая научную помощь молодым вузам.

Таким образом, до Октября и в 20-ые годы советской власти Казань внесла определенную лепту на развитие национальной школы, культуры, литературы и искусства соседних народов Поволжья и Приуралья. В эти годы в Казани выходили различные газеты и журналы, календари, художественные произведения, научные труды и т.д. на марийском, удмуртском, чувашском, мордовском и других языках.

Казань играла большую роль в формировании известных представителей культуры, народного просвещения братского марийского народа. В этой области заслуживает внимание жизнь и творчество таких представителей, как В. Васильев, В. Мухин, С. Чавайн, И. С. Ключников-Палантай и др.

На бурных волнах революции 1905 г. зародилась марийская художественная литература, которая сначала издавалась в Казани, где работали до революции первые марийские литераторы В. М. Васильев (Упымарий), С. Г. Чавайн, В. А. Мухин (В. Сави), Г. Эвайн, В. Ипатов и др. Они, выступая в роли основоположников родной литературы, постоянно защищали интересы своего народа и других братских народов.

Казань была политическим и культурным центром для марийцев и в годы Октябрьской революции и гражданской войны. В 1919—1920 годах в Казани велась подготовительная работа по созданию Марийской автономной области. В первые годы Советской власти в Казани получили образование сотни марийцев. Здесь обучались такие марийские поэты, писатели и литераторы, как: Ш. Осып, А. Ток (Крылов), А. Айзенворт, В. Элмар, К. Четкарев, Т. Осып (Борисов), Й. Кырля и др.

Многие известные ученые братских народов после окончания различных учебных заведений на определенное время оставались в Казани и продолжали вести широкую общественную, научно-педагогическую деятельность. Среди них особого внимания заслуживают В. М. Васильев, С. Чавайн, В. Мухин, А. Ток, А. Никитин, А. Аюпова и др. Вся сознательная жизнь В. М. Васильева была связана с Казанью. Казань дала простому крестьянскому парню высшее образование, способствовала развитию его научной и педагогической деятельности. Он прожил 78 лет, из них более двадцати лет провел в Казани. В 1903—1906 гг. учился в Казанской духовной семинарии и окончил ее богословское отделение. Однако богословом В. М. Васильев не стал, он мечтал о поступлении в Казанский университет. Но он сразу не смог попасть в это учебное заведение, сначала выполнял обязанности заведующего складом переводческой комиссии, а с сентября 1907 г. начал работать преподавателем марийского языка в Казанской земской школе.

В 1906 г. В.М.Васильев составил и издал в Казани первый календарь на марийском языке «Марла календарь» («Марийский календарь»). Этот ежегодный календарь издавался в течение семи лет. По своему содержанию, форме он был близок календарям татарского ученого-энциклопедиста Каюма Насыри, выпускаемым на татарском языке с 1871 г. в течение 24 лет. Мы можем уверенно сказать, что В.М.Васильев, хорошо знавший и язык братского татарского народа, был близко знаком с этими календарями. Большинство из семи выпусков календаря вышли под его редакцией. Кроме редакционно-издательской деятельности, в Казани В.М.Васильев занимался сбором материалов устно-поэтического творчества, народных песен, пословиц, загадок и т.д. На основе своих первых материалов в 1908 г. он издал сборник марийских народных песен, загадок и сказок.

В.М.Васильев в годы работы и учебы в Казани принял активное участие в создании различных учебников, учебных пособий по родному и русскому языкам. Например, в 1909 г. он опубликовал работу под названием «Русские предлоги и наречия в значении предлогов», издал книгу «Первоначальный учебник русского языка для восточных черемис», в которых в сопоставительном плане изучил особенности русского и марийского языков. Для марийских начальных школ им составлены буквари, учебник родного языка и книга для чтения. В 1907 г. в Казани вышла его «Вторая марийская книга для чтения», а 1909 г. он издал отдельной книгой «Марийские рассказы для детей». В 1911 г. появляется «Черемисско-русский словарь», букварь и первая книга для чтения на марийском языке, составленная им.

Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете дало высокую оценку устным и печатным выступлениям молодого марийского ученого В.М.Васильева по вопросам этнографии марийцев и 1903 г. приняло его в число своих членов. Этот факт говорит о росте научного авторитета марийского этнографа, о признании его заслуг в научно-исследовательской работе.

В 1913 г. В.М.Васильев становится студентом отделения классических языков историко-филологического факультета Казанского университета и успешно оканчивает его в 1918 г. В 1914 г. выходит в соавторстве Кармазина Г.Г. и Васильева В.М. «Наглядный черемисский букварь и первая книга для чтения на луговом наречии». С 1917 г. он стал преподавателем марийского языка в Казанском педагогическом институте и Казанской мужской учительской семинарии. В 1918 г. коллегией Казанского педагогического института он избирается профессором института по кафедре марийского языка. В первые годы Советской власти он работал в центральном отделе мари при народном комиссариате национальностей редактором изданий на марийском языке в подотделе печати и культуры. В эти годы он продолжает заниматься и наукой. Казанский высший институт народного образования (в то время Казанский педагогический институт носил такое название) в мае 1920 г. направляет его в экспедицию в пределы Казанской, Вятской и Пермской губерний для сбора фольклорного и диалектологического материала. С сентября 1920 по сентябрь 1927 гг. М.В.Васильев

работал в различных учреждениях Йошкар-Олы и т.д. В сентябре 1927 г. он снова переехал в Казань и стал преподавать марийский язык и фольклор в Восточно-педагогическом институте. Здесь, кроме преподавательской работы, он занимался научной деятельностью.

В Казани В.М.Васильев имел тесную связь с просветителями и литераторами соседних братских народов Поволжья и Приуралья, изучил их труды, произведения, чему способствовало знание их языков. Марийские литераторы-просветители со своей стороны собирали материалы устно-поэтического творчества различных народов. Среди них особо выделялся В.М.Васильев. Наряду с марийскими песнями он любовно собирал и записывал татарские песни с мелодиями. Им собрано и записано несколько сот татарских песен, которые впоследствии были опубликованы в различных сборниках, изданных на татарском языке. В.М.Васильев записал несколько народных песен и от известной певицы, композитора, народной артистки РСФСР Марьям Рахманкуловой. В 1933 году в период работы в Казанском научно-исследовательском институте культурного строительства записал от учащихся г.Казани и исполнителей радицентра, кроме марийских, 80 номеров татарских, башкирских, азербайджанских песен с мелодиями.

Учеба в одном из крупнейших вузов России — Казанском университете, тесная связь, совместная работа с такими известными учеными-языковедами, этнографами, фольклористами, педагогами, как академик В.В.Радлов, члены-корреспонденты АН СССР В.Н.Богородицкий, Н.Н.Фирсов, Н.И.Ашмарин, член-корреспондент АПН СССР М.Х.Курбангаиев, профессор А.А.Красновский, В.Я.Струменский, В.М.Горехов, Н.Ф.Катанов, Г.Ш.Шараф, Д.Валиди, Н.В.Никольский, Ф.Ф.Советкин, Г.Алпаров, Х.Бадиги, Д.Заляй, музыковед М.И.-Берг, венгерские ученые Л.Векар, Г.Берецки, И.С.Михеев, М.Е.Евсевьев, Н.Надиев и др., способствовали в повышении научного уровня марийского ученого. Научно-исследовательская деятельность В.М.Васильева в области языкознания приблизили его и к тем областям званий, которые были непосредственно связаны с языком: фольклору, этнографии, народной музыки и т.д. В.М.Васильев написал много трудов по различным отраслям науки, большинство из которых были напечатаны в Казани. Например, начиная с 1906 года по 1931 год в Казани опубликованы около пятидесяти научных работ, программ, учебников, методических пособий В.М.Васильева. Богатая научная мысль, педагогическое наследие В.М.Васильева являются ценным вкладом не только марийского народа, но и других братских народов нашей страны, и в том числе татар.

Казань в жизни и творчестве основоположника марийской литературы С.Чавайна тоже сыграла большую роль. Первое свое стихотворение, первый свой рассказ написал он в Казани, и первый его сборник также был напечатан в Казани. Таким образом, и рождение первого марийского художественного произведения было связано с этим городом. В годы учебы в Казанской «инородческой» учительской семинарии формируется и развивается демократическое мировоззрение будущего писателя. Поэтому казанский период в жизни и учебы Чавайна представляет для нас несомненный интерес.

С.Чавайн учился в Казанской «инородческой» учительской семинарии с 25 августа 1904 г. по 5 июня 1908 г. В год поступления С.Чавайна, в 1904—1905 учебном году, в учительской семинарии обучалось всего 17 марийцев. Некоторые из них после революции стали видными общественными и культурными деятелями марийского народа. М.Веткин — известный педагог, С.Черняков — видный общественный деятель, ученый, в 20-х гг. возглавлял отдел мари при Наркомнаце, участвовал при подготовке декрета об автономии марийского народа, встречался с В.И.Лениным, был делегатом VIII Всероссийского съезда Советов, членом ВЦИК, в дальнейшем стал доцентом Поволжского лесотехнического института. С.Гаврилов (Эпин) — литератор, языковед, В.Мухин — общественный деятель, писатель, ученый, организатор и первый директор Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ).

В годы учебы в учительской семинарии С.Чавайн имел тесный контакт с сокурсником Н.Степановым (А.Джандильдин) будущим казахским революционером, поэтом, ставшим организатором Советской власти в Казахстане. С.Чавайн жил в Казани в 1904—1908, 1920—1923 годах учился, занимался общественной и творческой деятельностью, в повести «Дезертиры» создал полноценный образ военкома интернационального полка татарского писателя Шамиля Усманова. Таким образом, в Казани формируется и развивается его мировоззрение, политическое и национальное самосознание и главное — именно в Казани С.Чавайн становится марийским писателем.

В 1919 г. в Казани вышла первая книга-поэма «Признаки жизни» Н.Мухина, рассказывающая о жизни крестьян. Затем появились другие его сборники: «Стихи» (1928), «Плоды свободы» (1936). В 1919 г., приехав в Казань, стал редактором газеты «Незерын шамакшы» («Слово бедняка»). В 1919 г. в Казани были изданы пьеса А.Конакова «Бурани» и «Сиротка».

С Казанью связана богатая жизнь В.Сави (Мухина В.А.). Выпускник Казанской «инородческой» учительской семинарии В.Мухин в 1916 г. окончил школу прапорщиков и стал командиром взвода в 240-ом полку в Казани. В 1918 г. участвовал на съезде мари, который состоялся в Казани. Перед делегатами он выступил с призывом сплотиться вокруг Советской власти. Вскоре стал во главе Марийского комиссариата при Губернском Совете. С 2 октября 1918 г. он редактор первой марийской коммунистической газеты «Йошкар кече». Позже работал в марийской секции Татарского обкома партии, преподавал обществоведение в рабфаке при Казанском университете, учился в педагогическом институте.

С 1923 г. жил в Казани, учился в совпартшколе Александр Ток. Выпускник Казанской учительской семинарии П.Змяш в дни первой русской революции поддерживал связь с революционерами-подпольщиками Казани, распространял среди местного населения запрещенные брошюры, прокламации, а некоторые листовки написал сам на марийском языке. В 1918—1920 годах А.Эшкинин работал агитатором марийской секции при Казанском губкоме РКП(б). Впервые выступил в печати как автор корреспонденций в казанской большевистской газете «Рабочий». М.Аюпова окончила в 1929 г. Восточно-педагогический

институт в Казани. Внес огромный вклад в развитие филологической науки ученый с мировым именем, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор В.А.Богородицкий, уроженец г.Йошкар-Олы, долгое время потрудившийся в Казани. Его труды «Общий курс русской грамматики», «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками», «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» и др. являются крупными исследованиями в области русского языка экспериментальной фонетики, общего и сравнительного языкознания.

После Октябрьской революции литераторы народов Поволжья установили между собой прочные дружеские связи. Особую роль в 20-е годы сыграл Центриздат, где проводились взаимные обсуждения произведений братских литератур, что содействовало творческому росту и возмужанию писателей. Об этой организации впоследствии восторженно вспоминал народный поэт Чувашии Педер Хузангай в статье «Мускав-Мухтав», опубликованный в газете «Литературная Россия». «Центриздат был трамплином для и многих национальных писателей моего поколения, — писал П.Хузангай. — В коридорах здания слышался многоязычный разговор. Из кабинетов редакторов, так и не успевших обрасти бюрократическими штатами, вызывались голоса поэтов, читавших стихи. Татары Муса Джалиль и Ахмет Файзи, удмурты Куздебай Герд и Ашальчи Оки, марийцы Янош Ялкайн и Александр Ток, чуваша Иван Курок и Николай Шубоссини и многие другие литераторы России встречались там, знакомились, спорили, ревниво следя друг за другом, радуясь успехам собрата, огорчаясь его неудачам. Эта была дружная семья». Там царил дух творческого соревнования, рождались новые произведения, новые мысли, которые находили отражение в статьях, рассказах и стихах. В 20-ые годы росла и крепла взаимная дружба между М.Джалилем и Я.Ялкайном, об этом взволнованно писал в своих воспоминаниях известный марийский писатель, критик-литературовед и ученый-этнограф. Сущность творческой и личной дружбы М.Джалиля и Я.Ялкайна, П.Лашмакова глубоко и последовательно описывается в статьях марийского ученого, проф. П.А.Апакаева «Соколы укрепляют крылья», опубликованной в журнале «Казань утлары» («Огни Казани») № 2, 1986 г. и профессора Елабужского педагогического института Л.Ш.Арсланова «В единении душ» в газете «Социалистик Татарстан» 14 февраля 1986, № 38. В этих статьях освещаются годы учебы М.Джалиля на этнологическом факультете Московского университета и его крепкая дружба со сокурсниками представителями братского марийского народа с Я.Ялкайном и П.Лашмаковым. Кстати, проф. Л.Арсланов специалист по татарскому языку, мариец по национальности.

В автобиографической повести Я.Ялкайна «Город» описывается образ поэта-героя М.Джалиля в образе Хасана Рашитова, а автор показывает себя в образе марийского парня Ачина Пайгаза.

Взаимные творческие контакты, взаимосвязи, взаимообогащения между татарским и марийским писателями ведут свои истоки еще с дореволюционных времен. Известный татарский ученый К.Насыров в своих трудах осветил

вековую дружбу татар с мари́йцами. В его записи К.Насырова сохранились татарское придание о Е.Пугачеве. В нем говорилось о том, что к Пугачеву «начали приходить башкиры, чувашаи, мари и разный сбродный народ. Сами они босые, оружием у них были копья, ружья. У некоторых железные вилы, косы, а некоторые взяли просто шест с обожженным концом, который пристроили вроде копья» (История Татарии в материалах и документах. М., 1937, с.439).

В 1900 г. была опубликована статья К.Насырова «Сказки Казанских татар и сопоставление их со сказками других народов», где упоминались и сказки нарочков мари. Татарский ученый воспользовался мари́йскими сказками, представленными ему известным мари́йским литератором-этнографом Т.С. Семеновым. В «Известиях Казанской епархии» в 1901—1904 годах были напечатаны ряд очерков, посвященных жизни и быту народа мари, авторам которых был крещенный татарин М.В.Васильев. В этом отношении интересными являются его такие статьи, как «Святки у черемис», «Черемисская масленица», «Весенние праздники у черемис».

В годы Советской власти традиций межнационального литературного общения народов Поволжья и в том числе татарско-мари́йские культурные связи, возникшие еще в дореволюционный период получили дальнейшее развитие.

Многие мари́йские и татарские писатели в годы революции и гражданской войны вели активную деятельность в составе Казанской губернской большевистской организации. Например, среди членов партийной организации, созданной в конце 1918 г. в Казани при отделе мари, были писатели и журналисты В.Мухин, А.Романов, А.Эшкинин, Н.Игнатъев, А.Кидалашев и другие, которые вместе с татарскими большевиками участвовали в претворении в жизнь решений партии.

Мари́йский поэт, ученый и общественный деятель В.Сави в те дни писал: «Кое-кто думает, что теперь мы... жить будем без вмешательства русских и чувашей. У такой мысли нутро гнилое. Мы коммунисты говорим: наши враги эксплуататоры из русских, татары своих же мари́йцев. Нам по душе русские, татары и чувашаи, которые едины по мысли с нами. Мы людей прежде всего делим по классовому признаку. И объединяться нам следует на классовой основе».

В эти годы установились тесные контакты между В.А.Мухиным и М.Вахитовым, возглавлявшими в то время мари́йский и татарский комиссариаты при Казанском губернском Совете. В своих статьях в очерках В.Сави писал о совместной работе комиссариатов татар и мари при Казанском губернском Совете, с гордостью говорил, что он «был другом Муллаура Вахитова — татарско-социалиста».⁸

В конце июля в Краснококшайске по решению Казанского Губкома партии создается Революционная мари́йская рота, комиссаром которой стал коммунист-мари́ец М.Товашов, а командиром назначили А.Захарова. Мари́йская рота в составе Советского полка участвовала в защите Казани. Большая часть роты погибла в боях. Внезапно ворвавшиеся в Казань белогвардейцы захватили в свои руки многих видных коммунистов Поволжья. Они расстреляли руководи-

теля Казанских большевиков Я.С. Шейнекмана, убили славного сына татарского народа М. Вахитова; арестовали также руководителя Марийского комиссариата В.А. Мухина, которого приговорили к смертной казни. Только подоспевшие в город красные войска избавили Мухина от гибели. Через несколько месяцев на Восточном фронте героически погиб в боях руководитель марийской секции Казанского Губкома РКП(б) А.Романов. Губком партии и отдел мари Наркомнаца начали регулярно издавать в Казани книги на марийском языке. Судя ли библиографическим указателям марийского ученого-литературоведа Я.Ялкайна, в Казани в 1918 году издано 45 книг и брошюр на марийском языке в 1919 г. — 37 книг, а в 1920—1921 гг. — по 30 книг. Среди книг, изданных в Казани на марийском языке, были: биография В.И. Ленина, Конституция РСФСР, брошюра «О великом Октябре 1917 года», сборник стихов С.Г.Чавайна, пьесы В.Мухина, И. Борисова, А.Конакова, Н.Мухина и других марийских поэтов и драматургов.

В образовании Татарской и Марийской автономных республик сыграли большую роль писатели и общественные деятели М. Вахитов, Г.Ибрагимов, В.Сави, А.Эшкинин, Ш.Усманов и др. Марийские писатели активно участвовали в общественной и культурной жизни Казани, чем обогатили историю братской Татарии и содействовали дальнейшему укреплению дружбы между татарами и марийцами.

Жизнь Татарстана получила свое художественное воплощение и в творчестве современных марийских писателей. Марийский прозаик, народный писатель Никандр Лекайн в своем романе «Земля предков», посвященном революционному движению в годы революции 1908—1912 гг., в числе сотрудников русского большевика Василия показал марийца Эчана и татарина Габдуллу. Народный писатель С.Николаев одним из героев своей пьесы «Грозное зарево», рассказывающей о событиях 1905 года на Волге, избрал татарина Ахмета. Поэт Иван Осмин, в 1938—1940 гг. работавший преподавателем марийской литературы Ильнетской средней школы Менделеевского р-на Республики Татарстан, природу и людей Татарстана отразил в стихах «Деревня Ильнет», «Бондюга», «Северная деревня» и т.д.

Казань в годы Советской власти по словам классика марийской литературы О.Шабдара «будто утреннее солнце освещал им светом науки путь в прекрасное будущее, звал их вперед, к социалистической жизни».⁹ Марийские писатели В.Сави, С.Чавайн, Н.Игнатъев, Н.Мухин, О.Тыныш, А.Эшкинин в годы революции и гражданской войны жили и трудились в Казани. В 1919 году при редакции газеты «Йошкар кече» состоялись интернациональные вечера литературы, в которых вместе с марийцами участвовали русские и татарские писатели.

Заметный вклад в истории татаро-марийских литературных взаимосвязей оставили факты, связанные с пребыванием марийских писателей в учебных заведениях Казани. В первые годы Советской власти в Казани печатались первые произведения многих марийских писателей. Первое произведение-перевод на русский язык марийской песни А.Ток опубликовал в газете «Известия ТатЦИК». Уже в начале 20-х гг. он имел тесный контакт с Ф.Бурнашем, К.Наджми, Х.Такташем, А.Кутуем и др.

Как активный пропагандист поэзии татарского классика Г.Тукая проявил себя А.Ток, который был тесно связан с жизнью татарского народа, с татарской культурой. О нем писал В.Маяковский в стихотворении «Казань», где рассказывает о том, как к великому русскому поэту, остановившемуся в гостинице «Казанское подворье» «входит... косой в скуле. И говорит, в карманах порыскав: я — мариец. Твой «Левый» дай тебе прочту по-марийски». Свой перевод «Левого марша» А.Ток в 1925 г. опубликовал на страницах рукописной газеты казанских студентов-марийцев. В 1927 г. он в Казани издал на марийском языке очерковую книгу «Лу ий» («Десять лет»), рассказывающую о созидательном труде марийцев и татар за десять лет Советской власти. В Казани он часто посещал татарские концерты, очень полюбились ему задушевные татарские песни. «Мелодичные и плавные звуки, сопрождаемые баяном, глубоко волновали нас... — вспоминал он потом. — С тех пор эта любовь к песням татарского народа осталась во мне на всю жизнь».¹⁰

В тридцатые годы начинается новый этап в развитии взаимосвязей — переводе произведений писателей непосредственно на языки народов Поволжья. В этом большую роль сыграли писатели, владевшие несколькими языками поволжских народов, как А.Ток, А.Юзыкайн, Л.Исламов, А.Бик и др. Первым татарским произведением переведенным на марийский язык является рассказ «Жребий» К.Наджми, удачно выполненный О.Шабдаром. За последнюю четверть века с татарского языка на марийский переведены роман «Весенние ветры» К.Наджми (перевод А.С.Смирнова), повесть «Неотосланные письма» А.Кутуя (перевод В.М.Иванова), главы из романов А.Абсалямова, рассказы Г.Баширова, А.Шамова, Ф.Хусни, Г.Минского, Ф.Карима, З.Нури, стихотворения и поэмы Г.Тукая, М.Гафури, М.Джалиля, Х.Туфана, С.Хакима, А.Ерикеева, А.Шамукова, Э.Давыдова, З.Мансура, Г.Латыпа, И.Юзеева, С.Шакира, Ш.Галиева и др. В переводе произведений татарских коллег на свой родной язык внесли огромный труд такие марийские переводчики, как А.Ток, М.Майн, М.Казаков, Г.Матюковский, А.Юзыкайн, Д.Исламов, А.Тимиркаев, А.Бик, В.Колумб, В.Иванов, В.Любимов, В.Элмар и др. Переводы отдельных произведений С.Чавайна, А.Бика, С.Вишневого, Н.Илякова, М.Казакова, В.Косоротова, М.Майна, Г.Матюковского, Г.Микая, А.Юзыкайна, Н.Рыбакова, В.Чапая, М.Шкетана, М.Якимова, Я.Ялкайна, О.Шабдара, А.Мичурина-Азмекея, А.Конюшкова, В.Дмитреева, К.Васина, Б.Данилова, В.Колумба, С.Николаева, И.Осмина, А.Тимиркаева, В.Юксерна и др. внесли большой труд татарские художники слова, как З.Нури, С.Шакир, А.Юнус, З.Мансур, Э.Давыдов, М.Садри, Ф.Миннуллин, Р.Гарай, С.Хасанов, М.Харисов, Ш.Маннапов, Л.Леронов, Р.Миннуллин, Р.Гатауллин, Э.Исхак, Ф.Шафигуллин, Г.Ражим, Г.Зайнашева, Ш.Мударрис, Ш.Галиев, И.Юзеев, М.Садри, А.Маликов, Н.Даули, Л. Сабирова и др.

Годы совместной жизни и работы с татарскими трудящимися, знание жизни братской республики дали марийским писателям богатый материал для создания произведений, отображающих столицу Татарстана — Казань. Так, в двадцатых и тридцатых годах были опубликованы: рассказы «В Октябрьские дни»

О.Тыныша (1930), «Гроздь песен» В.Сави (1935), его же очерк «Чавайн» (1935). Исторические документы о героической защите г.Казани от белогвардейцев в 1918 г. легли в основу пьесы «Марийская рота» (1935) С.Чавайна. Поэтично, с хорошим знанием духа эпохи, ее характерных примет и типических деталей показана Казань в романе «Доля женская» (1929—1935) О.Шадара, значительная часть которого уделена жизни Казанского университета. С восторгом рисует писатель улицы и площади столицы Татарстана, Кремль с башней Сююмбике, Казанский университет, описывает дружбу студентов — татар и марийцев. Результатом близкого содружества татарских и марийских писателей явилась взаимовлияние их друг на друга. Так, идеи и образы поэмы «Мукамай» татарского поэта Х.Такташа оказали заметное влияние на Ялкайна при написании им повести «Алый снег» (во втором издании — «Андрей Толкын»-1933), который в своем произведении создал образ батрака-татарина Мукамаю.

Г.Микай, проживавший недалеко от Бондюжского завода среди татар хорошо знал татарский язык и был близко знаком с некоторыми татарскими прогрессивными деятелями. Например, одним из его друзей являлся Г.Сахафутдинов, татарин-большевик из Бондюги. Сборник стихов Г.Тукая в библиотеке Г.Микая всегда стоял на видном месте. В ряде своих произведений марийский поэт пользовался сюжетами и образной системой татарского фольклора (например, в сказке «Алдан», в стихотворениях «Деревня Ильнеть», «Родник» и т.д.

Марийские писатели С.Чавайн, О.Шабдар, Я.Элексейн, О.Тыныш, И.Осмин, М.Казаков, М.Майн, М.Якимов, Г.Матюковский, С.Вишневецкий, А.Юзикайн и др. создали произведения, содержащие художественные эпизоды из жизни братского татарского народа (пьеса «Марийская рота» С.Чавайна, романы и повести «Доля женская» О.Шадара, «Сестра Анук» О.Тыныша, «Род Тоймаков» Я.Элексейна, стихотворения «Письмо Хасану Туфану» И.Осмина, «В Казани», «Габдулле Тукаю», «Огненная высота» (очерки, воспоминания), «У памятника Габдулле Тукаю» М.Майна, «Габдулла Тукай», «Тукай возвращается в Казань», «В гости к Тукаю», «Раис и Раиса», «Три города», «Татарскому другу», «Городу Казани», «Пароход имени Тукая» М.Казакова, «Сибгату Хакиму», «Татарскому другу» С.Вишневецкого, «Дружба» А.Селина, «Комсомолка Разия» М.Якимова, «В Казанском университете», «Фатиху Кариму», «Казани» Г.Матюковского, «Кокушкинская заря» С.Николаева и др.

Г.Тукай является близким поэтом, дорогим человеком и у марийского читателя. Эту мысль в образных поэтических строках выразил в стихотворении «У памятника Габдулле Тукаю» марийский поэт М.Майн:

«Мы любим его, как татары, и чтим

И с гордостью в сердце о нем говорим: Тукай! Это имя светлое зари,

Он близок и дорог народу мари».

Татарские писатели, в свою очередь, тепло отзываются о братском марийском народе, посвящают ему, Йошкар-Оле, С.Чавайну и др. многочисленные художественные произведения.

С.Чавайн является близким другом и татарского народа, татарских писателей. Поэтому татарские художники слова посвящают ему свои лучшие художественные произведения. Об этом красноречиво говорят стихотворения З.Нури «Родник Чавая» (перевод В.Панова), С.Шакира «Мой любимый поэт» (пер. В.Панова). Поэт З.Нури прав в том, что

«...Родник Чавая не иссякнет —
Он звонкоструйный, он всегда глубок.
И к Чавайнуру знает всякий
Любую из протоптанных дорог».

Многие татарские писатели тепло отзываются о марийском коллеге С. Чавайне. Вот некоторые из них: «Его (С.Чавайна — Ф.И.) многогранное творчество — это вечно живительный, песенный родник, благодатный для многих поколений» (Заслуженный работник культуры РСФСР Заки Нури).

«Марийские друзья мне говорили, что Чавайн — солнце. Читая его книги, убеждаюсь: он поистине солнце марийской литературы.

В татарской литературе есть большой поэт, гордость нашего народа — Габдулла Тукай. С.Чавайн и Г.Тукай — два великана народов-соседей...

И сегодня бессмертные творения великого певца марийского народа зовут нас к новым свершениям. Сергей Чавайн — любимый поэт татарского и марийского народов. Он мне дорог так же, как и Г.Тукай» (Самат Шакир, татарский поэт).

«В последние годы опубликована солидная книга песен марийского народа. Я прочитал эту книгу с удивлением и восхищением, — пишет народный писатель Республики Татарстан, лауреат Государственной премии Гумер Баширов. — Я до сих пор не представлял себе поэтических шедевров братского народа мари, проживающего от нас совсем близко, прямо за лесом. Мне стало неудобно за мое невежество. В этой удивительной книге как будто благоухают запахи луга, усеянного цветами, смолы соснового бора. Даже не совсем так. На первый взгляд, в незатейливых мотивах марийских песен перед нами в поэтических образах представляет мудрость и умение своеобразно видеть прекрасное в окружающей жизни марийского народа. Поэтому я рекомендую всем, кто любит и видит душевную красоту народа, музыкальное звучание слова, взять и прочитать книгу этих великолепных песен».¹¹

«В нашем краю исстари татары живут бок о бок с марийцами, — писал народный поэт Республики Татарстан, лауреат премии РСФСР имени М.Горького и Татарстана им. Г.Тукая Сибгат Хаким. — Это тесное общение двух народов вызвало к жизни обычаи, свойственные только нашему краю». (С. Хаким. Поэзия и жизнь. «Советская Татария», 7 авг. 1958 г.).¹² С этой точки зрения интересны стихотворения С. Хакима «Марийская девушка Улина», «Родной угол», «Марийский старик Филипп», «Половина моей души», «Доброе соседство», его многочисленные статьи, воспоминания, рассказывающие о его отношении близким соседям-марийцам. Стихотворения «Йошкар-Ола — мой любимый город» (С.Шакира), «Пускай наша дружба останется на века» (Р.Гарая), «Приглашение

на праздник» (З.Нури), «Нахожусь в марийском лесу» (Р.Миннуллин), «На родине мари» (Ф.Яруллина) и др. очень тепло воспринимаются многочисленными татарскими читателями.

Об истории развития марийской литературы и о современном ее состоянии в печати Татарстана опубликованы содержательные статьи марийских ученых, писателей. Например: «Марийская литература», К.Васина, «Успехи марийской литературы» С.Вишневого, «Успехи молодой марийской литературы» М.Волкова и т.д.

Марийско-национальные, в том числе марийско-татарские культурные, языковые связи довольно глубоко изучаются марийскими учеными, писателями, искусствоведами и т.д. Например, «Страницы дружбы. Историко-литературные очерки», «Творческие взаимосвязи марийской литературы». Историко-литературный очерк «Тукай и марийская поэзия», «Тукай и марийские писатели», «Марийские версии тюркоязычных эпосов» Алпамыш, «Баян-Слу и Козы-Керпеш», «У истоков татарско-марийской литературной дружбы», «М.Джалиль и марийская поэзия», «Хади Такташ и марийская поэзия» (К.Васин), «Наш Тукай», «Все ярче и ярче» (М.Казаков), «С.Чавайн и Г.Тукай» (к вопросу о типологии мировоззрения) (А.М.Александров), «С.Чавайн в Казани» (А.С.Патрушев), «Влияние татарского языка на падежную систему восточно-марийских говоров», «Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке», «Марийско-татарские лексические связи», «Татарские термины родства в диалектах марийского языка», «История изучения татарских заимствований в марийском языке», «Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка», «Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка», «Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствованных существительных в марийском языке», «Проблема разграничения татаризмов от заимствований из других языков», «Об ограничении татарских заимствований от чувашских в марийском языке» (Н.И.Исанбаев) и т.д.

В изучение исторических, культурных, педагогических связей марийского и татарского народов вносят определенную лепту известные ученые Марий Эл профессора К.Н.Сануков, Г.Н.Крайнев, П.А.Апакаев, А.С.Патрушев, И.С.Галкин, директор Национальной библиотеки Марий Эл В.Г.Яналов, ученые из г.Казани Е.П.Казаков, доценты О.К.Егорова, А.Л.Маклыгин, П.Н.Старостин, председатель марийского культурного центра г.Казани Г.И.Лисицын, прекрасный марийский журналист, публицист, краевед Г.З.Зайниев и др.

В свою очередь в трудах таких татарских ученых, писателей, деятелей искусства академиков и профессоров М.Гайнуллина, М.Закиева, Я.Ханбикова, М.Хасанова, Х.Миннигулова, А.Ахмадуллина, К.Фасеева, Л.Арсланова, Ф.Галимуллина, Ф.Мусина, Р.Ахмедьянова, М.Тутаева и многих других глубоко освещаются культурные, языковые, педагогические связи татар с другими братскими народами и в том числе соседями-марийцами. С этой точки зрения интересны и следующие статьи: проф. М.З.Закиева «Почему казанские татары по-

марийски — суас, по-удмуртски — бигер?», Р.Г.Ахмедьянова «К вопросу о взаимовлиянии финно-угорских и тюркских языков Поволжья и Приуралья», Ф.И.Гордеева «Татаризмы в лексике марийского языка», «О татарских проникновениях в лексике марийского языка», Э.Г.Нигматуллина «Эстетический идеал в исторических романах А.Расиха «Ямашев» и Я.Ялкайна «Круг», Л.В.Казанской «Симфоническое творчество А.Эшпая в свете русско-марийских музыкальных связей» и т.д.

Издавна происходит взаимовлияние и взаимообогащение в театральном искусстве мари с другими театрами, в том числе и татарским театром. Примером взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур и искусств являются постановки спектаклей по пьесам братских республик. В марийском театре в разное время получили сценическое воплощение наряду с произведениями других братских народов и пьесы татарских драматургов «Один потерянный день» А.Гилязова, «К нам прилетели соловьи» И.Юзеева, «Алмандар из Альдермышы» Т.Минулина, «На путях жизни» Р.Ишмуратовой и др. В том числе в разных театрах Татарстана с большим успехом ставились и ставятся пьесы марийских драматургов «Марийская рота» «Акпатыр» С.Чавайна, «Черный волк», «Летняя ночь» Н.Арбана, «Салика» С.Николаева, «Ануш» М.Майна, «Сердце девичье», «Ксеня» В.Волкова, «Клятвенная береза» А.Асылбаева и др.

Взаимовлияние и взаимообогащение театров братских народов страны оказывает благотворное влияние на развитие искусства каждого народа в отдельности стимулирует их творческий рост.

Необходимо упомянуть то, что на заре становления музыкальные культуры Поволжья были тесно связаны с Казанью, городом высокой музыкальной культуры. Классик марийской музыки М.С.Ключников-Палантай получил образование в Казани, общался с татарскими музыкантами и поддерживал дружбу с ними. У его ближайших последователей Н.Сидушкина, также окончившего Казанский музыкальный техникум, А.Искандарова была большая творческая и человеческая дружба с Салихом Сайдашевым, Александром Ключаревым. Эта дружба продолжалась и композиторами последующего поколения.

Автор первой марийской оперы «Акпатыр» Э.Сапаев и автор первого марийского балета «Лесная легенда» А.Луппов получили образование в Казанской консерватории.

В настоящее время Союз композиторов Марий Эл почти целиком состоит из выпускников Казанской консерватории, которые прекрасно знают татарскую музыку, перенимают все лучшее дружат с татарскими композиторами, музыкантами. Те и другие — частые гости на пленумах композиторских организаций друг у друга. Участья и помогают друг другу.

Такие марийские писатели, как А.Асаев, М.Аюпова, Тбатырбаев, А.Бик, Ш.Булат, В.Васильев, Г.Гадиатов, Э.Чапай, Г.Эвайн, С.Эман, А.Юзыккайн, Н.Ялкайн, Я.Ялкайн, Е.Янгильдин, Г.Микай, А.Тимиркаев, Д.Иванов, А.Мурзашев, И.Караев и др. являются уроженцами братских республики Башкортостана и Татарстана. Тесные контакты этих художников слова, ученых с земляками спо-

собствовали и способствуют развитию дружбы между марийским, башкирским и татарским народами, взаимовлиянию и взаимообогащению их культур.

Многие татарские и марийские школы соседних братских республик наряду с детальным изучением жизни и творчества татарских и башкирских художников слова обращают большое внимание и на глубокое изучение жизни и творческой деятельности марийских писателей — своих земляков. Юные литературные краеведы татарской Бизякинской средней школы Менделеевского района Республики Татарстан уже в течение нескольких лет продолжают изучение жизни и творчества своего земляка первого марийского поэта и педагога Г.Микая (Герасимова Михаила Степановича), родившегося в деревне Ильнет, проводят походы по его следам, встречаются с его земляками-современниками, со своими сверстниками, изучают литературу, историю создания его прекрасных произведений, устраивают концерты, литературно-музыкальные вечера, посвященные творчеству марийского поэта, Героя Труда. Переписываются с учащимися марийской Бимской средней школы Агрызского района Татарстана, собирают материалы о Г.Микае, который учительствовал до революции в этой школе. Юные краеведы Бимской школы помогают татарским друзьям накопить интересные материалы и об известных представителях марийской литературы и просвещения, работавших в первые годы Советской власти в этой школе: о Кузнецове Максиме Васильевиче (Апшат Макси) — известном журналисте, редакторе газеты «Марий ял» («Марийская деревня»), журнала «У ильш» («Новая жизнь»), о Бельском Василии Елосеевиче, который в течение 9 лет исполнял обязанности директора Уральского педтехникума, одновременно редактировал марийскую газету «Социализм корне». Бизякинцы узнали и о том, что в 1927 г. в Биме открыли семилетнюю школу, директором школы стал Токмурзин Илья Михайлович (И.Лемберский), впоследствии ставший известным марийским писателем, членом Союза писателей СССР.

Взаимовлияние марийского и татарского народов в области декоративно-прикладного искусства — факт неоспаримый. Оно проявляется даже в терминологии. В 1960-е годы в изучении народного искусства как марийцев, так и татар усиливается интерес к орнаменту. В мари эти работы Г.И.Соловьевой, а в Татарстане — в основном работа Ф.Х.Валиева. В книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (Казань, 1969) Ф.Х.Валиев наряду с показом влияния татарского прикладного искусства на марийское искусство, раскрывает действие обратной тенденции — влияния народного искусства «финно-угорских аборигенов» на искусства татар.

Из работ, касающихся творческого взаимовлияния в народном искусстве мари и татар наибольшего внимания заслуживает книга Ф.Х.Валиева «Орнамент казанских татар», в которой показано, что исторические и этнокультурные связи татарского народа с другими народами находят отражение во многих элементах всех видов его декоративно-прикладного искусства.

Исключительно важным в этом исследовании является попытка выявить результаты взаимовлияния татар с соседними финно-угорскими народами, ана-

лизируя все виды народного искусства, имеющиеся у татар. Это первая, и пока единственная работа, в которой наиболее детально рассмотрен вопрос о взаимовлияниях в искусстве татар с соседними народами.

В заключение необходимо сказать, влияние, взаимовлияние, взаимообогащение культур татарского и марийского народов приводит к обогащению и расширению рамок национальных культур при сохранении их своей самобытности, самостоятельности. Развитие этих связей является несомненным достижением всей культуры нашей страны, знаменательным фактом нашей действительности. Сближение культур братских народов Поволжья и Приуралья и в том числе татарского и марийского народов есть единство плодотворной и возможный объективный процесс на пути его расцвета, раскрытия лучших потенциальных их возможностей.

Примечания:

- ¹ Герцен А.И. Собр.соч. в тридцати томах. Т.1. — М., 1954. — С.132.
- ² Катанов Н.Ф. ЦГА Республики Татарстан. Ф.420, оп.1,1906, Д.50.
- ³ Митрей Кедра. Избранное. — Ижевск, 1965. — С.192.
- ⁴ Григорьев С. «В.М.Васильев». — Йошкар-Ола, 1985. — С.8.
- ⁵ Очерки истории марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). — Йошкар-Ола, 1965. — С.177.
- ⁶ Образование марийской автономной области. Сборник документов и материалов. — Йошкар-Ола, 1966. — С.39.
- ⁷ Хузангай П. Мускав-Мухтав. «Литературная Россия», 24 декабря 1965 г.
- ⁸ Сави В. В годы революции. — «Йошкар кече», 19 декабря 1928 г.
- ⁹ Шабдар О. Доля женская (роман) — «У вий» (орган ассоциации марийских писателей), 1929, №10. — С.35.
- ¹⁰ Ток А. Незабываемые годы молодости. — Йошкар-Ола, 1970. — С.9.
- ¹¹ Баширов Г. И сегодня, и завтра (на тат.яз.). — Казань, Тат. книж. изд-во, 1974. — С.16—17.
- ¹² Хаким С. Поэзия и жизнь. — «Советская Татария», 7 августа 1958 г.

Аида Петренко

Костные остатки животных в погребальном обряде финно-угорских могильников I тыс. н.э. в Прикамье как этнографический признак

Погребальный обряд является одним из этнографических признаков, а изменения в ритуале могут являться и показателем включения иноплеменных групп населения на исследуемую территорию. Поэтому детальный анализ изученных могильников в плане захоронения животных может дать важные материалы для решения проблем социального и экономического развития финно-угорских этнических групп в рассматриваемый период.

Образ жизни людей тесно связан с их обычаями и традициями. Языческая религия всегда имела большое значение у древних народов. Необходимо было соблюдать определенные ритуалы, чтобы жизнь в потустороннем мире была успешной. С этой целью в погребения помещали все необходимое для загробной жизни и, в том числе, домашних животных. Нами были изучены и обобщены результаты определения ритуальных остатков из 5 языческих могильников.

В природном отношении эти археологические памятники занимают единую территорию южной таежной зоны Среднего Поволжья и общей характерной чертой их было наличие ритуальных остатков животных. Однако, различия, связанные с культурной принадлежностью и хронологическими показателями могильников представляют научный интерес и позволяют выявить ряд особенностей и закономерностей, связанных с этно-социальными особенностями этих памятников, с вопросами духовной культуры древних людей Прикамья.

II Аверинский могильник, расположенный на правом берегу р. Камы,¹ датируется археологами Голдиной Р.Д. и Кананиным В.А. VI—IX вв. н.э. и отнесен к ломоватовской культуре, которая по мнению А.П. Смирнова складывалась на основе пьяноборской с влиянием восточных культур.² В территорию ломоватовской культуры, кроме бассейна Верхней Камы, включались бассейны рек Чусовой и Сылвы. Однако затем появилось мнение, что в бассейне р. Сылвы следует выделить самостоятельную неволинскую культуру.³ Археологи определяют возникновение ломоватовской культуры с приходом на Верхнюю Каму в IV—V вв. двух групп населения. Одна — угорская из Западной Сибири, другая — гляденовская, население которой до этого обитало на Средней Каме.⁴ К группе могильников неволинской культуры принадлежат три памятника с ритуальными остатками животных. К их числу относится **Бродовский могильник** (конец IV — начало IX вв. н.э.), **Верх-Сайнский** (VI — нач. IX вв. н.э.) и **Неволинский** (VII — нач. IX вв. н.э.), раскопанные Голдиной Р.Д. и Водолаго Н.В.⁵ И, наконец, пятым памятником является **Варнинский могильник** (VI—IX вв. н.э.), который был исследован Семеновым В.А.⁶ и принадлежал полемской культуре. Все эти могильники оставлены населением родственных финно-угорских культур периода второй половины I тыс. н.э., т.е. синхронные по времени в Среднем и Верхнем Прикамье. И поскольку ритуальные остатки животных, диагностированы нами в

материалах раскопок этих памятников впервые, мы позволили себе предположить, что они как погребально-поминальные черты могут являться этническим признаком. Для этого было необходимо провести не только видовые сопоставления этих материалов, но и выявить характер захоронения ритуальных комплексов.

На II Аверинском могильнике ломоватовской культуры выделяются две большие группы погребений — юго-восточная и западная. Большинство погребений VI—VIII вв. сосредоточено в южной группе, а в западной, в основном, погребения IX в.

Остеологические материалы II Аверинского могильника свидетельствует о том, что 36,5 % погребений сопровождалось ритуальными костями домашних сельскохозяйственных животных. Причем абсолютное большинство (84,2%) принадлежало особям лошади. Так, из 57 определений 30 получено из погребений и 27 — с участков. То есть, эти остатки представляли собой следующие разновидности: 52,6% — погребальные кости животных, помещенных в могилу с умершим человеком и 47,4% — поминальные комплексы, представляющие собой остатки от поминальных тризн.

Погребальные кости в большинстве (66,6%) представляли собой исключительно остатки коня. Причем череп и нижние челюсти (голова) составляют 25%, только череп — 25%, нижние челюсти — 50%. Остальные 33,4% из погребальных костей являлись остатками от крупного рогатого скота: нижние челюсти — 16,7% и 16,7% — сочетания головы лошади с черепом коровы.

В поминальных комплексах преобладают остатки лошадей (голова) — 66,6%, а 16,7% — череп и нижняя челюсть коровы и 16,7% — сочетание черепов коров и нижних челюстей лошадей. Цифровые данные свидетельствуют о равнозначности и идентичности видовых и анатомических характеристик ритуального обряда погребений и поминаний.

Определенный интерес представляют возрастные данные особей животных, зафиксированных в захоронениях. Черепа крупного рогатого скота, независимо от их местоположения, принадлежали сравнительно молодым животным (до 3-х лет).

При погребении воинов для совершения ритуала убивали его личную верховую лошадь возраста 5—6, реже 7—8 лет. А при поминании использовали либо молодых, еще не обьеженных, либо старых, старше 10—12 лет.

По свидетельствам археологов⁷ на II Аверинском могильнике выделяются могилы воинов-всадников, которые, кроме остатков коня, имели в погребениях в различных сочетаниях меч, копьё, стрелы, удила, стремяна, уздечки, символизируя сопровождение в загробный мир воина вместе с его конем. Череп нижней челюсти коровы — не только символ достатка в хозяйстве как для мужчины, так и для женщины, но и этнический признак.

Остеологические комплексы животных из могильников неволинской культуры определяют своеобразие в том, что они встречены, за единичным исключением лишь над могилами, как поминальная форма (из 138 погребений — всего 6 случаев в погребениях).

Материалы Бродовского могильника малочисленны, но представляют одну весьма характерную черту тем, что все зафиксированы с участков как поминальные, причем в большинстве (54,5%) это черепа лошадей и лишь один случай с нижней челюстью. Из 11 поминальных комплексов: 7 — захоронения черепа коня, а три — с черепами крупного рогатого скота, один — нижняя челюсть овцы. Среди диагностированных костей лошадей — остатки животных возраста 7—12 лет. Черепа от крупного рогатого скота — остатки от быков 4—5 лет.

Костные остатки из Неволинского могильника также в подавляющем большинстве получены с участков, как поминальные комплексы, над погребениями, в насыпи. Из 46 определений, 42 — с участка и 4 — из погребений. Костные остатки в погребениях 142, 146 и 147 представлены тремя нижними челюстями лошади возраста до 5 лет, а в погребении 150 — череп до 5 лет и лучевая кость. Преобладают остеологические материалы с участков, которые представлены от особей лошадей. Так из 42 определений встречено: 9 черепов без нижних челюстей, 10 черепов с нижними челюстями, 13 нижних челюстей и 4 случая — отдельные кости ног (берцовая и лучевая).

Значительно реже фиксируются остатки от крупного рогатого скота, в числе которых 2 черепа и одна нижняя челюсть возраста 2,5 и 3,5 года. И совсем редки сочетания черепов и нижних челюстей крупного рогатого скота и лошадей (3 случая).

Ритуальные остатки из Верх-Саинского могильника также по ритуалу захоронения костей животных укладываются в схему поминально-погребального ритуалоположения в могильниках неволинской культуры. Так, из 81 определения на Верх-Саинском могильнике — 79 (97,5%) — с участков и лишь 2 (2,5%) — из погребений. Данные видового и возрастного анализов свидетельствуют о том, что при захоронении древних людей неволинской культуры существовал обряд положения в насыпях могил черепов лошадей и значительно реже коров. В большинстве убивали коней возраста 5—6 лет, очень редко — старых.

Остеологические материалы Варнинского могильника полоумской культуры получены из 50 погребений и с 22 поминальных участков. По видовым характеристикам черепа лошадей, крупного рогатого скота также как и в вышеописанных могильниках неволинской культуры преобладают, но представляют собой в целом более пеструю картину. Из 50 погребальных комплексов в 26 встречены остатки лошадей, в 18 случаях захоронения с костями крупного рогатого скота (ребра, позвонки), 3 — сочетания остатков крупного и мелкого рогатого скота и в трех случаях — кости диких видов: лось, медведь, дикая утка. Из 26 погребальных случаев, представленных фрагментами лошадей, в 7 случаях были захоронены только целые головы коней, в 8 — только черепа и в 8 — только нижние челюсти. В 3 погребения обнаружены следующие кости ног лошадей: пясть, вторая и третья фаланги, хвостовой позвонок. В процентном выражении эти данные составляют: захоронения с черепами и головы коня — 52%, крупного рогатого скота — 42% и части диких видов — 6%. Поскольку кости крупного рогатого скота представляют собой обломки ребер и позвонков. Они явля-

ются несомненно фрагментами заупокойной пищи. Данные возрастного анализа на костях лошадей из погребений человека говорят о том, что при захоронении людей убивали животных 6—7 лет и очень редко 12—15 лет.

По данным Семенова В.А.,⁸ погребения Варнинского могильника помосской культуры располагались неровными рядами, вытянутыми преимущественно с севера на юг и реже с запада на восток. Размеры могил часто определялись социальным положением умерших. Так, большинство длинных могил, как отмечает исследователь,⁹ имели и более богатые захоронения. Указанный автор констатирует факт свидетельства на могильнике различных этнических групп населения со своими обычаями в погребальном обряде, на что, в первую очередь, указывает разнообразная ориентировка погребений. Основными были три направления — головой на восток, на запад и на север (83,0%). Эта же мысль, как нам представляется, отражается и в остеологическом обряде с животными. Во-первых, в разнообразии видовом, а во-вторых, — в разнообразии анатомического состава костей лошадей.

Интерес представляет сравнение о характере захоронения остеологических комплексов из вышепредставленных могильников с соответствующими материалами из поселений неволинской культуры, представляющих собой «кухонные» остатки, свидетельства хозяйственной и животноводческой деятельности населения. Для этих целей нами были диагностированы остатки животных из трех поселений неволинской культуры, раскопанных Р.Д.Голдиной (см. табл.1). К их числу относится поселение «Лобач» (слой IV—IX вв.), определено нами 2170 костей; Бартымское I селище (слой конца VI—VII вв. н.э.), определено 2819 костей и I Верх-Саинское городище (слой VI — нач.IX вв. н.э.), определено 2108 костей (табл.1).

Изученные материалы костей животных позволяют утверждать, что финно-угорское население неволинской культуры содержало в хозяйстве четыре основных сельскохозяйственных вида: крупный, мелкий рогатый скот, свиней, лошадей и мясо их использовало в питании, о чем говорят диагностированные материалы «кухонных» остатков из трех неволинских поселений, представленные в таблицах 1-3. Кости от одиннадцати видов диких животных свидетельствуют о том, что роль охоты в жизни жителей лесных таежных территорий края была весьма значительной, а мясо от бобров и лосей служило богатым подспорьем в питании.

Костные остатки собак попадали в «кухонные» остатки случайно, т.к. в пищу, судя по сохранности, их мясо не употреблялось. Итак, основным мясным продуктом у населения неволинской культуры были говядина и конина, мясо бобров и лосей. И тем не менее, несмотря на большое значение в жизни людей охотничьего промысла, остатки от дикой фауны, животные которой сравнительно разнообразно и широко представлены в остеологических материалах поселений, не были характерны для поминально-погребального ритуала при захоронении древних людей Прикамья периода существования неволинской культуры. Роль охоты в хозяйстве населения была несомненно велика, т.к. мясо от охотничье-промысловых животных было частым продуктом на столах поселен-

цев таежного Прикамья, а пушнина от бобров, куниц, медвежьих и лосиных шкур обеспечивали не только местное потребление, но и служили ценным источником обмена с более южными соседями. Обобщение остеологического материала от домашних сельскохозяйственных животных в «кухонных» остатках из представленных трех поселений свидетельствует о том, что в хозяйственной деятельности и в стадах домашних животных поголовье коров и лошадей несомненно доминировало при незначительном содержании свиней и овец.

В среднем крупный рогатый скот составлял 38,0—66,2% по числу голов, лошади — 23,0—30,6% (табл.3). Тогда как мелкий рогатый скот не превышал 5,4% и очень редко 14,9%, свиньи — 5,4%, редко 17,6%. А если учесть, что выход мясной продукции от коров и лошадей превышает более чем в 20 раз выход мяса от овец и свиней, то становится ясным огромное значение мясной продукции коров и лошадей в жизни населения. Обилие костных остатков от лошадей и коров, возрастные показатели убойного возраста животных свидетельствуют о том, что лошадь и корову содержали и разводили прежде всего для пищевых целей. Находки удила и псалий в неволинских могильниках, указывающие на использование лошади в качестве верхового животного, не противоречат вышесказанному.

Таблица 1

Данные соотношения видов животных из поселений неволинской культуры Прикамья во второй половине I тыс. н.э.

Вид животного	Археологический памятник		
	поселение “Лобач”	селище Бартымское I	городище Верх- Саинское I
Крупный рогатый скот	1405/49 ¹	1326/46	904/34
Мелкий рогатый скот	11/4	124/18	44/10
Свинья	22/4	98/13	99/15
Лошадь	524/17	1097/44	852/26
Собака	3/2	8/3	81/4
Заяц	—	12/3	2/1
Бобр	78/13	70/20	84/17
Лиса	1/1	—	2/2
Рысь	—	—	1/1
Куница	4/4	2/1	2/2
Медведь	2/2	3/1	2/1
Волк	—	—	1/1
Барсук	—	1/1	—
Кабан	—	3/2	1/1
Северный олень	—	5/3	2/2
Лось	120/9	24/7	31/8
Всего	2170/105	2819/162	2108/125

¹ В числителе — число костей; в знаменателе минимальное число особей.

Таблица 2

Процентные соотношения между домашними и дикими животными в «кухонных» остатках поселений неволинской культуры по числу особей в %

животные	поселение “Лобач”	селище Бартымское	городище Верх- Сайнское I
Домашние	76/72,4 ¹	124/76,5	55/60,4
Дикие	29/27,6	38/23,5	36/39,6
Всего	105/100	162/100	91/100

¹ В числителе число особей; в знаменателе — число особей в %.

Таблица 3

Процентные соотношения между домашними видами сельскохозяйственных животных, полученных из «кухонных» остатков неволинских поселений Прикамья (в%)

животные	поселение “Лобач”	селище Бартымское	городище Верх- Сайнское I
Крупный рогатый скот	49/66,2	46/38,0	34/40,0
Мелкий рогатый скот	4/5,4	18/14,9	10/11,8
Свинья	4/5,4	13/10,7	15/17,6
Лошадь	17/23,0	44/36,4	26/30,6
Всего	74/100	121/100	85/100

Редкие обломки роговых стержней коров незначительных размеров, взятые промеры на костях метаподий крупного рогатого скота и лошадей говорят о внешних физических показателях животных, содержанием и разведением которых несомненно занималось местное население. Эти исследования показали, что высота в холке коров и быков не превышала 105—111 см, что соответствует «лесному» грацильному, в подавляющем большинстве комолому скоту. Этот скот был близок к крупному рогатому скоту, который содержался в хозяйствах ряда северных губерний России, описанных в отчетах 1884 г. А.Калантаром,¹⁰ который в 1883 г. обследовал Вятскую и Пермскую губернии с целью выявления состояния скотоводства этих районов. Природные условия в крае и условия содержания скота были таковыми, что трудно было ожидать обнаружить здесь признаки содержания какого-то иного скота. Решающую роль в животноводческой деятельности играли несомненно местные природные возможности. Южный скот люди не завозили. Однако, морфологические показатели исследования костных остатков лошадей при пересчетах на высоту в холке засвидетельствовали бытование сравнительно разнообразных особей животных с высотой 128—144 см. Эти показатели по классификации иппологов¹¹ позволя-

ют говорить о том, что местное население имело в хозяйствах не только мелких «лесных» лошадей с высотой в холке 128—130 см, но и в обмен на пушнину покупало, возможно, коней «степного» типа, среди которых встречались категории выше «средних», имевших высоту около 144 см.

В.И.Цалкин считал признак преобладания в питании мяса лошадей эпохи раннего железа в лесных регионах Восточной Европы единственно ясно выраженной особенностью, отличающей состав костных остатков у племен, занимающихся мотыжным земледелием.¹² И действительно, у нас имеются тому немало подтверждений, когда с появлением пашенного земледелия резко снижалось целенаправленное содержание коней на мясо, а вместе с этим фиксировалось и резкое снижение числа костей лошадей в «кухонных» остатках поселений¹³ и одновременно значительное увеличение в хозяйствах поголовья свиней, либо овец, в зависимости от этнических, культовых и природных особенностей того или иного памятника.

Обычай сопровождения умершего человека мясной пищей, представлявшей собой фрагменты частей туши домашнего животного (реберно-позвоночная часть), широко известен в Среднем Поволжье начиная с энеолитических могильников (Хвалынский и др.) и был связан с появлением животноводческих традиций, когда в хозяйствах людей Самарского Поволжья первыми домашними животными были крупный и мелкий рогатый скот, затем лошадь и позднее свинья. Эта последовательность в одомашнивании сельскохозяйственных видов скота прослеживается и в ритуале сопровождения умерших людей загробной пищей. Подобный ритуал в преобладающей массе могильников являлся социальным признаком, сопутствующим различным этническим группам с языческой религией. Поэтому этот обряд с признаками только анатомических характеристик принадлежности к скелету животного, как реберная часть, позвоночная и т.д., обычно не несет в себе этнических характеристик, а поэтому в настоящей работе подробно не рассматривался. Характер видовых показателей остеологических «пищевых» комплексов засвидетельствовал тот факт, что ни в одном из рассмотренных в настоящей работе могильников не обнаружены остатки от свиней. Однако, это никак не объясняется каким-то запретом на употребление в пищу мяса этого домашнего вида, что подтверждается наличием в «кухонных» остатках поселений неволинской культуры (табл. 1-3) фрагментов костей этого животного. Отсутствие в ритуале свиней является следствием пережитков старых угорских традиций населения, сохранившихся в погребально-поминальной обрядности, так как с разведением свиней, их одомашниванием угорские группы в Зауралье познакомились значительно позднее, чем население Среднего Поволжья и Предуралья.

Часто в археологических работах приходится встречать упоминания о том, что в погребально-поминальных комплексах животных, сопровождавших умерших людей в загробный мир, наряду с черепами, встречены единичные зубы лошадей и коров.¹⁴ Это чистое недоразумение, т.к. «отдельные зубы» коня, крупного и мелкого рогатого скота — это либо остатки черепов или нижних челюс-

тей, которые имеют значение для рассмотрения как ритуала, либо это случайно попавшие единичные зубы из перекопов, не имеющих отношения к могильникам. Эти вопросы решаются только специалистами-археозоологами.

В нашей работе мы заострили внимание на ритуале захоронения с умершим человеком черепов, голов и нижних челюстей лошадей и коров, представляющих собой этно-социальный признак и пришли к заключению, что черепа коров встречаются в погребально-поминальном ритуале до тех пор, пока этот вид животного разводился как мясной скот. С появлением мясо-молочного направления в скотоводческой деятельности финно-угорских групп населения таежного Прикамья во второй половине I тыс. н.э. и с появлением пашенного земледелия, т.е. с началом активного использования коня в хозяйственной жизни, из ритуала этот обряд постепенно исчезает.

Научные источники подтверждают, что корова, являясь основным молочным животным, никогда не была, как в древности, так и позднее, у кочевых народов жертвенным животным.¹⁵ Череп коровы в погребально-поминальном ритуале представляется как признак оседлости людей.

Традиционность положения определенных видов животных со временем могла заменяться другими видами, причиной чему могли быть как природные, так и хозяйственные изменения, с чем было связано приоритетное бытование тех или иных животных у населения. Но захоронение такой определенной анатомической части тела коня или коровы как голова, или часть ее — это ритуальный признак оседлого финно-угорского населения, символ обожествления особо ценимых в хозяйстве и почитаемых лесными народами домашних животных. Черепа являлись символами пожелания умершему в загробном мире мудрости, памяти.

Появление в ритуале Варнинского могильника единичных символов захоронений с человеком черепа коня и частей ног, крыльев домашней и дикой птицы — ритуал, который в более поздних могильниках Нижнего Прикамья (Больше-Тарханский, Тиганский) превращается в массовый и характеризуется как угорский. Он частично символизирует признак кочевой формы жизни населения. А ритуал захоронения черепов коня уходит своими корнями в ритуал средневожжских ананьинских могильников типа Ахмыловского.¹⁶

Основные принципы погребально-поминальных обрядов у различных этнических групп людей сохраняются на протяжении многих столетий и являются наиболее устойчивым этническим признаком, несмотря порой на религиозные изменения. Поэтому исследования их представляются особенно интересными для выяснения этнической принадлежности археологических памятников.

Примечания:

¹ *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники Верховьев Камы. — Свердловск, 1989.

² *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952. — С.174—189.

- ³ *Голдина Р.Д.* К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р.Сылвы // Уч. зап. КГУ. Пермь, № 191, 1968. — С. 87—98.
- ⁴ *Голдина Р.Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. — С.43, 51.
- ⁵ *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники Неволинской культуры в Приуралье. — Иркутск, 1990.
- ⁶ *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. — Ижевск, 1980.
- ⁷ *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники... — С.100.
- ⁸ *Семенов В.А.* Варнинский могильник ... С.6.
- ⁹ *Семенов В.А.* Варнинский могильник ... С.8.
- ¹⁰ *Калантар А.* Исследования современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып.1. — М., 1884.
- ¹¹ *Витт В.О.* Лошади Пазырьских курганов // СА, 1952, № XVI. — С.91.
- ¹² *Цалкин В.И.* Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. МИА, № 107. — 1962. — С.71.
- ¹³ *Андреева Е.Г., Петренко А.Г.* Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. — С.155, 156.
- ¹⁴ *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники... — С.121.
- ¹⁵ *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К.* и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-ата, 1966. — С.258.
- ¹⁶ *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы. — М.: Наука, 1982.

Петр Старостин **Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении**

30 мая 1999 г. исполняется 70 лет со дня рождения известного археолога и историка Халикова Альфреда Хасановича. Он родился в д. Курманаево Нурлатского района Татарстана в семье учителей. После рождения сына родители переехали в г. Казань. Учился он в школах Казани, в 1947 г. поступил на историческое отделение казанского университета, который закончил с отличием в 1952 г. Уже на первом курсе Халиков А.Х. познакомился с известным ученым-археологом и историком Николаем Филипповичем Калининным, который возбудил интерес юноши к археологии. С 1948 г. до последнего 1994 года жизни А.Х.Халиков

Халиков принимал участие в полевых археологических экспедициях. В 1951 году вышла его первая научная работа «Некоторые вопросы древнейшей истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 года)» (Уч. зап. Каз. гос. ун-та, 1951, кн. 10, с. 115—123), отмеченная 1 Премией Министерства высшего образования СССР. В 1951 г. еще до окончания университета Халиков А.Х. был принят на работу в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Это учреждение стало основным местом работы Альфреда Хасановича. Здесь он прошел путь от лаборанта до всемирно известного ученого, доктора наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Татарстана. Альфред Хасанович в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова был ученым секретарем, заместителем директора по науке, зав. сектором археологии и этнографии, затем отделом археологии.

Альфред Хасанович продолжил работу Н.Ф. Калинина, руководя работами по сплошному обследованию территории республики и составлению археологической карты Татарстана. Обследование было в основном завершено к концу семидесятых годов, а публикация карты в шести книгах завершена в начале девяностых годов. В начале пятидесятых годов вместе с Калининным Н.Ф. он организовывал и проводил исследования на памятниках первобытности в низовьях р. Камы и прилегающих частях р. Волги в будущей зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Экспедицией были исследованы интересные памятники эпохи камня, энеолита, бронзового века, раннего железа, полностью вскрыто Именьковское 1 городище, давшее название своеобразной именьковской культуре.

В 1956—1959 гг. Халиков А.Х. по просьбе Правительства Марийской АССР руководил Марийской археологической экспедицией. Небольшой коллектив экспедиции за 4 года провел сплошное обследование территории республики в археологическом отношении и провел раскопки практически на памятниках всех эпох данного региона. Полученные материалы были оперативно опубликованы в трех томах трудов Марийской археологической экспедиции.

Под руководством А.Х.Халикова с начала шестидесятых годов началось обследование археологических памятников в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Данные работы начались татарскими археологами впервые в Поволжско-Уральском регионе. Их опыт был положительно оценен центральными научными учреждениями и уральскими археологическими совещаниями. В результате таких обследований открыты уникальные памятники эпохи камня (мезолитические стоянки — Тетюшская III, стоянка Камское Устье и др.), энеолитические могильники (Тенишевский и Мурзихинский II), могильники раннего железного века (Полянский II, Ново-Мордовский, Соколовский и др.), могильники азелинской культуры (Рождественский V, Усть-Брыскинский и др.), могильники именьковской культуры (Богородицкий, Ташкирменский, Маклашеевские IV и V), торгово-ремесленные поселения булгар и др.

Трудно переоценить роль А.Х.Халикова в организации экспедиций на Билярском городище, проводившихся им с 1967 года почти до конца 80-х годов. В результате этих работ открыты остатки древних зданий, мастерских ремесленников, оборонительных сооружений, а также собран большой вещевой материал.

В шестидесятые годы А.Х.Халиков принимал участие в изучении памятников в зонах строящихся Чебоксарской и Нижнекамской ГЭС. Кроме того, в семидесятые и девяностые годы он активно работал на территории древней Казани.

Полевые исследования Альфреда Хасановича нашли отражение в многочисленных составленных им научных отчетах. Они легли в основу его публикаций. Перу исследователя принадлежит более пятисот научных работ, в том числе более тридцати книг. Одним из главных направлений исследователя была проблема этногенеза и этнической истории финно-угорских народов.

Альфред Хасанович уделял внимание древнейшему периоду истории финно-угорских народов. В работе «У истоков финно-угорских народов», опубликованной в 1967 году, он отмечал, что большинство исследователей того периода считало, что обширную полосу леса и лесостепи Восточной Европы в I половине I тыс. до н.э. занимали две большие и родственные культурные общности (ананьинская — на востоке и городецко-дьяковская — на западе). На основе ананьинской общности происходило (по А.Х.Халикову) формирование не только пермской, но и поволжской ветви финно-угорской языковой семьи (частично марийцев, мордвы и, возможно, мери). На базе городецко-дьяковской общности, по его мнению, происходило формирование этнических основ еще не распавшейся финноязычной общности. Впоследствии на этой основе сложились прибалтийские финны (финны, карелы, вепсы и др.). Более восточные группы городецко-дьяковской общности составили основу мари, мордвы, мери.

Применяя ретроспективный метод исследований, Халиков А.Х. утверждал, что если мы считаем общепризнанной финно-угорскую принадлежность носителей ананьинской общности, то есть основания для утверждения, что ее предшественница приказанская культура тоже была финно-угорской. Последняя сложилась на базе волосовской культуры, которую тоже следует считать финно-угорской. Поэтому Альфред Хасанович доказывал, что с финно-угорскими племенами можно связывать носителей неолита с гребенчатой орнаментированной керамикой. Сложение уральской языковой семьи Альфред Хасанович связывал с эпохой мезолита.

Возглавив в 1956 г. Марийскую археологическую экспедицию, А.Х.Халиков активно включился в финно-угорскую проблематику, в том числе и в средневековую. В 1956 г. этой экспедицией были продолжены исследования Мари-Луговского могильника, раскапывавшегося в 1914 и 1929 гг. Под руководством А.Х.Халикова было вскрыто 38 погребений середины 1 тыс. н.э. и зафиксированы многие детали погребального обряда (наличие в засыпи ям углей, кострищ, остатков костей лошади, сопровождающих вещей и т.д.). Хронологически он определял памятник IV—V вв. н.э. и относил его к азелинской культуре. Как и многие предшественники, Альфред Хасанович утверждал, что носители рассматриваемого круга памятников вступили в контакт с позднегородецкими племенами, пришедшими в начале н.э. в Заволжье. Это, в конечном итоге, привело к формированию древнемарийской народности в ее луговом варианте. В те же годы А.Х.Халиков прилагал много усилий для обследования памятников середины 1 тыс. н.э. на территории Волго-Вятского междуречья. К сожалению, на многих поселениях этого региона почти полностью отсутствовали культурные слои. Но на некоторых городищах и селищах, подвергнутых раскопкам, были обнаружены находки, подтверждающие выводы, полученные при раскопках могильников. Интересными в этом отношении оказались материалы Кубашевского городища в верховьях р.Большой Кокшаги, левого притока р.Волги. Керамика с городища двух типов (круглодонная из плотной глины с примесями растительных остатков и плоскодонная и круглодонная посуда с примесями в тесте мелкой дровины и шамота). В культурном слое вместе с вышеописанной керамикой встречены украшения и принадлежности костюма верно определенные Г.А. Архиповым IV—VI вв. н.э. Материалы Кубашевского городища отражают процесс формирования населения Волго-Вятского междуречья на базе двух компонентов (городецкого и азелинского), о чем также писали предшествующие исследователи.

Во второй половине пятидесятых годов под руководством А.Х.Халикова активно велось исследование древнемарийских могильников X—XI вв. (Веселовского, Рутнинского и других). В начале шестидесятых годов их изучение продолжил Г.А.Архипов и другие исследователи. Материалы этих памятников позволили выйти на письменную историю.

В шестидесятые годы А.Х.Халиков приступил к исследованию одного из крупнейших некрополей раннего железного века Восточной Европы Ахмыловского могильника, расположенного на левом берегу р.Волги на территории Респуб-

ки Марий Эл. Значительная часть погребений некрополя относится к середине I тыс. н.э. (V—VII вв. н.э.) и отражает процесс формирования марийского народа.

Вопросы этногенеза финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья и их этнической истории интересовали А.Х.Халикова до последних лет его жизни. Это была одна из его любимых тем. Он был участником всех научных конференций, посвященных этногенезу мордвы, марийцев, коми, удмуртов: многих международных научных конференций, конгрессов и симпозиумов, посвященных финно-угорским народам. Впервые в Казанском университете А.Х.Халиков начал читать курс лекций по основам этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Во второй половине шестидесятых годов он приступил к написанию капитальной книги «Этногенез народов Среднего Поволжья и Приуралья». Данная книга многократно обсуждалась и дорабатывалась. Рецензенты зачастую рекомендовали обойти острые углы, издать не монографию, а курс лекций. В итоге Казанский университет опубликовал лишь первую часть книги, посвященную этногенезу финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

В ней Альфред Хасанович отмечал, что в X—XI вв. древнемарийские племена были в сфере влияния двух государств — Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальской Руси. Об этом свидетельствует широкое распространение болгарских изделий в регионе расселения марийцев и сопредельных территориях. В XII—XIII вв. земли Марийского Поволжья оказались под сильным русским воздействием. Оно заметно изменилось, по мнению исследователя, в XIII—XV вв. после основания Нижнего Новгорода (1221 г.) и русских крепостей в низовьях р.Суры. Археологически это подтверждается находками славянской керамики и местной посуды, изготовленной по славянским образцам.

В то же время, А.Х.Халиков считал, что население луговой стороны длительное время придерживалось болгарской, а затем и казанской ориентации. Археологически это убедительно подтверждается наличием мусульманского могильника около с.Мари Луговая в устье р.Илеть левого притока р.Волги.

Альфред Хасанович очень серьезно интересовался древностями мордовского народа, штудировал исторические и языковые материалы, связанные с происхождением и ранней историей мордовского народа. По его мнению, область будущего формирования мордовского народа была занята западными финноязычными племенами. Это был субстрат, который обусловил сближение мордовских языков с прибалтийско-финскими. Основным компонентом в формировании мордовского народа А.Х.Халиков, как и многие другие исследователи, считал городецкий. Вместе с тем, по мнению исследователя, большую роль играли позднеананьинские и пьяноборские племена. С этим компонентом, по мнению А.Х.Халикова, в мордовскую среду был привнесен и обряда трупоположения. На базе этих двух компонентов начался процесс формирования этнических основ древнемордовских племен: праэрзянских (кошибеевских) в Цинско-Мокшинском регионе и прамокшанских в Верхнесурском (см. «Вопросы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья». Казань, 1991, с.40).

Позднепьяноборский компонент по А.Х.Халикову связан с комплексами андреевско-писеральского круга.

А.Х.Халиков высказывал интересную гипотезу о том, что в V—VI вв. н.э., когда на верхней Суре расселилась группа именьковского населения, часть древнемордовских племен с примокшанскими чертами ушла в низовья р.Суры. С этими пришедшими с юга племенами он связывал могильники Иваньковский, Таутовский, Волчихинский и другие.

Ученый считал, что не позднее рубежа VIII—IX вв. н.э. происходили еще большие перемещения древнемордовских племен, связанные с появлением кочевого населения, оставившего Зиновьевский и Арцыбашевский могильники. По его мнению, не позднее рубежа VIII—IX вв. н.э. на верхней Суре появились тюркоязычные бургасы, от которых сохранились памятники типа Армиевского курганно-грунтового могильника (См.Вопросы этногенеза..., с.44). А.Х.Халиков принимал активное участие в изучении этого некрополя. Материалы его представляют большой интерес. К сожалению, считать их бургасскими нет оснований, потому что плоскодонная лепная посуда, височные привески с грузиками, нагрудные бляхи и другие предметы являются мордовскими. Кроме того, нельзя не учитывать и той ситуации, что мордва в данном регионе жила и в предыдущую эпоху (вспомним Старший Армиевский могильник, изучавшийся П.С.Рыковым и М.Р.Полесских).

А.Х.Халиков разделял мнение предшествующих исследователей о том, что в VIII—X вв. н.э. происходил процесс сближения между собой этнических групп мордвы. Этому способствовали экономические и политические условия рассматриваемого периода. В X—XI вв. существовал общий этноним «мордва» и этнонимы «мокша» и «эрзя».

Альфред Хасанович не проводил археологических исследований на собственно удмуртских памятниках и памятниках коми, но их проблемами он живо интересовался, изучая литературу, просматривая этнографические и археологические коллекции, стремился быть на всех научных конференциях, посвященных данным народам, рецензировал работы, посвященные истории и культуре этих народов. Отделение предков пермских финнов от восточных произошло, по мнению Халикова А.Х., в I тыс. до н.э. с отделением от ананьинской общности гляденовской. Он считал, что прапермяцкое единство сохранялось около полутора тысяч лет. Распад общепермского единства, по мнению Альфреда Хасановича, произошел в X—XIV вв. Последующие этнические процессы пермских финнов, полагала исследователь, испытывали сильное воздействие русского и болгаро-казанского миров («Вопросы этногенеза...», с.88).

Вместе с Еленой Александровной Альфред Хасанович в семидесятые годы приступил к раскопкам Больше-Тиганского могильника, давшего интересные материалы, связанные с кушнарниковской культурой. Как и многие другие исследователи, Альфред Хасанович считал носителей этой культуры древними венграми.

Проходят годы, но вклад А.Х.Халикова в финно-угроведение всегда будет цениться.

Владимир Рыбалка Габор Берецки (к 70-летию со дня рождения)

Известный венгерский ученый-языковед Габор Берецки родился 24 марта 1928 года в Юго-Восточной Венгрии в деревне Бекеш в семье потомственных крестьян. Здесь же он с отличием окончил в 1948 году реформаторскую гимназию. Уже в гимназии интересовался языком и историей родственных финно-угорских народов. В том же году Габор Берецки поступил на кафедру венгеро-румынских языков в Будапештский университет имени Петера Пазмания, но здесь проучился всего один год. В 1949 году его направили с государственной стипендией на учебу в Бухарест, где в 1952 году он получил высшее образование и диплом учителя.

С осени 1952 года Габор Берецки начал работать сотрудником в научно-исследовательском институте языка Венгерской Академии Наук. Через год он был направлен в аспирантуру Ленинградского государственного университета на кафедру финно-угорских языков, после окончания которой (1957 г.) он возвратился в научно-исследовательский институт языка ВАН и работал там ассистентом. В 1958 году Габор Берецки в Тарту защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Финно-угорские элементы в лексике марийского языка», где в результате сравнительно-исторического исследования лексики марийского языка с учетом опубликованных материалов выявил около 700 марийских слов, имеющих соответствия в различных финно-угорских языках. Впоследствии Г.Берецки опубликовал в различных финно-угорских лингвистических журналах множество этимологических этюдов, написал немало теоретических работ.

С 1959 года Габор Берецки работает старшим преподавателем, затем доцентом кафедры финно-угорских языков Будапештского университета имени Лоранда Этвеша. С 1973 года — заведующий кафедрой. В 1979 году получил звание профессора. В октябре 1987 года защитил докторскую диссертацию на тему: «Основы истории марийского языка». Эта работа вносит значительный вклад в решение проблем исторической лексикологии марийского языка. С ноября 1986 года по октябрь 1995 года Габор Берецки работал заведующим кафедрой финно-угорских языков в университете Удинэ (Италия). С 1998 года — почетный профессор Будапештского университета имени Лоранда Этвеша.

Габор Берецки известен среди финно-угроведов в первую очередь как исследователь марийского языка. Будучи еще аспирантом, он в качестве своей специальности избрал марийский язык. В 1953 году впервые приехал в Марийскую республику. С тех пор он побывал у марийцев около 10 раз, посетил почти все районы, собрал богатейший лингвистический и фольклорный материал. Круг его интересов широк. В своих трудах он рассматривает теоретические вопросы фонетики. У него имеются работы морфологического и синтаксического плана. Не остались вне поля его зрения и проблемы марийских диалектов. Но все же самым значительным вкладом являются его исследования в области лексики. Его творческая деятельность, как и у ряда других представителей сравни-

тельно-исторического языкознания, шла по закономерной линии: началась она с этимологических изысканий и постепенно эта дорога привела его к сравнительно-исторической фонетике.

Габор Берецки хорошо владеет марийским языком, преподавал его в Будапештском университете. Написал учебник марийского языка для студентов, куда наряду с устным народным творчеством включил в качестве материала для чтения отрывки из произведений марийских писателей О.Шабдара, М.Казакова, С.Чавайна и др. В его переводе вышли стихи марийских поэтов Н.Мухина, Й.Кырли, Г.Магюковского и В.Колумба, включенные в антологию финно-угорской литературы, изданную в 1974 году в издательстве «Европа».

Габор Берецки известен не только как языковед, но и как неутомимый собиратель песенного творчества. По инициативе и при поддержке Золтана Кодая Габор Берецки вместе со своим коллегой, музыковедом и этнографом Ласло Викаром с 1958 года начал сбор материала по языку, фольклору, народной музыке в Волго-Камском регионе. Это был очень дружный и работоспособный дуэт энтузиастов-ученых двух профилей. За двадцать один год совместной работы они посетили 350 марийских, татарских, мордовских, удмуртских, башкирских и чувашских деревень. Собранные материалы были опубликованы в трех солидных изданиях — «Черемисские народные песни» (1971 г.), «Чувашские народные песни» (1979 г.), «Вотяжские народные песни» (1989 г.). В настоящее время Габор Берецки готовит к изданию четвертый том — «Татарские народные песни».

Во время экспедиций к народам Поволжья и Урала Ласло Викар записывал народные мелодии, а Габор Берецки фиксировал тексты. Результаты их совместной работы можно охарактеризовать на примере сборника «Марийские народные песни». В него включено 320 произведений, собранных в 39 населенных пунктах за время экспедиций 1964, 1966, 1968 годов. Сборник является серьезным вкладом в изучение музыки финно-угорских народов. Книга стала достоянием фольклористов, музыковедов и композиторов многих зарубежных стран, так как тексты песен даны в переводе на английский язык. В работе дано довольно обширное предисловие, в котором отражены структурные и другие особенности в построении сборника: этно-территориальные отличия в песенном творчестве мари, степень влияния соседних народов, общенародные построения, ритмические особенности и т.д. Сборник содержит биографические сведения о 55 исполнителях народных песен и подробный научный аппарат, лингвистические комментарии.

В начале 60-х годов Габор Берецки начал переводить на венгерский язык произведения родственных финно-угорских народов (в основном — эстонских и финских). Он один или совместно со своими коллегами перевел до 30 прозаических произведений и 35 сборников поэзии. За высокий уровень переводов неоднократно получал премии.

Многочисленные зарубежные учреждения и организации приняли Габора Берецки в Почетные члены: Хельсинкское Финно-угорское общество. Финское литературное общество. Общество Калевала и Общество Х.Г.Портана в Турку.

С 1990 года Габор Берецки является председателем венгеро-эстонского общества. В 1991 году избран Почетным доктором Тартусского университета. Финским правительством награжден орденом Белой Розы.

Габор Берецки — талантливый ученый, обладающий неиссякаемой энергией, неутомимый труженик. Многие научные работники, прошедшие его школу, в настоящее время успешно занимаются проблемами финно-угроведения.

Мы от всей души поздравляем Габора Берецки с 70-летием со дня рождения, желаем ему крепкого здоровья, счастья, долголетия, претворения в жизнь всех его научных замыслов.

Важнейшие публикации Габора Берецки

I. Научные работы.

1. Chermis Folksongs (Vikár László társszerzővel). Budapest, 1971. Akadémiai.
2. Chuvash Folksongs (Vikár László társszerzővel). Budapest, 1979. Akadémiai.
3. Votyak Folksongs (Vikár László társszerzővel). Budapest, 1989. Akadémiai.
4. Clucstomathia Coremissica. Budapest, 1990.
5. Grundzüge der tseheremissichen Sprachgesichte 1, II. Szeged, 1992, 1994.
6. A magyar nyelvfinnugor alapjai. Budapest, 1996. Egyetemi tankönyv. ELTE BTK.

II. Переводы

7. Meri Lennart: Hegyen-völgyön. Budapest, 1965.
8. Tammsaare, Anton: Oreád veritékével. Budapest, 1967.
9. Aranyfono lányok. Észtlélmények. Budapest, 1968.
10. Tuglas, Fricdebert: A kis Mimar. Budapest, 1971.
11. Meri Lennart: Tejút fia. TV-film fordítása 1980.
12. Meri Lennart: Vizimadarak népe. TV-film fordítása, 1980.
13. Meri Lennart: Az északi fény kapujában. Budapest, 1982.
14. Kross, Jaan. A cár örültje. Budapest, 1983.

III. Антологии, альбомы, эпос

15. Az észtlélmények kistükre (Antologia), Fordítás. Budapest, 1969.
16. Észtlélmények. Kokonaink földje (Fotóalbum). Szöveg: Bereczki: Gabor. Foto: Ráez Endre. Budapest, 1975. Corvina.
17. Észtlélmények. XX századi észtlélmények (Antologia). Válogatás, kommentár, szerkesztés. 1975
18. Hozott isten, holdacska. (Antologia. Finnugor varázsigék). Szerkesztés, válogatás, utószó. Budapest, 1979.
19. Földisten leánykérőben. (Finnugor balladák). Budapest, 1982.
20. Kalevipoed. Fordította: Rab Zsuzsa. Nyelvfordítás, utószó. Gábor Bereczki. Budapest, 1985.

Козьма Куликов
**Иван Васильевич
Тараканов —
человек и ученый**

Когда человек совершает жизненный подвиг или достигает неординарных высот, невольно начинаешь интересоваться его корневыми истоками. Откуда, где взялось?

Иван Васильевич Тараканов, один из тех, кто привлекает к себе подобными вопросами. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, — не каждому дается такая высокая оценка

Зная его генетические корни, прошлое и настоящее, недюжинные способности к творческому труду, неукротимую волю к достижению цели, могу однозначно делать вывод о том, что Иван Васильевич Тараканов из особой породы людей.

Родился он 2 июля 1928 г. в большом удмуртском селе Покровский Урустамак (Урсы), расположенной на самом юге Бавлинского района Татарстана. Деревня находится на границе четырех административных территорий: Татарстана, Башкортостана, Самарской и Оренбургской областей. Ей уже более 300 лет. Она создавалась по призыву русского царя как своеобразный форпост для дальнейшей экспансии России на Восток одновременно со строительством таких крепостей, как Бугульма и Бугуруслан, Белебей, Оренбург и Черемшанск. В отличие от других народов, удмуртские казаки не захотели селиться в городе, проявив таким образом особый характер земледельцев. Но постоять за себя от набегов охочих до чужого добра или охотников за женщинами пришельцев-степняков или даже соседских племен они могли.

Очевидно, лесные люди были очарованы богатством и красотой природы этого необжитого края, границы двух природно-климатических зон: лесостепной и степной. Поселились они недалеко от быстроходной речки Ик, рядом с вековой дубравой, под высокой трехглавой горой, среднюю из которых назвали Айкай. На вершине этой горы проводили все праздники и гуляния с песнопениями, хороводами. Каждый житель деревни сохраняет в своей памяти эту гору, как место, где он впервые ощутил сердцебиение от внезапно вспыхнувшей любви.

Деревня до сих пор сохраняет прежнюю планировку и древний ландшафт. Серебристые ивы в три-четыре обхвата могучими исполинами стоят вдоль говорливой речки Урсы, к которой притулилась сама деревня со своей двухрядной улицей. Шумит, качается, переливаясь серебристо-зеленым цветом под знойным солнцем эта ивовая громада, заслоняя деревню от злых степных ветров и полуденного знойного солнца. В густых тенистых кронах ее соловьи поют даже днем.

Едешь по степи или угористым перевалам и нередко до слуха доносится пронзительный свист. Оглянувшись, замечаешь пушистый столбушек. Рядом с ним еще несколько маленьких комочков — семья сусликов вышла греться на солнце. Мать, заметив путников, подала сигнал тревоги, засуетилась, забегала около норки. Семейка вмиг скрылась в своем подземном лабиринте. А в те далекие времена, когда переселились сюда удмуртские казаки, в степях, где лежал нетронутый плугом полуметровый чернозем и было буйство трав, водились многочисленные звери и животные и даже тарпаны — дикие лошади. Их табуны проносились мимо деревни, поднимая пыльные облака, на одних наводя ужас, а у других вызывая трепетное восхищение.

Поселились здесь в основном воршудные группы южных удмуртов: Можга, Порга, Кибья, Читырь. Большинство было представлено Кибьинским родом — основная часть деревни и ныне называется Кибьяпал. Вокруг Покровского Урустамака поселились и другие общины. Так родились Потап Тумбарла, Удмурт Ташлы, Пыкет, Купченей. Сам Урустамак дал жизнь новым деревням: Ваёшур, Ямаш, Мекей поселка. За несколько столетий совместной жизни создалась особая общность со своими нравами, обычаями и даже диалектом. Близость к тюркам-степнякам наложила отпечаток не только на внешности, но и на характере бавлинских удмуртов. Они не робкие, настойчивые в достижении своих целей, крепко стоят на земле и гордо несут по ней свое существо.

Нигде я не видел столь гордых женщин. Идет она по улице, высоко подняв красивую голову, и это вовсе не женщина, а царица-лебедь плывет по земле с полным осознанием своего достоинства и вселенского предназначения — рожать истинных мужчин и женщин — хранителей и продолжателей древнейшего человеческого рода. Дыхание спирает и язык немеет от этого видения. А как они поют! Самой популярной песней является Айкай — песня-сказ, поражающая своей эпической многовариантностью и повторяемостью, многоцветьем и многозвучьем. Не случайно наш популярный ансамбль принял такое звучно-мелодичное имя «Айкай».

Одним из отличительных черт характера мужчин является упрямство, порой доходящие до гипертрофированного выражения. Иван Васильевич, например, даже заблудившись в лесу, или захав на своей машине не туда, куда было надобно, не возвращается назад, а ищет новую дорогу, хотя она его приводит к новым потерям времени и сил. Не меньшим упрямством отличался и другой урустамаковец, знаменитый во всем финно-угорском мире Алатырев Василий Иванович. Очевидно, это качество выработалось у этих удмуртских казаков в

борьбе за выживание в условиях иноэтнического окружения, когда даже на покосах нередко приходилось применять косу как оружие. Здесь могут рассказать ряд случаев, когда подобные стычки заканчивались трагически для тех, кто поднимал руку на урустамаковцев. Отступление здесь было равносильно не только поражению, но и смерти. Переселенцы наверняка знали, на что шли, что их ждет. И готовились заранее к подобному образу жизни. К тому же их привели сюда солдаты царской армии из удмуртов, прошедшие жестокую жизненную школу на службе, наученные никогда не отступать. Этот принцип передавался из поколения в поколение. Его придерживается и Иван Васильевич. Однажды он попал в переделку: шел домой поздно ночью. Встретили его трое дюжих подростков. Классическое «дай закурить», — затем удар чем-то тяжелым по голове. Иван упал, стремительно поднялся и ударил кулаком одного из них. Тот мешком свалился у его ног. Другие налетчики предпочли ретироваться.

Особой статью отличаются здешние всадники. Хотя ездят верхом в основном без седла, сидят на лошади, как влитые. Лошадей любят почище, чем цыгане. Умеют их выхаживать и обучать. С юмором рассказывают, как однажды молодой Иван скакал по деревне совершенно голым. Оказалось, после работы он решил в реке искупать коня. Полностью разделся, завел жеребца в глубь реки, разнуздал, чтобы тот смог напиться. Но тут жеребец понял, что настал его час: рванулся и поскакал назад. Иван вцепился в поводья, протаскился за жеребцом по воде, но как только он вынес его на твердую землю, схватившись за гриву, взмыл птицей и взобрался на ретивого скакуна. Но повернуть его назад, поскольку удила были вынуты, было невозможно. Битых два часа противоборствовали два упряма. В конце концов жеребец сдался и взмыленный, вернулся к реке, дал себя спокойно помыть, а Ивану одеться.

Иван, как и многие урустамаковцы, не упускал случая бороться за призы на праздниках «гырон быдтон». Эти праздники здесь являются самыми любимыми. Молодежь и мальчишки скачут верхом, демонстрируют свою удаль в различных видах спорта.

А как они умеют работать! В Бавлинском районе до сих пор ежегодно подводят итоги социалистического соревнования. Колхоз «Колос» ежегодно забирает половину всех призов и главный районный приз. Председателю ежегодно дарят автомашину «Жигули», колхозу — грузовую автомашину — «Камаз», механизаторам — мотоциклы «Урал», дояркам — бытовые машины, ковры. Живут они богато и сытно. В одной только деревне насчитывается около 50 автомобилей «Жигули», несколько десятков мотоциклов, есть трактора. Во дворах по 2—3 коровы, около десятка откормочных свиней, у каждого полон двор птицы. Выращивают рожь, овес, горох, пшеницу, картофель, сахарную свеклу... И дыни.

Колхоз сохраняет прежние принципы социальной защиты. Дети учатся в 10-летней школе, которая выстроена на его средства и ныне обеспечивается всем необходимым. Посредине деревни высится прекрасное здание Дома культуры, есть электрическая мельница, полностью обеспечивающая

потребности населения, водопровод, газ. Колхозникам поверху заработанного в 1997 г, выдали по 2 тонны, пенсионерам — по 2 центнера зерна. К инвалидам прикрепляют однодеревенцев и платят им за уход. Особая община, где главным принципом были и остаются взаимоподдержка, взаимопомощь, живет и здравствует даже в тяжелейших условиях кризиса в стране.

Они помнят стародавние столыпинские времена, когда часть людей из их общества отделились, образовав починки Казбай, Блакыйл, Андан-поселка, Урсыйл. Но где они теперь? Остались одни воспоминания с предостережением: «Вы сильны только единством и общиной!»

Род Таракановых здесь был самый многочисленный. Основал его Варлаам — отец семерых сыновей: Семена, Петра, Ивана, Моисея, Йуды, Якова, Самсона. Семен имел сыновей (Василия и Федора) и трех дочерей. Петр родил четырех сыновей, Иван — трех, Яков — четырех, Моисей — трех, Иуда — двух, Самсон — двух. Все они основали свои семьи и по традиции больше всего рожали сыновей. Мужское начало в роду всегда было ведущим.

Легенды повествуют о том, что родоначальник Таракановых был коренаст, крепко сбит, обладал стремительной походкой и недюжиной силой. На праздниках «Гырон быдтон» или сабантуй (праздник плуга) никто не мог сравниться с ним в единоборстве: всех клал на лопатки. За плодовитость, сноровистость и стремительность его назвали Тараканом. Не обиделся, прозвище сделал фамилией.

Отец Ивана Васильевича — Василий Семенович родился в 1887 г., и был достойным продолжателем рода своего отца. Невысок, кряжист как березовый пень, сноровист во всем. Своими руками построил немало домов. Во время столыпинской реформы попробовал отделиться от общины, на речке Урсы построил плотину и мельницу, но предпринимателем не стал. Непреходящим увлечением его был Крезь. Более сотни музыкальных струнных инструментов он сотворил своими руками, последний инструмент — когда ему было уже 90 лет. Даже, будучи на царской службе во Владивостоке, он умудрился сделать этот старинный музыкальный инструмент. Крезь помогал ему преодолевать тяготы царской службы, доносил своими звуками тепло домашнего очага и мелодии небесной росы с горы Айкай. Крезь был его божеством и пламенной страстью... «Выйдем, бывало, на улицу, сядем рядком все двадцать крезьчи, ударим враз по струнам — улица раздвигалась вширь», — рассказывал он мне о давних и дивных временах своей молодости. Иван унаследовал музыкальный слух отца, виртуозно играет на струнных инструментах, любит русскую балалайку. Любовь к песням и песенницам определила его судьбу. Из братьев и сестер, как мне кажется, в наибольшей степени качества отца унаследовал именно Иван Васильевич.

Помню свое ошеломление, в которое поверг меня ровно 11 лет тому назад Василий Семенович. Мы с Иваном Васильевичем приехали в Урустамак к 90-летию со дня рождения его отца. Старик спокойно выпил с нами 200 граммов водки, заметно повеселел, щеки порозовели. Я предполагал, что он уляжется

спать. Мы вышли с Иваном во двор, сидим на скамейке, беседуем. И вдруг, в дверном проеме крыльца появляется кряжистый богатырь, поднятыми до плеч руками упирается о косяки и начинает петь про Фараона — гонителя иудеев.

Перед нами стоял Великий Понтифик — Верховный жрец!

Прожил Василий Семенович Тараканов внук Варлаама 100 лет. Его сестра дожила до 96. Особая порода.

У четы Таракановых было пятеро детей, но воспитали они 11. Умер брат матери. От него осталось двое малолетних дочерей. Через некоторое время сестра матери оставила сиротами своих четырех тоже малолетних детей. Все они были приняты в семью Таракановых. Надо ли говорить, какую школу взаимоподдержки, участия в судьбе других людей получил при этом Иван Васильевич Тараканов. И сегодня мы можем нередко услышать от людей даже не близких в родственном и служебном отношении к нему, какое деятельное участие принял Иван Васильевич в их судьбе, как он готов прийти к людям на помощь в любое время. Иван Васильевич помогал своим землякам поступать в Удмуртский и Глазовский пединституты, затем в Удмуртский университет. Притом давал им приют в собственном доме, кормил их. Десятки молодых людей прошли через его квартиру, выпестованные четой Таракановых, словно птенцы из гнезда, разлетелись по миру. И разве можно без удивления и восхищения смотреть на терпеливую и многомудрую хозяйку этого дома Люцию Васильевну!?

Блестящим примером для Ивана Васильевича был и его старший брат Петр 1918 г рождения, человек также незаурядный по силе, смелости и сноровистости. В неполных 16 лет, обманув официальные власти (документы о рождении сгорели при пожаре), Петр получил другие, прибавив себе 2 года, и завербовался на шахты Донбасса. Проработав 2 года, вернулся, выучился на тракториста и заработал гору зерна. В 1938 году его призвали в армию, служил артиллеристом. На Днепре попал в окружение. Плен, Польша, Германия. Побег, концлагерь, где ему молотком отшибли пятки, после чего Петр ползал на коленях около трех месяцев. Но едва вылечился, снова побег, — теперь двинулся в сторону Франции, вступил во французское сопротивление и был даже в личной охране Де Голля. Все это кажется фантастикой, но это реальность, подтвержденная документами и наградами — об этом я писал в своей книге «Версты мужества.»

Покровский Урустамак — это своеобразный культурный и научный центр, играющий немалую просветительную роль не только среди бавлинских удмуртов, но и всего нашего народа. Здесь учительствовал малоизвестный в удмуртском мире просветитель Кирилл Алпутов. Все пять его детей стали учителями, построили школы в окрестных удмуртских деревнях в основном на свои деньги. Есть легенда о том, что Алпутов является первым автором букваря на удмуртском языке. Здесь работал Михаил Можгин, автор первой удмуртской поэмы-баллады «Беглой», опубликованной в 1910 году. Отсюда вышел в науку Василий Иванович Алатырев, создавший первый Этимологический словарь удмуртского языка. Покровский Урустамак воспитал самого лирического поэта и прозаика Евгения Самсонова — друга и соратника Ивана Тараканова. Все это

окружение влияло не только на воспитание Ивана Васильевича, но и будоражило его здоровое честолюбие.

Но классическую среднюю школу окончить ему не пришлось. После 8 класса, как одного из лучших учеников, его рекомендовали на учительскую работу в начальных классах. Далее он учился в Бугульминском педагогическом училище. Друг Е. Самсонов, окончивший на отлично в Потап-Тумбарлинскую среднюю школу, поехал в Удмуртский пединститут. Иван не мог позволить себе это, т.к. ввиду отсутствия преподавателя не обучался иностранному языку. И вот неожиданно на октябрьских праздниках от Евгения Самсонова пришла телеграмма, которая может ошеломить даже выдавшего виды человека: «Приезжай в Ижевск. Ты принят на первый курс пединститута». Урустамак воспитывал и самоуверенных авантюристов, но подобного до сих пор в нем не встречалось. Оказывается, в Пединституте только что открылось новое удмуртское отделение и вместо 25 положенных, сумели набрать всего 13 студентов. Иван Тараканов приехал после октябрьских праздников и стал четырнадцатым. Через полгода он догнал однокурсников.

Со студенчеством наступала пора зрелости. Характер Ивана не позволял жить по чужому сценарию, стремился написать свой с чистого листа. Очевидно, это качество привлекло к нему сокурсницу Люцию, красавицу и певунью. Именно эти качества, привязали Ивана к этой девушке. Он заметил у нее уникальный стихийный дар прекрасного голоса в сочетании со способностью переживать песню. К тому же в ней была естественная органическая народность, одинаково блестяще проявляющаяся как при исполнении удмуртских, так и русских песен. Они связали свою судьбу и эти узы, хотя с годами претерпели жесточайшие испытания, крепили и закалялись.

После окончания института чета Таракановых поехала на родину Ивана. Оба преподавали в Бавлинской средней школе. Но через год пришло письмо директора УдНИИ Агафона Николаевича Вахрушева с приглашением на работу. Две недели бился молодой педагог со своим начальством, пытаясь уволиться с работы, но добился своего. Отпустили.

После нескольких минут разговора заведующий сектором языка УдНИИ Перевозчиков Петр Николаевич посадил Ивана за стол и сказал: «Переведи на удмуртский язык один из разделов русско-удмуртского словаря». Иван справился с задачей, которая для обычных сотрудников давалась на полгода, всего лишь за месяц. В 1956 г. словарь вышел из печати. Это пока единственный русско-удмуртский словарь. Через некоторое время молодой сотрудник института включился в состав коллектива, работавшего над созданием научной грамматики удмуртского языка, которая вышла в свет в 1962 г. Четыре раздела ее — «местоимения», «модальные слова», дополнение, «неполные предложения» написаны И.В. Таракановым. Далее приступил к разработке орфографических правил и орфографического словаря.

Хотя работа шла успешно, но чувствовал, что теоретической подготовки пока мало. В 1955 году решил поступить в аспирантуру. Заведующий сектором

П.Н.Перевозчиков не хотел лишаться способного и плодотворного сотрудника. «Молод еще!» — ворчал он по-стариковски, скрывая истинные причины несогласия. Ивану снова пришлось проявить свой таракановский характер. Он уехал к всемирно известному лингвисту академику Паулю Аристе. Сам же выбрал тему диссертации: «Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка».

Тартуский период жизни был золотым. Перед молодым ученым были раскрыты богатейшие фонды академической библиотеки. Оказалось, что здесь собраны все удмуртские издания с 1917 по 1945 годы. Тихий, скромный, маленький университетский городок для Ивана Васильевича стал своеобразной Меккой и центром притяжения. Он запоем читал ту удмуртскую литературу, о которой совершенно не знала студенческая молодежь Ижевска: произведения К.Герда, А.Оки, К.Митрея, М.Коновалова, М.Тимашева и других репрессированных удмуртских литераторов.

Уровень подготовки молодых ученых в Тарту был невероятно высоким. Аспирантам давалась возможность подолгу выезжать в другие научные центры для сбора диссертационного материала. Иван Васильевич изучил фонды Архива Географического общества (Ленинград), работал в библиотеках им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и им. Ленина (Москва). Все это помогло ему подготовить свой труд, который через год после окончания аспирантуры был защищен.

Но когда он возвратился в Ижевск, оказалось, что в УдНИИ места нет. К счастью, появилась вакансия в Педагогическом институте. Глафира Николаевна Никольская, известная удмуртская ученая-педагог, была приглашена работать в Москву. И с тех пор, на протяжении 38 лет, Иван Васильевич преподает здесь. Из его учеников уже выросли два доктора наук, два профессора, 15 кандидатов наук. Сам Иван Васильевич разработал одну из важнейших проблем исторической лингвистики «Тюрко-удмуртские взаимосвязи», которая стала его докторской диссертацией. Это его открытие. В разработке проблемы большую помощь оказало то, что он блестяще знает татарский язык. В изучении проблем исторической лингвистики помогало и знание эстонского языка. Иван Васильевич относится к новому поколению удмуртских ученых, которые уже разрабатывали свои научные темы на основе знания многих языков.

Пройден долгий плодотворный путь. Издано 7 монографий, 142 названия научных работ, разработан в соавторстве и издан в 1975 г. учебник удмуртского языка. Второе издание его осуществлено в 1992 г. До него в удмуртском языкознании не было раздела лексикологии. Проведена огромная научно-организационная работа. Когда Иван Васильевич Тараканов пришел в УГПИ, там работало всего три языковеда: Апполинария Александровна Поздеева, Апполинария Ивановна Малых, Ева Ивановна Никитина. В 1959 г. пришел Даниил Александрович Яшин. С 1967 г. Иван Васильевич стал заведовать кафедрой удмуртского языка и литературы, которая по сути выполняла роль факультета удмуртского отделения.

При организации университета на базе УГПИ 1972 г. был создан факультет, который принимал на дневное отделение 50 чел., на заочное — 25. Этот

факультет фактически вырос на плечах И.В.Тараканова. Он подобрал кадры на обе кафедры: языка и литературы.

В 1970—1972 гг. пришли Валея Кельмакович Кельмаков и Серафим Васильевич Соколов, тоже воспитанники УдНИИ. Далее — Геннадий Афанасьевич Ушаков, Роза Ивановна Яшина, Александр Григорьевич Шкляев. В 1987 г. на факультете работало уже 12 преподавателей с научными степенями. Долгое время не удавалось защититься Серафиму Соколову. Его научный руководитель, по сути дела, совсем отстранился от своего аспиранта. И тут Иван Васильевич, несмотря на то, что этот руководитель был его земляком, настоял на том, чтобы отстранить его и назначить нового руководителя — Василия Ильича Лыткина. Соколов вскоре вышел на защиту. Все это создало возможность открыть две кафедры: удмуртского и финно-угорского языкознания и кафедру удмуртской литературы и литературы народов СССР. Первой кафедрой стал заведовать известный литературовед Александр Григорьевич Шкляев, другой — Иван Васильевич Тараканов. Позднее он оставил ее Валею Кельмаковичу Кельмакову.

За годы работы в университете Иван Васильевич обновил все учебные программы, составил учебные планы, которые получали одобрение в Институте языкознания (Москва). В настоящее время по этим планам идет обучение языкам в Сыктывкаре, Йошкар-Оле и Ижевске. Именно благодаря этой деятельности преподавание языков в университете было поднято на европейский уровень. Студенты ныне получают столько знаний, сколько их не давали раньше в аспирантуре.

Ивану Васильевичу удалось в 1992 году впервые в истории УдГУ открыть Совет по защите диссертаций. Он имеет свою аспирантуру, в которой готовятся не только удмурты, но и коми-пермяки. Кроме того он является членом Совета по защите докторских диссертаций Марийского государственного университета. Как член Ученого совета оппонировал докторские и кандидатские диссертации по марийскому, мордовскому и коми языкам. Неоднократно выступал в качестве оппонента при защите диссертаций на Ученом совете Тартуского университета (Эстония).

В свои 70 лет Иван Васильевич Тараканов полон сил, энергии, творческих замыслов. По-прежнему ведет научную работу, готовит учебники для студентов. Находит время поработать на своем огородном участке, где он совсем недавно своими руками выстроил срубной дом, нередко выезжает на охоту и рыбалку. Одним словом, потомок Варлаама верен принципам своих предков. Пожелаем ему всяческих успехов!

Список сокращений, используемых в журнале

АО — Археологические открытия.

ВАУ — Вопросы археологии Урала.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

СА — Советская археология.

СФУ — Советское финно-угроведение.

Сведения об авторах

Поляков Юрий Алексеевич (1932—1992) — пермский археолог, исследователь древностей Прикамья эпохи раннего железа.

Мальшева Оксана Владимировна — аспирант Института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Беговатов Евгений Александрович — кандидат математических наук, старший преподаватель факультета вычислительной математики и кибернетики Казанского государственного университета.

Супруненко Александр Борисович — историограф и археолог из г.Полтава (Украина).

Кулатова Ирина Николаевна — специалист по археологии скифов (г.Полтава, Украина).

Приймак Владимир Владимирович — археолог из г.Сумы (Украина).

Арсланов Леонид Шайхсултанович — доктор филологических наук, профессор Елабужского педагогического института, известный языковед, автор многих работ, в том числе по топонимике Республики Татарстан.

Фанис Фатхылович Исламов — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории АН РТ.

Наиля Фанисовна Баширова — кандидат филологических наук, доцент Набережно-Челнинского государственного педагогического института.

Петренко Аида Григорьевна — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан.

Старостин Петр Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории Академии наук Республики Татарстан.

Рыбалка Владимир Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева.

Куликов Козьма Иванович — доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук России.

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Иван Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Велла Лыугас

(Институт истории АН Эстонии)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,

литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Томас Нунен

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420095, г. Казань, ул. Кремлевская, 9.

Институт истории АНТ. Редакция ж. “ПАНОРАМА-ФОРУМ”.

☎ Телефон/факс: (8432) 92-92-64; 38-43-45. ✉ E-mail: history@vega.kcn.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Дины Галеевой.

“Finno-Ugrica” издается в качестве приложения к журналу “ПАНОРАМА-ФОРУМ”,

зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Подписано к печати

г. Объем 5 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Выписывайте журнал “Финно-угроведение”

С 1994 г. в г.Йошкар-Оле издается журнал “Финно-угроведение”. В нем публикуются материалы по языку, истории, культуре финно-угорских народов. Журнал полезен не только для специалистов, но и широкого круга читателей (работников культуры, учителей, краеведов, студентов). Познавая свои родственные корни, прошлое, богатство языков, устного народного творчества, разнообразие красок этнических культур, мы черпаем силы для духовного возрождения.

Адрес редакции: 424036, г.Йошкар-Ола, ул.Красноармейская 44.
Тел.: 5-37-34

ФИННО- УГРОВЕДЕНИЕ

1. 1994

